

Областное государственное учреждение культуры
«Усть-Ордынская Национальная библиотека им.М.Н.Хангалова»

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ...

Сборник публикаций периодической печати округа
об участниках
Великой Отечественной войны – уроженцах Усть-Ордынского округа

пос. Усть-Ордынский
2010 г.

ББК
УДК

Составители: Л.Т.Хамируева, Д.А.Булсахаева
Ответственный за выпуск: Н.А.Спиридонова

От составителя

В сборнике «Бойцы вспоминают минувшие дни...» представлены публикации об участниках Великой Отечественной войны (1941-1945гг.) – уроженцах Усть-Ордынского округа. В него вошли биографические и автобиографические статьи, воспоминания, опубликованные на страницах окружной газеты «Знамя Ленина», с 1994 г. именуемой «Панорама округа».

Издание подготовлено ОГУК «Усть-Ордынская Национальная библиотека им.М.Н.Хангалова» по материалам имеющегося в фонде библиотеки архива окружной периодической печати.

Хронологический охват публикуемого материала - с 1966-го года (именно с этого времени в библиотеке имеется архив окружной газеты «Знамя Ленина») по 2009-й год включительно.

Расположение материала в сборнике – в алфавите персоналий. В конце представлены материалы встреч - «Круглых столов» с ветеранами Великой Отечественной войны, организованных редакцией газеты в разные годы.

Бойцы вспоминают минувшие дни...: Сборник публикаций периодической печати округа об участниках Великой Отечественной войны – уроженцах Усть-Ордынского округа / ОГУК «Усть-Ордынская Национальная библиотека им.М.Н.Хангалова»; Сост.: Л.Т.Хамируева, Д.А.Булсахаева; Отв. за вып. Н.А.Спиридонова. - Иркутск, Изд-во « », 2010.- с.

В сборнике представлены биографические статьи, воспоминания участников Великой Отечественной войны – уроженцев Усть-Ордынского округа, опубликованные на страницах окружной газеты «Знамя Ленина» в период с 1966-го по 2009-й гг.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

НА КРЫЛЬЯХ ВОЙНЫ ОТ БАРЕНЦЕВА ДО ЖЕЛТОГО МОРЯ

*Николай Ефимович Александров,
капитан авиации,
уроженец ул. Нижняя Тараса Боханского района*

Воин, учитель, журналист, краевед - Александров Николай Ефимович родился 10 июня 1924 года в улусе Нижняя Тараса 2-го Готольского булучного совета Боханского аймака в семье бедного крестьянина.

5 ноября 1943 года был призван в армию и направлен в Читинскую авиационную школу воздушных стрелков и радистов. По окончании школы был направлен на Ленинградский фронт воздушным стрелком на самолетах типа СБ, ИЛ-4, Ту-2.

Участвовал в штурме Берлина, воевал на Забайкальском фронте. Демобилизован из рядов Советской Армии в июне 1951 года.

Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За битву за Ленинград», «За оборону Советского Заполярья», «За освобождение Прибалтики», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Имеет 6 благодарностей от Верховного Главнокомандующего, Диплом и «Памятную медаль» от Советского комитета Ветеранов Войны.

Война. Четыре года сражений, боли, крови, ужаса, труда, потерь, горя. Шестьдесят лет назад Страна Советов отвоевала право на существование ценой миллионов жизней своих граждан, жизненный путь многих закончился, не успев начаться. Шестьдесят лет назад начался отсчет. Отсчет мирного времени после Второй Мировой.

Война. Она была одной на всех, но каждый прошел свой путь. Путь от начала до конца. До конца войны. Путь полный страха, голода, надежды, веры, бесстрашия, безверия, безнадежности. Каждому свое.

Война. Для юного паренька из захолустной сибирской деревеньки Коли Александрова началась еще раньше, когда большая семья осиротела - сначала не стало отца, год спустя умерла мать. Пятеро детей остались с бедой наедине. Началась борьба за выживание, за достойную жизнь. Нужно было учиться, работать, жить. Но испытания на жизненном пути только начинались.

Война. Началась 22 июня 1941 года, изменив жизнь каждого жителя огромной страны. Семнадцатилетний юноша Николай со своими сверстниками остались основной рабочей силой в колхозе, успевая после работы проводить политинформации, собирать посылки на фронт.

Летать? Можно!

Для Николая настал день, когда война стала для него не просто сводками Совинформбюро. 5 ноября 1943 года его призывают в армию и после прохождения тщательного медицинского осмотра выносят вердикт - летать нельзя. Но в Чите мнение медиков иное - годен. После окончания школы для него открыто небо, и ничего, что воздушный стрелок. Не каждому дано стать летчиком. И голыми руками стал бы душить врага.

Крещение выпускники школы приняли на Ленинградском фронте, где первые дни, пока не прибыли их самолеты, они занимались доставкой грузов с продовольствием в осажденный город. На бреющем полете сбрасывали тюки, не глядя, лишь бы в черте Ленинграда, а там подберут.

Лишь позже, после прорыва блокады и освобождения всей области от немецко-фашистских захватчиков, пришло осознание мужества и стойкости ленинградцев. В период сражений иные мысли кроме победы не приходили.

69 параллель - воскрешие из мертвых.

Освобожденный Ленинград остался позади, впереди - Карельский фронт, знаменитый десятый удар Советских войск. Борьба за воздушное пространство над Кольским полуостровом, участие за освобождение городов Гетсамо, Печенга, Киркинес, находившихся на 69 параллели севернее Норвегии. Сегодня вспоминает Николай Ефимович о событиях тех лет спокойно, хотя мог и навеки остаться в карельских лесах: «4 октября 1944 года в Заполярье наш авиаполк получил боевое задание - нанести бомбовый удар по скоплению вражеских войск севернее Киркинеса (территория Норвегии). Полет протекал успешно, нас прикрывала эскадрилья «лавочкиных», к тому же в районе Киркинеса дежурили наши ястребки. Сделали первый заход, второй. Смотрим, внизу взрывы и пламя. Значит цель поражена. Штурман фотографирует результаты бомбежки, самолет ложится на обратный курс. Вражеские зенитки молчат. Казалось бы все благополучно. Но девятку «ильюшиных» встретили немецкие истребители. В этом бою одному из «мессеров» удалось поджечь правый мотор нашего самолета. Что делать? Внизу территория, занятая врагом, парашют бесполезен. Решили продолжать полет, горели, но строя не покинули, из боя не вышли. Пламя уже лижет фюзеляж, вот-вот произойдет взрыв. Но командир экипажа тянул самолет сколько возможно и сумел, убрав шасси, на выключенном моторе посадить машину на небольшой полянке в лесу. Едва успели выбраться из самолета, как через несколько секунд раздался взрыв. С этого вылета не вернулось три самолета. Несколько дней мы блуждали по лесам и болотам, пока не наткнулись на лесника-скандинава, показавшего нам правильную дорогу. В свою часть вернулись через двадцать суток, нашим родным уже успели отправить похоронки».

Три минуты на бомбежку.

В конце октября 1944 года освободили Заполярье, предстояло еще

шесть месяцев до дня Победы, но они тогда еще не знали, что она близка. После Карельского фронта нашу 113-ю Красногвардейскую орден Красного Знамени и Суворова II степени дивизию перебросили на другой фронт. Летным экипажам предстояла учеба в Москве, в срочном порядке они переучивались, им предстояло летать на ТУ-2.

И вот решающее сражение. С 16 по 30 апреля 1945 года велся массированный обстрел Берлина - оплота фашизма. В его небе самолеты кружились в три яруса, экипажам давалось три минуты на бомбардирование. Как вспоминает Николай Ефимович, бывали столкновения наших самолетов из-за многочисленности нашей авиации. Каждое утро этих двух недель плотного обстрела Берлина, зажигались мощные прожектора, направленные в сторону города, ослеплявшие противника, не давая возможности маневров для ответного огня.

Когда-то красивый город был разрушен до основания, но перед глазами стояли наши города, может с менее древней историей, но родные, истерзанные непрошеными гостями.

Авиация первой видит врага, первой атакует, но на побежденную территорию входят последними. Первым на рейхстаге расписался солдат пехоты, последними поставили подписи экипажи воздушного флота. Николай Ефимович рассказывает, что на стенах здания, где рождались безумные идеи властвования Гитлера, его подпись была одной из тысяч. Внутрь же их не пустили, не удалось им осмотреть и резиденции других вождей фашизма.

К Желтому морю перенесли Николая Александрова крылья его бомбардировщика. Запад остался далеко позади со своими проблемами, конференциями, делениями. Приближалось 9 августа 1945 года, когда уже японские захватчики решили попробовать Советы на стойкость и крепость. В тот день, в четыре часа утра, наши войска перешли границу Маньчжурии. В полете Николаю вдруг пришла мысль: «А в 1941 году 22 июня немцы точно также в 4 часа напали на нас. Что пришлось пережить жителям наших приграничных селений? А сегодня мы...»

После успешного выполнения задания 113-я Ленинградская дивизия в конце августа взяла курс на Мукден-Дальний-Порт-Артур. В последнем Николай Александров прослужил шесть лет. Зажатый между сопкок город протянулся вдоль берега. На сопках белеют обелиски. С высоты видны кривые переулки, узкие улицы.

Знаменитый Порт-Артур, последнее прибежище тысяч наших земляков, в том числе и иркутян, служивших в 135-й Иркутской Дивизии. Ухоженные кладбища, артиллерийские орудия, сохраненные японцами следы жестоких боев, напоминают потомкам о героической обороне Порт-Артура во время русско-японской войны 1904-1905гг.

В течение всей службы Николай Ефимович в свободное время изучал историю тех дней, пораженный трепетным отношением японцев к истории, ни один памятник не разрушен вандалами.

Домой, на Родину

Закончилась служба в армии и для Николая, правда, когда большинство солдат уже вернулось домой, в 1951 году. Ничто не могло удержать на чужбине сибиряка, восемь лет не видевшего родину. В двадцать семь лет он учился жить заново, без армии. Но для целеустремленного человека возраст не помеха. Николай Ефимович заканчивает высшую партийную школу, затем Иркутский педагогический институт. Капитан авиации в запасе не мог остаться незамеченным коммунистами - его назначают инструктором райкома партии, затем секретарем парткома колхоза им. Хрущева (ныне СХК им. Калинина), позже заведующим отделом пропаганды и агитации Боханского РК КПСС и членом Бюро РК КПСС с 1962 по 1964 год. С 1965 года и по 1986 год он бессменный директор вечерней школы рабочей молодежи. Два раза Николай Ефимович избирался председателем районного Совета ветеранов, активный участник ветеранского движения с 1958 года и до сего времени.

Краевед и журналист

Если бы Николай Ефимович не стал партийным работником, а затем учителем, ему прямая дорога в журналистику. Еще в 1946 году начал он сотрудничество с районной газетой, тогда еще «Колхозной правдой», присылая заметки из армии. С тех пор дружба с газетой не прекращается. Публиковались его материалы и в окружной газете. Единственный из ветеранов войны Боханского района Николай Ефимович щедро делится с земляками воспоминаниями о фронтовых годах. В 1982 году он становится членом Союза журналистов. И сегодня на страницах местной прессы можно прочитать статьи о войне за подписью Николая Александрова.

Первым в районе он начал краеведческую работу, долгое время пытался пробиться сквозь чиновнический бюрократизм, хлопоча о выделении дома купца Пирожкова под музей, где мечтает разместить весь собранный материал по истории жизни и деятельности предпринимателя и хозяйственника, сумевшего вырастить на своих полях пшеницу впечатлившую французов. Сможет ли воплотиться его мечта при жизни?

В чем счастье?

Можно ли назвать судьбу нашего героя счастливой? С точки зрения истории - да. Родиться в период становления Советов, пройти через пекло войны и остаться живым, участвовать в возрождении страны, жить и работать в ее лучший период, перешагнуть границу века. Но быть свидетелем крушения идей и надежд, развала великой державы. Культ личности, авторитаризм знакомы ему не понаслышке. Это ли счастье?

И все же он счастлив. Счастлив своими детьми, которых сумел воспитать порядочными людьми, внуками - достойными продолжателями его рода.

Война перенесла его на своих крыльях от Баренцева до Желтого моря, ему посчастливилось остаться живым. Почему же сегодня ощущается горечь? Столько возложено жертв на алтарь войны, неужели урок так быстро забыт? Бесконечные зачем и почему не дают покоя ветерану. И хотя война уже давно не снится бывшему воину, достаточно включить телевизор, чтобы она пришла в дом.

Почему мы воюем?

Как-то в частной беседе один из участников Великой Отечественной войны обронил «страх и голод самые страшные чувства, из-за страха и голода человек может сделать что угодно, что угодно украсть, убить...» Что же движет нами сегодня? Страх? Голод?

Шестьдесят лет в масштабах истории ничтожный срок, но за это время мир забыл об ужасах кровопролитных сражений, а может и не помнил вообще. Страх и голод - не причины для развязывания войны. Жажда мучает мир, жажда власти, как когда-то Адольфа Гитлера.

Т.Яцкова
Боханский район
Панорама округа.-2005.-18 февр. (№16-17)

ЭТИ ДНИ НЕЗАБЫВАЕМЫ

*Михаил Петрович Алексеев,
участник битвы под Москвой, Курской битвы,
уроженец с.Кукунур Аларского района,*

Уроженец села Кукунур Аларского района Михаил Петрович Алексеев четыре года прошагал трудными дорогами войны. Бывший фронтовик часто вспоминает: «Первый день войны застал нас в лесу, около небольшой станции. Мы сдавали экзамены на звание младшего командира запаса. А через три-четыре дня дивизия погрузилась в эшелоны и двинулась на фронт. По пути следования несколько раз попадали под бомбежки. Наша дивизия, которая вошла в 53-й стрелковый корпус, вступила в первый бой пятого июля на Днепре, у Смоленска.

Город много раз переходил из рук в руки, но стойкость и мужество бойцов нашей дивизии были беспримерными. Неся большие потери, стойко обороняли Смоленск до 26 июля. Трудно было. В первые дни боев в полку не

было противотанковых гранат, бутылок с горючей смесью. Красноармейцы связывали ручные гранаты и бросали во вражеские танки. Кровопролитные, тяжелые бои с врагом продолжались до второй половины дня 29 июля. В ночь на 30 июля нам было приказано оставить Смоленск. Но в результате жестоких боев немецкая группа «Центр» была сильно ослаблена, потеряв до пятидесяти процентов личного состава, гитлеровское командование было вынуждено отложить наступление на Москву.

Есть в жизни человека события, которые он помнит особенно отчетливо. Проходят годы, десятилетия, а сердце по-прежнему хранит их. И сейчас отчетливо вижу поле боя и красноармейцев, огневые вспышки пушек и дымный след ракеты. Кажется, будто слышу хруст снега под ногами, чувствую дыхание мороза на лице. А тогда, в зиму 41-го года, мороз действительно был крепкий. Очень тяжело было, но каждый знал: дальше отступать некуда. Знали это и бойцы 16-й Забайкальской армии, в которой я защищал Москву.

В начале декабря 1941 года советские войска перешли под Москвой в контрнаступление и нанесли немецко-фашистским армиям крупное поражение.

Операция гитлеровского вермахта «Тайфун» потерпела крах. Красная Армия, опиравшаяся на помощь всего советского народа, одержала в битве под Москвой победу, которая стала решающим событием первого года Великой Отечественной войны, началом ее поворота и первым крупным поражением гитлеровцев. Навсегда останутся в памяти советских людей славные подвиги наших бойцов, отстоявших Москву. Вечной славы достойны те, кто пал в боях, кто грудью своей закрыл от врага родную столицу. Мы все в неоплатном долгу перед погибшими товарищами. В наших силах сделать все, чтобы увековечить светлую память о них.

Долог и тернист был наш путь к незабываемым майским дням 1945 года. День, когда советские солдаты водрузили над зданием рейхстага Красное знамя, был поистине великим.

Мы, испытавшие войну, знаем истинную цену Курской битвы, решившей исход всей Великой Отечественной. В самой середине Курского выступа занимал оборону наш полк, который входил в состав 65-й армии генерала П.И.Батова, знакомой немцам по Сталинградской битве. Наши войска — Центрального и Воронежского фронтов, — занимавшие пространство в этой дуге, уже были как бы полуокружены. Немцы решили использовать здесь свои излюбленные приемы — ударить с севера и с юга танками под основание дуги, за четыре дня замкнуть кольцо и уничтожить войска. Курский выступ так нравился немцам, сулил такой выигрыш!

5 августа 1943 года прозвучал первый победный салют. Москва двенадцатью артиллерийскими залпами - отметила победу войск Брянского,

Западного, Центрального фронтов, освободивших города Орел и Белгород. После разгрома немецко-фашистских войск на Белгородско-Курской дуге я участвовал в составе 1-го Белорусского фронта в освобождении северной Украины и Белоруссии.

С октября 1944 года началось освобождение братской Польши. В январе 1945 года перешли на территорию фашистской Германии.

Немецко-фашистское командование создало на Зееловских высотах наиболее мощный узел сопротивления. С начала Берлинской наступательной операции войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление и успешно преодолев первую полосу обороны, к исходу дня встретили ожесточенное сопротивление противника. Здесь наши войска понесли огромные потери. На Зееловских высотах в честь погибших советских воинов трудящимися округа Франкфурт-на-Одере установлен памятник.

7 мая 1945 года в составе 3-й ударной армии мы встретились с союзными войсками на реке Эльбе. Встретившись здесь, воины союзных государств поклялись хранить и укреплять дух Эльбы, дух дружбы и взаимопонимания.

Славный боевой путь прошел М.П.Алексеев от государственной границы через Смоленское сражение, Московскую битву, Курскую дугу до самого Берлина. Удостоен орденов Красной Звезды и Отечественной войны 1 степени, медалей «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и многими юбилейными медалями.

После войны М.П.Алексеев работал учителем в школах Нукутского района, долгое время трудился на партийных должностях. Ныне ветеран войны и труда пенсионер республиканского значения М.П.Алексеев проживает в Ангарске.

П.Степанов,
с. Бохан

Знамя Ленина.- 1987.-29 янв.

ВЕЗЕНИЕ

*Поликарп Архипович Алсаткин,
командир орудия,
уроженец пос. Усть-Ордынский*

В июне, в 55-ю годовщину начала Великой Отечественной, в нашей газете был опубликован небольшой рассказ о Поликарпе Архиповиче Алсаткине. Но, к сожалению, в тот раз, более подробно рассказать о военной биографии нашего земляка не удалось, поэтому я еще раз возвращаюсь к этой истории.

...Стоял знойный август 41-го. Их эшелон шел на запад все больше отдаляясь от малой родины — Сибири. Вот и конечная станция — Валуйки, где и выгрузили железнодорожную бригаду. Всего лишь в двенадцати километрах от Валоек проходила линия фронта. Ежедневно немецкие самолеты налетали словно стервятники и по нескольку часов наносили бомбовые удары, пытаясь уничтожить оставленные при отступлении склады. Такие дни казались адом для прибывших на фронт новичков. И лишь только стихала бомбежка, уцелевшие бойцы вновь брались за ремонт железнодорожного пути.

В один из очередных налетов объявили сбор. Свое отделение, которым командовал, Алсаткин быстро поднял по тревоге. Но среди вставших в строй, не оказалось рядового Клеева.

- Командир роты Мамытов приказал его привести. Бомбежка идет вовсю. Я прихожу в казарму, а Клеев сидит как ни в чем ни бывало. Идти на сбор отказался. Стал все больше куражиться, а потом дошел до оскорблений, плюнул мне в лицо. Я не помню как выгасил его на улице, сорвал винтовку и выстрелил. Выстрел оказался роковым, - вспоминает Поликарп Архипович.

Приговор военного трибунала был краток: десять лет службы в штрафной роте. Наказание равносильно расстрелу. Штрафники, а иначе смертники, шли в самое пекло, откуда вернуться живым шансов не было. Из первого такого боя из 360 человек вышло семь человек, из второго - двенадцать из третьего чуть больше - семнадцать. Алсаткин уцелел трижды, но судьба приготовила новое испытание.

- Вышел я из боя с двумя моряками. Рады, что уцелели. Построил нас командир роты и дает приказ идти в разведку. «Кто желает добровольно?» — спросил. Моряки первыми вышли, хотя знают, что оттуда живыми можно и не вернуться. Третьим взяли меня. Идти предстояло в тыл врага. Одели нас в немецкую форму. Иван был из немцев Поволжья, хорошо говорил по немецки. Его снарядили обер-лейтенантом, другого — обер-ефрейтором, а я был в роли калмыка. Ночью переползли за линию фронта, прошли километров 25 по лесу. Вышли в деревню. Деревня дворов 20-30. У нас задание — обнаружить вражеское дальнобойное орудие, расположенное где-то в этом квадрате, но очень мастерски замаскированное.

Зашли мы в крайнюю хату, там старик. Вытаращил на нас глаза, молчит. Обер-лейтенант ему говорит, что мы с той стороны, свои. Рассказали о цели визита. Посидел еще некоторое время старик, помолчал, а потом и говорит: «Ладно, жить мне все равно осталось ерунда, скажу где это орудие стоит».

Двадцать орудий мы засекали в лесу, искусно замаскированные под деревьями. Стали возвращаться назад, — рассказывает Поликарп

Архипович.

Только вернуться к своим — эта задача оказалась еще трудней. Три дня пришлось просидеть без воды и пищи, спрятавшись в куче валежника. Перейти обратно к своим никак не удавалось. Немцы и днем, и ночь вахту несли. А нужно было переплыть речку. Течение быстрое, и глубина порядочная. На четвертую ночь туман образовался. Решили идти. Дошли благополучно до воды, поплыли.

— Я плыл последним. На середине реки чувствую, как силы оставляют меня. Изо всех сил гребу, а руки уже не слушаются. Они моряки, для них вода что? Плывут себе. Тут силы меня и оставили. Все, думаю, конец мой пришел. И ко дну пошел. Только Иван заметил, что не слышно сзади всплесков воды, обернулся. Видит: меня нет. Стал нырять и вытаскил. До берега с его помощью дотянул. Отдохнули. Туман стал понемногу рассеиваться, да и рассвет вот-вот забрезжит. Надо спешить. А с обеих сторон ведется перекрестный огонь. Во весь рост не встанешь, только ползком. Но судьба, видно, хранила нас. Вернулись мы к своим, доложили о выполнении задания.

Этим испытанием и искупили они свою вину. Командир дивизии, вызвал их к себе, оформил документы о снятии судимости и меры наказания, а также о награждении орденом Отечественной войны II-й степени. А на следующий день дивизию подняли по тревоге и направили на Курско-Орловскую дугу.

- Я остался в своей роте старшиной. Мы уже были не штрафники, - продолжает Поликarp Архипович.

Война продолжалась. С боями форсировали Донец и пошли дальше, освобождая города и села.

Войну старшина Алсаткин закончил в Германии. 8 мая 1945 года в одном из старинных австрийских замков отпраздновали Победу.

Воевал Поликarp Архипович в 19-й линейной дивизии, был командиром 45-миллиметрового орудия. Тяжелых ранений не было, а вот контузило его не раз. «Поэтому сейчас болят ноги — говорит он. Но все же выглядят Поликarp Архипович прекрасно. Это от того, что не курил и спиртным не увлекался, а всю жизнь старался больше работать, двигаться. Он и сейчас не сидит без дела, хлопочет по хозяйству. Такой уж он оптимист по характеру.

Л. Николаева
Панорама округа.-1996.-7 сент. (№97-98)

ДНЕЙ И ВЕРСТ ОСОБЫЙ СЧЕТ

*Михаил Михайлович Артемьев,
гвардейский минометчик,*

участник Парада Победы в Москве (24 июня 1945 г.)

Кажется, недавно было, а прошло целое десятилетие. В тот вечер Михаил Михайлович тоже, как и сейчас, сидел у телевизора, смотрел праздничный «Огонек», посвященный 30-летию Победы. Лилась песня, задушевная и торжественная одновременно, и невольно вызывала она слезы на глазах:

День Победы, как он был от нас далек,

Как в костре потухшем таял уголек...

Были версты, обожженные в пыли, —

Этот день мы приближали как могли...

В тот раз, накануне, получил Михаил Михайлович, как ветеран войны, поздравление, подписанное Министром обороны Маршалом Гречко. Была на душе радость, захлестывало благодарное чувство от того, что помнят их, фронтовиков, поименно, воздают дань их ратному труду в годы Великой Отечественной, шлют самые теплые пожелания.

А песня лилась. Тогда услышал Михаил Михайлович ее в первый раз. Как он узнал позже, звучала она в самом деле впервые, была написана специально для этой знаменательной даты, и точно и сердечно передавала состояние воина — фронтовика.

И вот уже сегодня сорокалетие Великой Победы. Вновь вечером сидит он у телевизора, кадры кинохроники, включенные в праздничную передачу, вдруг переносят в 1945 год, в тот незабываемый день 24 июня, когда в Москве состоялся Парад Победы. В сводной колонне от Первого Белорусского фронта печатал по брусчатке Красной площади чеканный строевой шаг и рядовой Михаил Артемьев.

У каждого, прошедшего дорогами войны свой, как сказано в «Василии Теркине», «дней и верст особый счет». У Михаила Михайловича тоже свой им счет.

В армию его призвали в 39-ом. Был тогда еще холост, однако успел год поработать комбайнером на стареньком «Коммунаре» да два — трактористом на «колеснике». Впоследствии, на войне, механизаторская специальность пригодилась. Зачислили в артиллерийский полк, который входил в состав 65-й стрелковой дивизии. И побежали дни. От подъема до отбоя и похожие один на другой, и не похожие. То тревога, то в караул, то на боевые артстрельбы или спортивные состязания. Истекал второй год службы

в Забайкалье, уже подумывал красноармеец Артемьев о демобилизации, как грянула война.

7 ноября 41-го года дивизия была в г.Куйбышеве. Здесь, как и в Москве, состоялся парад войск, отправлявшихся на фронт. Принимали парад Михаил Иванович Калинин и Маршал Ворошилов.

— Сдвинули два ЗИСа с открытыми бортами, это и была «трибуна», — рассказывает с хорошей улыбкой Михаил Михайлович. — Поднялись на нее дедушка Калинин с Климентием Ефремовичем, произнесли речи. Короткие, но такие, что даже холодок по коже прошел, в самое сердце слова их запали. Ворошилов сказал: «Воины-сибиряки кадровой службы! Вы прошли отличную воинскую выучку, в совершенстве владеете оружием, по-сибирски закалены и стойки духом. Бейте ненавистного врага без пощады! Родина мать надеется на вас!..»

Еще припомнил старый солдат, что стояли у «трибуны» иностранцы в военной форме, внимательно вглядывались в суровые лица рослых, подтянутых, с иголочки обмундированных бойцов и о чем-то оживленно между собой переговаривались.

Так было.

Когда над Москвой нависла грозная опасность, многие правительственные учреждения и центральные ведомства соответствующим решением переместили в Куйбышев. Сюда эвакуировали также дипломатический корпус. «Иностранцы в военной форме» были военные атташе. Геббелевская пропаганда на весь мир трубила, что у Советского Союза иссякли все материальные и людские резервы, что его полный разгром — дело считанных дней. А тут на параде, шли и шли наши свежие дивизии, да какие. Было от чего военным атташе удивленно между собой переглядываться да перешептываться.

Через неделю принял Артемьев боевое крещение. Он вспоминает:

— Наша батарея 122-миллиметровых гаубиц выдвинулась на передовую, заняла огневую позицию. Только ударили по цели, как налетели гитлеровские самолеты. Бомбежка была жестокая. После не раз приходилось на себе испытывать налеты вражеской авиации, но этот, первый, запомнился навсегда. Может, от того, что был я необстрелянный?.. Одна бомба—двухсоткилограммовка разорвалась метрах в двадцати от нашей гаубицы. Расчет не пострадал - в щели мы сидели, только земляные комья на каски посыпались. А вот орудие досталось. После налета опять батарея огонь открыла, у нашей же гаубицы откатный механизм не работает. Ремонтировали прямо на позиции, обошлись без артмастерских, своими силами.

Так начался счет фронтовым верстам сибиряка по тяжким дорогам войны. Под Новгородом, в сорок втором, зачислили его в гвардейские

минометчики. Стал он водителем «Катюши», которые в ту пору заиграли на всех фронтах во весь голос. Пригодилась гражданская профессия. Была в этом и другая сторона дела. В то время не очень многие устаивались наград. Михаил Михайлович, однако, имел уже медаль «За боевые заслуги». И это обстоятельство, конечно же, воинские начальники приняли во внимание, доверяя ему грозную боевую технику

- Первый залп гвардейских минометов помните?

- А как же! На рассвете скрытно выдвинулись на позицию, привели «Катюши» в боевое положение, то есть расчехлили и все другое прочее. Команда — и залп. Что там было, на переднем крае фашистов! Огонь, дым, пыль, столбы земляные встали - все перемешалось, и грохот такой, который прежде слышать не доводилось. На нашем участке фронта фрицы в первый раз испытали на себе удар гвардейских минометов, и вот какой случай произошел. Вскоре после залпа «Катюш» к нашей передовой траншее вышел с поднятыми руками немецкий офицер - сдаваться в плен. Отвели его в штаб полка, а там его первые слова такие были: «Скажите, что за адское оружие у вас появилось?..» Мы сами этого офицера не видели, потому что со своими «Катюшами» уже далеко от того места были: так полагалось. Нам комиссар дивизиона позже рассказал.

В сорок третьем стал гвардейский минометчик Артемьев коммунистом. Партбилет вручили ему вместе с орденом Красной Звезды. Тогда уже отгремела битва на Курской дуге, позади остался Днепр, наши войска неудержимо шли вперед, на запад, освобождая родную землю от гитлеровской нечисти. Думалось Артемьеву: «Месяца через четыре, от силы — через полгода добьем врага, шагаем-то вон как...» Что ж, верно говорится, что каждый солдат видит войну из своего окопа. Ему не видать всю картину грандиозного сражения на тысячеверстных рубежах огромного фронта. Это дано лишь высшим военачальникам и штабам. Оставалось тогда до конца войны не «от силы шесть месяцев», а еще целых полтора года.

Неожиданные бывали на фронтовых дорогах встречи. Была такая и у Михаила Михайловича. Это уже в Польше, после боев на Сандомирском плацдарме. Дивизион «Катюш» совершал ночной марш. Впрочем, они, эти марши, всегда были ночными. Артемьев вел свою машину в середине колонны. Впереди на дороге образовалась «пробка». Стали.

Он вышел из кабины, чтобы прогнать подступающую сонливость, и в темноте чуть не в лоб столкнулся с каким-то солдатом. Уже готово было вырваться соленое слово, да так и застряло в горле. Стоял перед ним Николай Иванов из выселка Завод, что в нескольких километрах от его родного Кукута. Успели только обняться и перекинуться двумя—тремя нелепыми от радости, волнения фразами: «Живой, Коля?», «Как видишь. А ты, Миша?» И уже команда «По машинам!» Жесткие, неумолимые законы у

войны...

Под Кенигсбергом прямым попаданием снаряда разнесло боевую машину Артемьева. Сам чудом остался живой, только контузило взрывом да выбросило из кабины на добрый десяток метров. Две недели в медсанбате - и опять за рулем «Катюшы», новой, без царапинки. На ней и доехал он до Эльбы.

— Есть на этой реке такой городок—Торгау. Там 25 апреля сорок пятого повстречались мы с американцами, Михаил Михайлович суровеет. - Тогда они называли нас соратниками по оружию, тосты за мир и дружбу поднимали, а сейчас совсем по-другому... На Эльбе и отпраздновал я вместе со своими боевыми друзьями день Победы. Палили в воздух кто из чего мог. Жалко, у «Катюш» холостых эрсов нет, а то бы у нас «заиграли» в последний раз. Вот это был бы салют!

Потом он рассказывает о параде Победы 24 июня 1945 года:

- Двести фашистских знамен, бросили наши бойцы к подножию Мавзолея. Среди них был и личный штандарт Гитлера. Дождик моросил, а казалось, что яснее не может быть дня, чем этот.

...Сидит опаленный войной солдат у экрана телевизора, смахивает непрошеную слезу, сердцем слушает любимившуюся песню:

Этот День Победы —

Порохом пропах.

Это праздник -

С сединою на висках.

Это радость —

Со слезами на глазах, —

День Победы! День Победы!

А. Тириков

с. Верхний Кукут Эхирит-Булагатского района.
Знамя Ленина.-1985.-21 мая (№61)

У ВОЛЖСКОЙ ТВЕРДЫНИ

Р.И.Бакланов,

участник Сталинградской битвы

уроженец у.Бурят-Янгуты Осинского района,

Страница воинской славы «Служу Советскому Союзу!» публикует сегодня письмо, полученное на наш призыв «Отзовитесь, сталинградцы». Рассказывает участник битвы на Волге Р.И.Бакланов, уроженец улуса Бурят-Янгуты Боханского района, кавалер ордена Славы и многих медалей.

Колонна войск спешила на пополнение действующей армии — к

Сталинграду. Гитлеровское командование не теряло надежды овладеть городом и выйти к великой русской реке — Волге.

Сильный ночной ветер, словно наждачная бумага, натирает лицо, слепит глаза, но никто не отворачивается в строю. Колонна, как огромный брус, стремительно продвигается вперед, под ногами злобно хрустит снег, впереди глухо, будто из-под земли грохочут дальнобойные пушки.

- Стой! Кто идет? - вполголоса, четко отчеканил шедший впереди колонны старший лейтенант, сопровождающий колонну. Навстречу ему шагнул из пурги полевой офицер с двумя автоматчиками.

- Пропуск? - спросил старший лейтенант.

- Шомпол! - ответил офицер из пурги.

- Отзвыв? -

- Штык!..

Офицер назвал себя: «Лейтенант Климов. По приказу командования полка прибыл к вам с поручением».

- Офицер, ко мне, остальные на месте, - командует старший лейтенант строго по уставу. Климов вплотную подходит к старшему лейтенанту и отдает честь по всем правилам.

После короткого разговора оба офицера подошли к колонне и старший лейтенант скомандовал: «Бойцам, имеющим образование не ниже среднего, выйти из строя и подойти к лейтенанту». Вышло из колонны человек семь, и я в их числе. Прибывший офицер с пышной кавказской шевелюрой говорил с нами тихо, с армянским акцентом:

- Вы будете следовать за мной на командный пункт для получения назначения.

Мы тронулись с места и скоро повернули влево от старого маршрута.

- Товарищ лейтенант! Как вы думаете, чем и когда кончится эта война? - вдруг неожиданно спросил один из наших рядовых.

- Гитлер начал войну, а мы её закончим. Русаки всегда бивали пруссаков, говорил Суворов. Если Гитлер начал войну на нашей земле, то мы ее завершим на немецкой земле. Я думаю, - продолжал наш лейтенант, - что кризис войны уже прошел под Москвой, а теперь он с «гаком» проходит под Сталинградом. Мы свои силы развертываем сейчас, а немцы уже свертывают их, - убедительно заключил он.

Измученные тяжелыми размышлениями и быстрой ходьбой, мы к десяти часам прибыли к месту назначения.

... На четвертый день моего пребывания в штабе 730-го полка немцы пошли на прорыв танковым корпусом. Ценою больших потерь им удалось продвинуться вглубь нашей обороны на несколько километров. После тяжелого боя мы заняли одну высотку. Атаку отбили, но от нашей роты, прикрывающей штаб полка, осталось мало боеспособных. На подкрепление

нам дали одну роту из полка, тоже истрепанную сегодняшним боем. А немцы вскоре опять поднялись в атаку. По приказу комроты я лег у пулемета первым номером, а вторым номером по моей просьбе дали мне моего друга Миронова, с которым я был знаком ещё с Агинской пулеметной школы и с которым мы делили всегда свои радости и неудачи поровну.

Несмотря на свою близорукость, я отчетливо вижу: немцы нагло продвигаются вперед в полный рост, даже соблюдая строй. С каждой минутой сокращается расстояние, вот они совсем близко подошли к нашей высотке. Среди автоматных очередей немцев мы слышим звуки губных гармошек. А команды открывать огонь все нет. Нервы накалены до предела.

Кажется, уже различаю одного фашиста от другого. Я еще крепче сжимаю ручки «Максима».

— Огонь! — наконец раздалась команда.

Все наши пулеметы, автоматы дружно заработали. Немцы падают, но строй, хотя и редет, продвигается. Я выпускаю три ленты свинца в короткие минуты. Много гитлеровцев остается лежать на снегу, а остальные отступили.

Левее от нас наши соседи выдержали атаку еще большей силы. А в километрах двух-трех все еще бушевал бой. Там рвались снаряды и мины, изредка ветер доносил длинные пулеметные очереди.

Пленные и перебежчики сообщили нашему командованию, что немцы готовятся к мощному наступлению с превосходящими силами. Поэтому в ночь на следующий день мы по приказу командования оставили свою позицию, менее удобную, и заняли оборону в окрестностях Сталинграда. Наш полк получил здесь от резерва значительное пополнение в людских силах, танках и артиллерии.

Рано утром вновь разгорелся бой. Мой «Максим» был выведен из строя взрывом мины и второй номер Миронов получил ранение в локоть левой руки. Оставив пулемет на месте, доложить об обстановке командиру приданной роты К. Панову, мы с Мироновым побежали в соседний дом, взятый нашими. В пути я подобрал автомат с полным магазином, брошенный, видимо, тяжело раненым. Здесь в доме, окна которого были заложены кирпичом, я оставил Миронова для получения первой помощи, а сам бегом возвратился к командиру роты.

В пути на углу одного дома внезапно оказался лицом к лицу с немецким автоматчиком. Оба на расстоянии не более одного метра друг от друга замерли. Видимо, мы оба пришли в шоковое состояние. Я не помню, долго ли мы простояли так, вылупив друг на друга глаза, но из окна соседнего дома одним выстрелом из винтовки кто-то уложил на месте немца. Это стрелял наш санинструктор Костя Ячменев.

- О чем вы так долго шептались с немцем? - смеялся потом Ячменев.

По приказу одна наша рота пошла на штурм двухэтажного дома, где немцы установили пулеметы и ПТР. Этот дом являлся важным объектом для ведения боя. Двум нашим смельчакам в утренних сумерках удалось каким-то чудом подложить под дом мину замедленного действия и взорвать пол нижнего этажа.

Взрывная волна проломил пол, и гитлеровцы полетели в подвал. Рухнула лестница. Началась паника на втором этаже, где перепуганные фашисты метались из угла в угол, словно в мышеловке. Спасая свои шкуры, они давили друг друга, калечили. Оказалось, в доме было большое скопление немцев. Оттуда доносился дикий шум. Некоторые прыгали из окон второго этажа в палисадник. Наши стрелки налету ловили их на мушки и те долетали до земли навсегда демобилизованными из списков вояк гитлеровской армии.

За эту операцию, оцененную командованием как проявление мужества и героизма, сержант Галимов был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза.

В течение двух последних дней наши части выдержали несколько атак гитлеровцев, а на третий день обороны в окрестностях города после часовой артподготовки и под прикрытием танков прорвали оборону немцев. Только мы достигли линии прежней обороны, я был контужен взрывом близкой бомбы, потерял сознание.

В госпитале я пролежал около месяца, полностью восстановил свое здоровье и вернулся в часть 17 января 1943 года. Ранним утренним часом прибыли в район второго эшелона нашей обороны в сопровождении старшины маршевой роты. Чуть-чуть розовел восток, играла утренняя звезда...

- Всем войскам Донского фронта! Всем войскам Донского фронта! - установленный прямо на передовой мощный репродуктор передавал приказ Верховного главнокомандующего.

Войскам Донского фронта объявлялась благодарность за успешный ход военных действий.

Нас, только прибывших на передовую, поразила столь необычная картина. На этом участке активных боевых действий не было, но шла бесперывная перестрелка между обеими сторонами.

Как только голос Левитана: «От Советского информбюро»... прогремел по громкоговорителю, прекратилась перестрелка и установилась тишина. Москву с затаенным вниманием слушали и наши и немцы. Передавали об успешных операциях по ликвидации сталинградской группировки врага...

Р.Бакланов
участник Сталинградской битвы

Знамя Ленина.- 1972.-4 нояб. (№131)

ЗА СПИНОЙ У СОЛДАТА – ТРИ ВОЙНЫ

*Андрей Унхаевич Банаев,
участник боев за Ленинград,
уроженец с.Нухунур Баяндаевского района*

В окружном поселке по улице Д.Банзарова притулился маленький бревенчатый домик. От времени и груза лет, он уже изрядно врос в землю, немного завалившись на один бок.

Войдя внутрь, я встретилась с нашей «живой историей». Андрей Унхаевич Банаев — участник трех войн, ветеран Великой Отечественной войны, инвалид I группы, несмотря на свой почтенный возраст и многочисленные ранения, оказался на удивление бодрым и словоохотливым. Меня поразила его цепкая память, а ведь ему уже 94 года, но ветеран до мельчайших подробностей помнит события прошлых лет.

В 1927 году молодым пареньком Андрей Унхаевич был призван в ряды Красной Армии и до 1930 года служил в Бурятском Кавалерийском дивизионе. Участник событий на КВЖД, он воевал в Маньчжурии. А было это в 1929 году. Спустя 10 лет, Андрей Унхаевич снова в бою, но уже с японскими самураями, на Халхин-Голе.

Вторая мировая война застала Андрея Банаева на дальнем Востоке - в бухте Находка, где он работал заместителем начальника склада. У Андрея Унхаевича была бронь, но не мог он спокойно сидеть в стороне, когда по его земле разгуливал враг. После третьего похода в военкомат, добившись своего, добровольцем пошел на войну и попал на Ленинградский фронт.

Первое боевое крещение солдат получил в сражениях под Нарвой. В одном из боев сержант Банаев был ранен, а битва тогда была очень жаркой. Немец шел напролом, временами приходилось вступать с противником в ожесточенный руковажный бой.

После госпиталя сибиряк вновь вернулся в строй. В то время его часть с кровопролитными боями продвигалась в сторону города Выборга, который был освобожден летом 1944 года. В лихую годину не щадил наш земляк своего живота, ибо знал — позади родная земля, которую он должен отстоять, пусть даже ценой своей жизни.

Второе ранение Андрей Унхаевич получил в голову, причем в двух местах, но и после этого Банаев вернулся на поля сражений и принимал участие в освобождении Прибалтики. Война в который раз испытывала солдата на стойкость и отвагу. Ранение правой руки госпиталь— и снова трудные дороги войны...

В составе армии Рокоссовского сражался он за освобождение Варшавы в Восточной Пруссии, с боями дошел до города Гелимбурга. И вот тут-то Андрей Унхаевич получил тяжелейшее ранение - перелом правой ноги и повреждение костей левой. Девять месяцев пролежал Андрей Унхаевич в московском госпитале, залечивая свои раны. После выписки из госпиталя был комиссован домой. В июне 1945 года он смог, наконец, обнять свою жену Олимпиаду Сергеевну и маленьких детей. После войны он более двадцати лет трудился учетчиком в тракторной бригаде в ПМК.

Орден Отечественной войны I степени, орден Славы III степени, 10 боевых медалей, юбилейная медаль «За доблестный труд», «Ветеран труда» по праву украшают грудь ветерана войны Андрея Унхаевича Банаева.

Л.Босколова
Панорама округа.-1999.-27 янв.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

*Андрей Бахрушкинович Бардаханов,
командир саперного взвода
уроженец с.Гаханы Баяндаевского района*

Весна. Звенит с крыш веселая капель. Яркие лучи солнца щедро заливают класс. Ровный, спокойный голос учителя звучит завораживающе и уводит нас в далекие сороковые. Скользит по карте указка в направлении военных действий на фронтах Великой Отечественной. Представляется развороченная взрывами земля, черное от дыма небо...

Тишину разрывает веселая трель звонка, только никто не вскакивает с мест, никуда не спешит. Учитель обводит взглядом класс, дает задание на дом.

И невдомек тогда нам было, что Андрей Бахрушкинович Бардаханов рассказывая о войне, знал о ней не по учебникам. Разговоры между учениками о том, что наш директор воевал и шрамы на лице – это следы той страшной войны, ходили не редко, но сам об этом он никогда не рассказывал.

...К концу подходила весенняя сессия и студенты второго курса Иркутского педпгогического института ночи напролет проводили за учебниками. Большая часть экзаменов позади. Оставалось сдать только два и...долгожданные летние каникулы. Мечтали как разъедутся по домам, отдохнут от зубрежки, помогут родителям по хозяйству. Утро 22 июня 1941-го в одночасье перечеркнуло их планы.

Повестки в военкомат вручили всему курсу, и после медкомиссии студента Бардаханова в числе других новобранцев направили в военное

инженерное училище. Ехать никуда не пришлось, училище, эвакуированное из Украины, разместилось в Иркутске, в Красных казармах, где и прошли за короткий срок азы военного дела будущие саперы. А в ноябре в звании младших лейтенантов, бывших курсантов училища, поезд увозил на запад, под Москву. И первое «знакомство» с войной, взрывом бомб и снарядов, состоялось при обороне столицы.

Зима в тот год была особенно суровой. Выносливые, привыкшие к трескучим морозам, сибиряки кляли все и вся, когда прилипал к рукам лом и звенела, отскакивая от мерзлой земли, лопата. Противотанковые окопы рыли день и ночь, а враг все ближе подходил к Москве. Наши войска готовились к наступлению. И зимой 1941-го, в разгар сорокаградусных морозов, наступление началось. Немцев от Москвы отогнали, а для Бардаханова это стало первым боевым крещением.

На Калининский фронт он уезжал командиром взвода 119-го военного инженерного отдельного фронтового батальона 29-й инженерной бригады. Ожидали, что с наступлением весны немцы вновь пойдут на Москву с запада, но они, учитывая свое положение, решили взять столицу с южного направления. И калининский фронт остался как бы в стороне, когда шли кровопролитные бои под Сталинградом.

Сегодня Андрей Бахрушкинович, вспоминая об этом, говорит с каким-то сожалением, что не пришлось поучаствовать в той знаменитой Сталинградской битве, хотя и на его долю выпало немало тягот и лишений военного лихолетья. Освобождал Московскую, Калужскую, Калининскую области. Затем прошел дорогами Белоруссии, освобождая города и села. Потом были Литва и Латвия. Был штурм Кенигсберга.

Это сейчас военная биография укладывается в фразы: воевал, освобождал, участвовал... А сколько же за всем этим стоит человеческих усилий, потерянного здоровья и тяжких воспоминаний? Дважды смотрел смерти в лицо. Первое ранение получил в августе 1943-го в боях за Смоленск. Пуля тогда прошила левое плечо. В горячах не понял, что так сильно его толкнуло, но повисшая как плеть рука вдруг стала мешать, а потом и резкая боль пронзила.

Второе ранение посложнее оказалось. В 1944-м в Прибалтике околком ранило в предплечье, в лицо, к тому же и контузило. Ребята по госпиталю пророчили: быть тебе комиссованным. Пророчество не сбылось. Раны залечили и снова на фронт. После госпиталя возвращался в родную часть. Так было и в первый и во второй раз.

Нелегка у саперов служба. По ночам их десант, человек тридцать переправляли на самолете за линию фронта. Задача была одна – заминировать пути отхода немцев. И они в тылу врага, в кромешной тьме выполняли боевое задание. А сколько же на счету саперов за время было

разминированных мостов и других военных стратегических военных объектов. Сколько раз пришлось им держать оборону мостов, чтобы обеспечить передвижение наших войск при наступлении.

А сколько же было построено понтонных мостов при форсировании больших и малых рек, когда времени отводилось немного, а прицельный огонь врага не смолкал ни на минуту. Потому и награды за просто так на войне не дают. У Андрея Бахрушкиновича за боевые заслуги и смелые, решительные действия их немало. Первый орден Красного Знамени украсил его грудь в августе 1943-го за взятие города Демидова. В этом же году добавился еще один – орден Красной Звезды. В оборонительных боях на подступах к Смоленску командир саперного взвода отличился вновь, за что был представлен к награде – ордену Отечественной войны II степени. Четвертый орден – орден Красной Звезды был вручен за форсирование Западной Двины. Последний пятый – орден Отечественной войны I степени ветеран получил в мирное время – к одному из юбилеев Дня Победы. Есть еще и медали «За взятие Кенигсберга», «За оборону Москвы» и много других.

Победный май 1945-го встретил Андрей Бахрушкинович в Германии. И лишь в декабре того же года вернулся домой, в родные Гаханы.

- Я никогда не думал о том, чтобы быть военным, поэтому категорически отказался от предложения стать кадровым офицером армии. И в 1946 году продолжил учебу в пединституте.

В 1948-м с дипломом учителя истории приехал в свое родное село. И с того дня учительство стало его главным призванием.

...Тридцать лет прошло с того памятного урока, а как будто бы и не было этих лет. Мы сидим с Андреем Бахрушкиновичем у него дома. Та же улыбка, тот же спокойный голос, и глаза, светящиеся добром, а еще скромность, с какой он рассказывает не о себе, а о войне в целом. Вот такой он и есть наш бывший директор Усть-Ордынской средней школы №2 Андрей Бахрушкинович Бардаханов.

Л.Горбунова
Панорама окурга.-1997.-8 мая (№52)

ПОЛИТРУК (бессмертный подвиг у хутора Ореховский)

*Михаил Маркович Батаев,
политрук, участник боев за Москву
уроженец ул.Отонхой Эхирит-Булагатского района*

Этот короткий рассказ посвящен пламенному патриоту, политруку

М.М.Батаеву. В последний раз мы его видели на полевом стане колхоза «Красное знамя», где он выступал перед тружениками села с лекцией о международном положении. В своей проникновенной речи он говорил об исключительно сложном времени, которое переживала в то время наша страна. Глубоко врезались в память следующие его слова: «Сейчас, — сказал оратор, — каждый человек, будь то стар или млад, должен работать с полной отдачей сил и быть готовым к любым, самым неожиданным поворотам судьбы». Обычно отзывчивый и жизнерадостный он в этот раз был весь собран и сосредоточен. Это было где-то в середине июня 1941 года.

Михаил Маркович Батаев родился в 1913 году в улусе Отонхой Эхирит-Булагатского района Иркутской области. Отец его был «голованоем» и по тем временам занимал довольно высокую административную должность. За свою исключительную доброту и милосердие его семья, как и он сам не были репрессированы.

Юность и молодые годы М.М.Батаева совпали с переустройством старого образа жизни в деревне на новый социалистический лад. Будучи исключительно честным и целеустремленным человеком он активно включился в борьбу за социальную справедливость, еще совсем молодым вступил в ряды коммунистической партии, всем сердцем помогал строить новую жизнь в родных местах. Характерной чертой молодого коммуниста были простота и добропорядочность, исключительная скромность и огромное трудолюбие. Он был одарен умением убеждать своих собеседников горячим словом и повести за собой массы. Однако обращаясь с горячим призывом к людям, он никогда не оставался в стороне от задуманного дела.

Ему чужды были показуха, угодничество и карьеризм. За все эти положительные качества М.М.Батаев пользовался большим уважением среди своих товарищей, односельчан и других людей, знавших его лично.

В 1937 году М.М.Батаев ушел добровольно служить в Красную Армию. В то смутное время идти служить не то, что добровольно, но и по случаю непосредственного призыва было событием неординарным. А служил он не где-нибудь, а на Дальнем Востоке, где империалистическая Япония не раз провоцировала военные инциденты против молодой советской республики.

Нам, ребятам, Михаил Маркович рассказал о том, как однажды при форсировании широкой реки, спас от неминуемой гибели его боевой друг «Серко». Только ухватившись за хвост своей лошади ему удалось преодолеть ее стремительное течение.

После возвращения с военной службы Батаев работал на различных руководящих и хозяйственных участках. Накануне войны работал в политотделе нового, только что созданного Баяндаевского района Иркутской области.

Восприняв как личное горе войну и нависшую над страной смертельную опасность, как коммунист и истинный патриот М.М.Батаев и на этот раз приходит в военкомат добровольно. Непродолжительной была служба в Забайкалье, в г.Чите и уже осенью 1941 года, когда решалась судьба нашей Родины под Москвой, он был на фронте, в действующей армии. Он участвовал в битве за Москву в составе прославленной Забайкальской 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта К.К.Рокоссовского.

В эти грозные июльские дни события на фронте развивались явно не в пользу советских войск. Враг прорвал главную полосу обороны и вышел к Дону на значительном фронте. В образовавшийся прорыв Ставка направляла все новые и новые подкрепления.

27 июля 1942 года 321-я стрелковая дивизия переправилась на правый берег реки Дон в районе станицы Новогригорьевская и с ходу вступила в бой на участке Мело-Клетский, Ореховский, Осинки и других населенных пунктов. В ожесточенных боях частям этой дивизии вместе с другими войсками удалось освободить район Ново Максимовский и отбросить противника. За одиннадцать дней наступления 321-я дивизия освободила семь населенных пунктов и заняла несколько важных в тактическом отношении высот. Но каждый успех достигался ценою огромных напряжений и невосполнимых потерь. О драматических событиях тех далеких дней говорят скупые газетные строки. В газете «Красное знамя» от 12.08.42 года под рубрикой «Бои в районе Клетской» сообщалось: «Стрелковое подразделение, возглавляемое лейтенантом Батаевым, было атаковано десятью немецкими танками и ротой автоматчиков. Враг ударил во фланг подразделения в тот момент, когда оно отражало с фронта атаку другой группы немцев. Все же бойцы не дрогнули. Оставаясь на местах, они начали бой на двух направлениях...»

В сводках Совинформбюро (Правда, от 9.0.42 г.) говорилось: «Ожесточенные бои продолжались южнее Клетской. На одном узком участке гитлеровцы сосредоточили и бросили в атаку свыше сотни танков. В течение дня наши пехотинцы и артиллеристы отражали танковую атаку и нанесли неприятелю большие потери. Лишь около населенного пункта О., после упорного боя, наша часть отошла на новые позиции». В данном случае речь идет о хуторе Ореховском, который впоследствии немцами был превращен в крупный опорный пункт.

К глубокому сожалению, мы не все знаем о том, как сложилась судьба политрука М.М.Батаева во время летних боев в этом кромешном аду, где все вокруг содрогалось, стонало и горело.

В кратком и лаконичном сообщении центрального архива МО СССР сказано: «Политрук роты 493 стрелкового полка 321 стрелковой дивизии

Батаев Михаил Маркович пропал без вести 7 августа 1942 года в районе населенного пункта Ореховский, который расположен в 13 км. юго-восточнее крупного населенного пункта Клетская, Сталинградской (ныне Волгоградской) области.

«Седьмого августа 1942 года, - вспоминает участник боев в излучине Дона гвардии полковник в отставке П.П.Лебеденко, — солнце встало в розовой мгле. И все вокруг розовое: туманы в балках, роса на траве, размытые облака, верхушки деревьев и лица людей.

- Точно знамение, сказал он своему комиссару А.Г.Прохоровичу.

- Да-а, отвечает комиссар, — восход, а не радует, что-то в нем гнетущее...»

Когда из-за Дона выглянул край багряного диска, тишину утра взорвали артиллерийские залпы. Так начинался тот далекий августовский день, который для многих защитников волжской твердыни на дальних ее подступах, оказался последним.

В конце июля 1942 года уже действовал приказ наркома обороны №227, где в словах «Ни шагу назад» был выражен смысл жестких требований того сурового времени. Воины действующей армии восприняли этот документ, как суровый приказ Родины сражаться до последнего и обычно в плен не сдавались. В этой критической ситуации политические руководители на войне проявляли не только личную отвагу и мужество, но и были живыми примерами стойкости и несгибаемости перед своими боевыми товарищами по оружию. Подобно тому, как в грозном сорок первом политрук Клочков В. Г. обращался с пламенным призывом к защитникам столицы: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!», в те горячие дни боевым кличем защитников Дона было: «Стоять насмерть. Ни шагу назад!»

Но в этот критический момент в образовавшийся прорыв враг бросал все новые и новые силы и удержаться на занятых рубежах становилось все труднее и труднее. Несмотря на неравную схватку никто не думал отступить. Сражались до последнего. Победа или смерть, третьего не было дано.

...Давно отшумели грозные события Великой Отечественной войны. Ушли в прошлое суровые невзгоды военных лет. Выросли новые поколения людей. Но в памяти благодарных потомков глубокой болью отдаются неизвестные многим беспримерные подвиги безымянных героев все еще числящихся пропавшими без вести... Это были лучшие сыны Родины и волею жестокой судьбы войны они вошли в историю с унижительным клеймом «пропал без вести».

Найти живых свидетелей— участников летних боев у хутора Ореховский не удалось. По нашей просьбе через периодическую печать, в т.ч. через газеты «Советский патриот», «За урожай» и Совет ветеранов этой

дивизии откликнулись С.М.Дугарон, Ф.Н.Непомнящий, Ц.Н.Номтоев, Р.Р.Озонов, И.П. Рушаков и многие другие ветераны, которые воевали на других участках или пришли в эту дивизию в более позднее время.

В своем письме бывший житель хутора Ореховский А.П.Климов поведал следующую грустную историю о событиях тех далеких дней. Будучи пацанами он и другие ребята посетили места боев легендарной 321 стрелковой дивизии после освобождения этого хутора осенью 1942 года. Их изумленным взорам представилась потрясающая картина. Поле боя было усыпано трупами погибших воинов, которые стояли здесь насмерть во время летних боев. Хоронить их было некому, так как эта территория в то время была захвачена врагом. Вот почему наши многолетние поиски о судьбе участников боев у этого хутора не дали положительных результатов. Теперь, спустя многие годы стало ясно: почему нет живых свидетелей одного из драматических событий прошлой войны, которое разыгралось летом 1942 года в районе хутора Ореховский. Живым из этих сражений никто не вышел. Прикрывая отход наших главных сил на новые рубежи они все погибли и некому рассказать об их героическом подвиге. В глубокой тайне хранит древняя русская земля жестокую трагедию, которая разыгралась здесь полвека назад.

По словам А.П.Климова захоронений воинам 321-й стрелковой дивизии в Клетском районе не имеется. Здесь до сих пор находят останки погибших воинов этой дивизии, переименованной впоследствии за свои боевые заслуги в 82-ю гвардейскую дивизию. Так сражались и погибали безымянные герои на священной донской земле.

И. Борголов

Панорама округа.-1991.- (№117, 118)

ЖИЗНЬ В БОЮ И В ТРУДЕ

*Иннокентий Петрович Батлаев,
командир стрелковой роты,
уроженец ул.Тараса Боханского района*

Идут годы, а память о подвиге народа, его героев, живых и павших, остается...

Иннокентий Петрович Батлаев, о котором я хочу рассказать, уже пенсионного возраста, заслуженный учитель Бурятской АССР продолжает работать. Несмотря на шестьдесят с лишним лет всегда энергичный, ровный, приветливый, годы совсем не меняют его. Иннокентий Петрович уроженец улуса Тараса Боханского района. Здесь рос, отсюда был направлен в

Московский институт народного хозяйства им. Плеханова, с дипломом ВУЗа ушел на фронт.

И наш рассказ не о нынешнем дне Иннокентия Петровича. Мы возвращаемся к тому тяжелому, тревожному времени сороковых годов, когда поколение Иннокентия Петровича приняло на себя бой за судьбу страны, ее настоящее и будущее.

Человека провожают в дорогу дом, речка за селом, березы на опушке, родное небо и самые дорогие люди: мать, отец, братья и сестры. И что бы потом не случилось в жизни, как бы далеко от родных мест не забросила судьба, на всех дорогах с человеком его дом, его Родина, его небо.

О том, как Иннокентий Петрович доблестно и героически сражался за Родину красноречиво говорят архивные материалы военных лет. В одном из документов имеется такая запись: «Сегодня вновь отличился командир шестой роты 287 стрелкового полка 5 Армии I Украинского фронта гвардии старший лейтенант Батлаев Иннокентий Петрович. Он первым со своей ротой в августе 1944 года форсировал реку Висла и ворвался в город Сандомир, умелыми маневрами уничтожил и взял в плен более ста контратакующих гитлеровцев. Когда гитлеровцы приблизились к нему и пытались захватить в плен, бойцы роты уничтожили еще шесть фашистов. В другом бою Батлаев взял у раненого пулемет и отразил две контратаки, уничтожив более десяти фрицев.

За успешный прорыв обороны противника на юго-восточной границе Германии, в Силезии и овладение городами Крайцбург, Розенберг, соединению, в котором служил Батлаев, приказом Верховного Главкома от 21 января 1945 года за № 237 объявлена благодарность, многие бойцы награждены орденами и медалями.

— Я в то время, — рассказывает полковник в отставке А. Еремин, — был командиром 287 гвардейского стрелкового полка, в котором проходил службу Батлаев.

— Хорошая слава шла в нашем краснознаменном полку о боевом командире из Бурятии. Его ставили в пример другим воинам, командирам. Как коммунист и образованный офицер Красной Армии Иннокентий Батлаев был душой солдат своей роты, в беседе всегда находил путь к сердцу молодых и пожилых.

Еще один эпизод из его боевой биографии. Весна 1945 года. Преследуя по территории Германии противника, гвардейская дивизия, в которой служил Батлаев, овладела многими населенными пунктами, расположенными по берегам рек Одер, Эльба. 287 гвардейский полк в трудных условиях весенней распутицы в ночь на 27 марта с боями выдвинулся вперед и овладел городом Штрелон и дорогами, связывающими Берлин с другими городами. Вскоре был успешно организован прорыв

обороны противника на реке Нейсе и выход на реку Эльба.

Под городом Штрелен была сильно укрепленная высота немецкой армии. Для взятия ее штурмом командир полка выставил отряды для артиллерийской подготовки. Один такой отряд возглавил Батлаев.

Иннокентий Батлаев скрытно к рассвету вывел свою роту к указанной высоте. Кругом тишина. Вдруг вдаль слева и очень близко с пригорка справа показались колонны гитлеровских солдат. Батлаев передал по цепочке: «Не обнаруживать себя, вести спокойно, огня не открывать, подпустим на близкую дистанцию. Справа встретить шквальным огнем».

Просмотрев еще раз местность, Иннокентий увидел в зарослях малозаметную тропу. Мелькнула мысль зайти по этой тропе противнику в тыл и ударить в хвост колонны. Он разделил роту на две группы. Одну оставил на занимаемых позициях, другую повел за собой. Гвардейцы оказались в тылу врага, но силы неравны: у противника не менее батальона. Но действовать надо. Расставив взводы на скалах высоты вдоль дороги, Батлаев подал сигнал и во вражескую колонну градом полетели гранаты, пули винтовок, автоматов. Гитлеровцы потеряли несколько солдат и офицеров. Им потребовалось более трех часов, чтобы опомниться.

Иннокентий Петрович Батлаев был за этот бой награжден боевым орденом Красного Знамени.

В звании капитана Иннокентий Батлаев вернулся домой в родную Тарасу после Победы, почти одновременно со своим земляком, сверстником гвардии капитаном Михаилом Хомоновым — ныне кандидатом наук.

У Иннокентия Батлаева, как и у Михаила Хомонова, в память о войне остались боевые награды, ордена, медали, воспоминания о боях и пыльных дорогах Европы, и фронтовые песни, суровые и правдивые, как жизнь.

П.Борькин
Знамя Ленина.-1980.-9 мая (№56)

ОТ БАЙКАЛА ДО БЕРЛИНА

*Бугда Буинович Буинов,
полковой разведчик
уроженец ул. Хуты Эхирит-Булагатского района*

Все дальше и дальше уходят героические сороковые годы. Все меньше и меньше остается ветеранов Великой Отечественной войны. Больно слышать и читать, как предадут забвению историю грандиозных сражений, искажают факты.

...В начале 70-х годов прошлого столетия мне пришлось побывать в красивом бурятском улусе Хуты Эхирит-Булагатского района в большой и дружной семье Бугды Буиновича Буинова. С широким бурятским гостеприимством был накрыт стол. Вокруг стола сидели дети и внуки хозяина и среди них, как потом выяснилось, находился далекий московский гость. Это был седой мужчина в полковничьих погонах, с множеством колодок на груди. Благодарю тот случай, тот день и час, когда я стал свидетелем поистине великой встречи-однополчан, солдат Великой Отечественной войны.

Гость-москвич оказался журналистом, членом союза писателей СССР, по фамилии Малахов (имени и отчества, к сожалению не помню), который в тот момент работал над книгой о фронтовой разведке, где по замыслу автора, главным героем должен был быть простой парень из глубинки. Роясь в своих фронтовых записях, он в то время был военным журналистом, нашел заметку о разведчике-буряте с берегов далекого Байкала Бугде Буинове, о котором он писал очерк в далекое военное время. Подумал и решил сделать запрос в областной военкомат, тот в свою очередь в Эхирит-Булагатский РВК. И велика была радость писателя, когда пришел положительный ответ. Самое главное - герой жив! Сборы были недолгими и Малахов в гостях у Буинова.

Из слов гостя стало ясно, что он работает над книгой о разведчиках, где главный герой - простой парень мало кому известной нации, который прошел боевой путь фронтового разведчика с первых дней войны и до последних. Книгу он мечтал озаглавить «От Байкала до Берлина». И главным героем, как вы догадываетесь должен стать полковой разведчик Бугда Буинов.

Родился Бугда Буинович в 1903 году в улусе Хуты. С детских лет он познал деревенский труд. Умел прекрасно скакать на лошади, без промаха стрелять в бегущую и летящую дичь.

Шли годы и в 1924 году он женился на местной девушке. В 1925 году родился первый сын, потом еще двое. Радовался Бугда, глядя на трудолюбивую жену и подрастающих детей. Малыши росли крепкими и смысленными, становились хорошими помощниками родителям. Жили и радовались, но грянула война и мирной счастливой жизни пришел конец.

Повестку Бугда Буинович получил одним из первых. Уже в Иркутске он понял, что служить ему придется в каком-то специальном подразделении, так как при прохождении медицинского освидетельствования, офицеры задавали много вопросов. Записей в личном деле не читал, да писали они шифром. В Мальте его на очередном построении вызвали по списку и поместили в отдельном домике, стали хорошо кормить. Там он пробыл 2-3 недели и на фронт. Особисты предупредили, что писать домой можно, но

про особенности службы ни в коем случае. Через полторы недели прибыли в один из крупнейших городов СССР, затем долго ехали в крытых брезентом полторках. Остановились на опушке леса, передохнули. Потом прозвучала команда: строиться. Когда построились, то увидели большую группу людей военных чинов. И стало ясно, что попал он служить в полковую разведку. Рядом стояли в основном рослые и физически крепкие парни. Да и выступающие офицеры говорили об особенностях службы во фронтовой разведке, боевом братстве и взаимовыручке.

Начались учебные будни. Хотя и под сорок лет было начинающему разведчику, но он имел большой житейский опыт. Жесткий режим дня, большие физические нагрузки, постоянные тренировки по стрельбе из всех видов оружия. Учились подрывному делу и многим другим наукам фронтового разведчика, без которых немислимо выполнение боевых задач.

Наша армия отступала, и данные о неприятеле требовались постоянно. В оборонительные бои разведчиков не брали - берегли для более серьезных дел. Опыт разведчика приходил постепенно.

Большой радостью для разведчика были письма из дома. Жена писала, что дела идут, дети подрастают. Старший сын, прибавив возраст, ушел на фронт. Большой радостью для него стали письма от сына. Читая их, просил бога, чтобы даровал он жизнь сыну. Не знал и не ведал бесстрашный разведчик, о котором уже ходили рассказы в полку, что первый тяжелый удар, удар прямо в сердце получит он из отчего дома. Получив очередное письмо и увидев на конверте чужой почерк, заныло сердце: что-то дома не так. Прочитал первые строки, и поплыли перед глазами картины далекого и близкого прошлого. Свидания, свадьба, дети. Жена, мать его детей погибла под копытами молодой, необъезженной лошади.

Рано утром, когда лучи солнца только-только начинали пробивать утренний туман, вышел Бугда из землянки и, глядя в сторону родного дома, дал клятву: «Выживу всем смертям назло, выращу и воспитаю детей» и судьба подарила ему жизнь!

Награды!?! Первые награды он их помнит все: за что, когда, кто вместе с ним из боевых товарищей получал. Вот орден Красной Звезды. Он, наверное, дороже всех и памятнее. Получил его Бугда в дни отступления за ценные данные для командования. Командование полка требовало в этой сложной критической обстановке точных данных о неприятеле. Разведка всегда была начеку. И вот, однажды, пробираясь незаметной тропочкой, они обнаружили двух немецких солдат, которые тоже были в маскировочных халатах и шли в сторону своих войск. Решение командира - взять! Разведчикам, имеющим к этому времени немалый опыт, не стоило больших трудов трудов взять их. И велико было удивление бойцов разведки, когда под маскировочными халатами немцев они увидели офицерские знаки

связиста неприятельской армии и портфель с какими-то документами. Оба немца вели себя нагло, показывая свое превосходство перед нашими бойцами. Приказ командира был скуп: «Рядового к праотцам, а офицера взять с собой». Не хотел немец идти, пришлось тащить его до самого штаба полка.

После допроса офицера и проверки документов выяснилось, что им в руки попался, знающий многие секреты, военный. Топографические карты, где были указаны пути наступления немецких частей тоже были ценными.

А вот самая почетная солдатская медаль «За отвагу». И за нее сибирский разведчик не жалел ни сил, ни жизни.

Как-то возвращаясь из очередной вылазки в немецкий тыл, нашу разведгруппу обнаружили, стали обстреливать из пулеметов и минометов. Разведчики залегли в небольшом овраге и заняли круговую оборону. Вскоре пулеметно-автоматная стрельба утихла, но «Ванюши» - шестиствольные немецкие минометы изредка продолжали стрелять «подковой» не давая пути к отступлению.

Надвигалась гроза, вдали были слышны первые раскаты грома, темно. Лейтенант-командир группы, подползая к Бугде, шепнул: «Решили взять живыми, вот-вот пойдут в атаку и, показывая рукой, добавил, - вот твой сектор обстрела». И, действительно, через какое-то мгновение послышались отрывистые команды вражеского офицера. Бугда притаился, видел, как на них в полный рост идет враг, в руке зловещей вороненной сталью поблескивал пистолет. Слева и справа от него в полный рост, засучив рукава рубашек, шли солдаты и смеялись.

Хозяевами себя сволочи чувствуете! Смерть здесь ваша первая, а моя будет - вторая, - подумал наш разведчик. Глаза следили только за солдатом в офицерской фуражке.

Бугда, как на охоте на волков, не шевелясь, прицелился и плавно нажал на спусковой курок своего любимого ППШ. Выстрела он фактически не услышал, над головой раздался сильный грохот грома и, как из ведра, полил дождь. Скорее почувствовал, чем увидел Бугда, как, взмахнув руками, упал навзничь немец. Стало совсем темно, только сверкали молнии, изредка освещая землю. Справа от Бугды взлетела зеленая ракета

-Наша командир дал сигнал к отступлению. По запасному варианту, - мелькнула мысль у бойца. И все же он подполз к немецкому офицеру, взял его сумку с документами, отстегнул кобуру. Сунул за ремень и попластунски пополз в условленное место предполагаемой встречи разведчиков.

Дождь все усиливался, но раскаты грома удалялись все дальше на восток. Вскоре затихла и минометная стрельба. Все для разведчиков складывалось благополучно. Часам к 4 утра, мокрые, грязные, но счастливые

разведчики, собрались в небольшом перелеске, натянули плащ-палатку, костра не разводили, перекусили чем бог послал. Все на месте, раненых, а то что грязь и мокрота - пустяк! Дождь лил, изредка вскрикивала ночная птица, стрельбы не было. Соблюдая тишину, разведчики двинулись в путь. Не прошло и часа, как были на своей территории. Лейтенант ушел доложить о результатах ночной вылазки командиру полка. Кто-то спал, остальные стали делиться впечатлениями от посещения неприятельской стороны. Стали рассматривать трофеи Бугды. Пистолет был именной, бельгийский браунинг, 1938 года выпуска. На рукоятке было выгравировано «За храбрость». В офицерской сумке оказалось около сотни патронов. Полковым разведчикам разрешалось иметь при себе любое оружие. Многие при себе носили по одному, а то и по два пистолета, готовых в любой момент к бою. Носил и наш разведчик два пистолета: один офицерский маузер 1943 года выпуска, другой - браунинг-«Фриц» - так стал называть его Бугда.

Он был в какой-то степени обязан «фрицу» в получении ордена Отечественной войны осенью 1943 года, а если точнее сказать, то жизни.

Очередная вылазка в стан врага была назначена на середину июня 1943 года. Шла подготовка Красной Армии к разгрому немцев на Орловско-Курском направлении, с немецкой операции «Цитадель». Задача немецко-фашистского командования — взять реванш за Москву и Сталинград и снова - Москву. Высшее советское командование знало об этом, но были и сомнения, поэтому постоянно нужны были свежие точные данные о противнике

Операция летом 1943 года готовилась немецко-фашистским командованием давно и под большим секретом. Нашему командованию поступали разведанные из различных источников о планах гитлеровского командования. Обе стороны старались перехитрить друг друга. Серьезным подтверждением летних планов 1943 года были сообщения из полковых разведок. Разведчики своими глазами видели новые части, скопления живой силы и техники в районах «дуги» на предполагаемых направлениях немецких ударов по нашим войскам.

Бугда с группой разведчиков получил задание, в районе небольшого городка, что в Курской области, взять «языка» и, желательно, из офицерского состава. Несколько дней прятались в лесочке и болотистых прудах, благо их здесь много, вели наблюдение, на связь лишней раз не выходили, боялись себя демаскировать. После сопоставления всех фактов по наблюдению за врагом, выбор пал на землянку, где днем и ночью стоял часовой с оружием на изготовку. В землянку часто входили и выходили офицеры. Вывод был один: здесь штаб воинского подразделения немцев.

Был тщательно разработан план нападения, распределены все роли между разведчиками. Старались предусмотреть все до мельчайших деталей.

Командир разведки, Бугда и еще два разведчика должны были после отключения всей связи оповещения и получения специального сигнала заскочить в землянку-штаб забрать документы, прихватить офицера и начать отход.

Все шло по плану, после уничтожения немцев, а их в землянке было трое, один из офицеров оказал сопротивление. Упал замертво один из разведчиков. Бугда с «фрицем» в руках навскидку стреляет по пистолету немца. Пистолет летит на пол, немец левой рукой хватается за правую, и в этот момент командир разведки сшибает его с ног, заламывает и связывает ему руки, выволакивает на улицу. Начался отход группы разведчиков. Лейтенант дает условную ракету, тотчас начали бить наши пушки и минометы по немецкой территории.

Переходя линию фронта с «языком» и кипой различных штабных документов, Бугда прикрывал своих друзей разведчиков огнем из автомата, отсекая от них наседавших немцев. Очередной раз, перебегая к дереву, он увидел, нет, наверное, почувствовал взрыв... и перед глазами поплыли облака.

Очнулся он уже в полевом госпитале. Женщина хирург с уставшими глазами, в халате, забрызганном кровью

-Богатырь! Сибиряк! Силен! Жить будешь. Подозвала медсестру и приказала готовить Бугду, его документы в госпиталь, в тыл.

Долго пролежал в госпитале Бугда, а орден Славы 3-й степени получил уже в 1944 году.

Выздоровление и снова бои, бои. Победу встретил в Германии. Демобилизован был одним из первых. Недолго гулял разведчик после возвращения. Надо жить! В соседнем улусе Нухунуры встретил Анну Сабахаеву и стала Анна его женой и матерью его детям. Дома узнал Бугда, что старший сын погиб.

Трудился Бугда Буинович с утра до вечера. Росли сыновья и дочери, и переполнялось сердце гордостью, глядя на детей Максима, Германа, Аркадия, Генриха, Нину, Зину....

Жизнь продолжалась...

Петр Печерский,
капитан-лейтенант запаса
пос. Свердлово
Панорама округа.-2005.-30 июня (86-87)

ТАНКИСТ

*Степан Михайлович Букин,
радиот,
уроженец Эхирит-Булагатского района*

В окружном центре немало людей, чьи имена односельчане произносят с искренним уважением и почтением. Встретишь здесь и ветеранов Великой Отечественной. Степные, убеленные сединами они хорошо помнят те огневые годы. Правда, говорить о ратных делах не любят. Кому приятно беречь старые раны! Но если задеть собеседника, как говорится, за живое, то можно услышать много интересного и о минувших событиях.

Один из этих героев – Степан Михайлович Букин. Когда началась война шестнадцатилетний Степа трудился в колхозе в Большой Куре. А через два года призвали в армию. В поселке Песчаная за Читой осваивал военную специальность радиста танка, потом совершенствовал свои знания в Московской школе радистов. Боевое крещение Степан Михайлович принимал в составе 41-го танкового гвардейского полка у озера Балатон в Югославии. Шли ожесточенные бои. Враг не хотел отступать, но танкисты при поддержке пехоты подавляли огневое сопротивление и упорно продвигались вперед.

Освободив Югославию, вступили на территорию Чехословакии. Здесь, под городом Бруно Букина легко ранило, затем и контузило.

- Да, - вспоминает бывший фронтовик, - поистине неожиданные события подстерегали на фронте на каждом шагу. Гитлеровцы применяли и психическую атаку, но наши танки стреляли со всех сторон. Город ничем не отличался от других городов: так же чернели пятна пожарищ. Дома были разрушены. От снарядов в стенах – сквозные дыры. Мины накрывали строения сверху, и в крышах зияли провалы. Жуткая была картина. И вспоминать об этом страшно.

Так, километр за километром наши войска освобождали Чехословакию. На груди Степана Михайловича засверкал орден Славы III степени и медаль «За освобождение Праги». Победу встретил в Чехословакии, но война для Букина не закончилась. Их седьмую мехдивизию перебросили на восток. Пришлось солдату преодолевать труднодоступные горы Большого и Малого Хингана, пустыню Гоби. И здесь, на Большом Хингане, дивизия установила танк, как памятник в честь перехода через Хинган и победы над Японией.

... Домой солдат вернулся в августе 1947-го. Долго не отдыхал. Отремонтировал старый ЧТЗ, пахал и сеял на нем. Потом сторил Ангарск, но тянуло в родные места. Вернулся и многие годы работал шофером в Эхирит-Булагатском СХТ, отсюда ушел на пенсию.

Ф.Белованова.
Панорама округа.- 1996.-22 июня

ДВЕ СХВАТКИ НА ВОДЕ

*Владимир Николаевич Велисеевич,
командир торпедного отсека,
уроженец с.Тургеневка Баяндаевского района*

Более 10 лет прошло с того времени, как мы узнали об одном случае в истории Великой Отечественной войны. Почти столько же времени прошло с той поры как умер тот, кто поведал нам о случившемся.

В историко-этнографическом музее села Тургеневка Баяндаевского района есть пожелтевшая фотография времен II Мировой войны. Со снимка смотрит на нас, современников, совсем молодой паренек в черной морской форме. Именно таким в 22 года ушел на войну в 1941 году уроженец наших мест Велисеевич Владимир Николаевич. После окончания мореходных курсов в городе Мурманске Володю распределили на большой корабль командиром торпедного отсека.

В 1943 году после открытия союзниками 2-го фронта довелось Велисеевичу морским путем идти в Америку. Глаза нашего земляка видели портовые города США: Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Сан-Диего. В последней гавани получили наши моряки по ленд-лизу военные корабль-тральщики. А один из них, военный тральщик С-126, в годы войны стал для Велисеевича непотопляемым оплотом, домом, частицей родной земли.

Во многих боевых походах и сражениях в водах северных морей участвовал тральщик С-126. Ставил и взрывал минные поля и заграждения. Много раз был в составе боевого охранения по проводке морских караванов по ленд-лизу по северным морям и территориям, охотился за немецкими подводными лодками и судами, уходил от неприятельских самолетов. Много всего было на войне, но об одном случае были воспоминания у Велисеевича особенные.

В тот день, в начале осени 1944 года, тральщик С-126 в составе боевого охранения сопровождал караван судов по Баренцеву морю, где под флагом с красным крестом шел большой корабль «Мария Раскова». На его борту было свыше 800 раненых бойцов и командиров Советской Армии, команда 150 человек, медикаменты, гражданские грузы. В 14-00 в левый борт «Марии Расковой» вошла и взорвался немецкая торпеда. Повалил черный удушливый дым. Медленно стал крениться корабль на поврежденный торпедой борт: следующая торпеда угодила в корму сопровождавшего тральщика С-130. Моряки с поврежденных кораблей

бросались в ледяную воду. Над многими из них волны сомкнулись навеки. Страдания погибающих в Северном море двух наших кораблей усугубила всплывшая возле скал островной гряды немецкая подводная лодка. С этого момента тактика противника стала понятна морякам.

Для подводной атаки немецкая подводная лодка искусно притаилась возле островной гряды морских скал. И сигналы гидрофонов кораблей боевого сопровождения, отражаясь от скал и лодки противника, не могли сообщить нашим морякам о затаившейся опасности... Между тем в «Марию Раскову» попали вторая, третья торпеды. Участь двух наших кораблей была решена. Совсем немногих удалось спасти и поднять на борт неповрежденного тральщика С-126. Пока тральщик был занят спасением людей с тонущих кораблей, экипаж немецкой субмарины, стоя на мостике, наблюдал за страданиями моряков. Потом подлодка ушла под воду. На борту ее боевой рубки четко просматривалась цифра «17».

- Прошло два месяца... Как-то уже глубокой осенью наш тральщик, - рассказывал нам Велисеевич – барражировал (делал разведку) в море и тут сигнальщик наверху заметил дымку. Наши моряки знали, что такая дымка образовывается над водой, когда подводная лодка всплывает для подзарядки аккумуляторов. Дымку сразу запеленговали. Наш тральщик резко пошел на сближение с врагом. Увидев приближающийся советский корабль, немецкая подлодка начала срочное погружение. По пеленгу в квадрат, куда ушла подводная лодка, с нашего тральщика было сброшено несколько глубинных бомб. Почти сразу было зафиксировано попадание глубинного заряда по цели. Пятна мазута и пузыри воздуха говорили нашим морякам о том, что враг серьезно ранен. По координатам пеленга и видимым признакам присутствия вражеской лодки было сброшено в море еще 10 глубинных бомб.

Дней через десять место, где была затоплена немецкая подводная лодка, по приказу командования было обследовано водолазами. На дне они увидели затонувшую субмарины и на разорванном борту ее боевой рубки стоял знакомый нашим морякам символ «17». Расплата за гибель наших кораблей наступила. Враг поверженный лежал на дне Баренцева моря, - рассказал в тот раз нам ветеран.

За участие в боевой операции по уничтожению немецкой субмарины в водах Северного моря наш земляк, старшина 2 статьи, Владимир Николаевич Велисеевич был удостоен высокой, редкой для наших мест, морской награды. В его военном билете записано: «За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками награжден орденом Ушакова II степени». Есть и другие награды.

Е.Мотороев
с.Тургеневка Баяндаевского района

Панорама округа.-2005.-11 марта

ВАСИЛИЙ ГУСЕВ, РУССКИЙ СОЛДАТ

*Василий Абрамович Гусев,
командир артиллерийского орудия,
уроженец д.Грехневка Кировского сельского района (ныне Боханского
района)*

В семье Василия Абрамовича Гусева более тридцати лет бережно хранится одно фронтовое письмо. Странички из ученической тетради, на которых написано оно, пожелтели от времени, на сгибах многие строчки полустерлись, но их можно, к счастью, еще хорошо разобрать. Письмо адресовано родителям Василия, находившегося тогда уже третий год на фронте. Абраму Егоровичу и Аграфене Елизаровне Гусевым в деревню Грехневка Кировского сельского района (ныне Боханский) Иркутской области.

«Родителям Василия Гусева. От партийной организации Н-ского подразделения, от парторга старшины Руденко. Можем вам сообщить, что ваш сын Гусев Василий Абрамович, как член партии и лучший командир, проявил себя в боях с немецкими оккупантами, умело руководит своим подразделением в бою. Не раз отбивал контратаки противника прямой наводкой в упор расстреливал фашистские танки и озверелых немецких автоматчиков. И всегда он выходил победителем. Никогда не трусил и не отходил со своего рубежа. На своем счету он имеет 13 уничтоженных вражеских танков, 16 бронемашин с войсками, 10 автомашин с войсками и боеприпасами, 30 подвод с боеприпасами, он уничтожил 5 батарей противника. Около 20 уничтожено пулеметов, 8 дотов, нашли себе могилу на полях Кубани около 650 фашистских солдат и офицеров от умелого руководства командира Василия Гусева».

Войну с немецкими фашистами Василий Абрамович закончил в мае 1945 года в Чехословакии, но его ждала еще одна война—война с японскими милитаристами на Востоке.

Мы сидим с Василием Абрамовичем в уютной комнате его дома, в котором он родился, вырос и из которого он ушел на действительную службу в Красную Армию 25 сентября 1939 года.

Служба началась на Амуре в 81-м артдивизионе. Его определили на артиллерийский тягач. Пригодилась гражданская профессия. Василий еще до армии окончил курсы трактористов. Служилось легко, только скучал по дому, уже начал было мечтать о демобилизации, срок которой подходил к осени сорок первого, но началась война.

— Как только пришла страшная весть о войне, все бойцы нашей части

стали проситься на фронт. Я сам лично написал несколько рапортов. Желание мое исполнилось только 10 декабря 1941 года.

Попал я в 113-ю стрелковую бригаду, которая формировалась в Удмуртии. Конечно, попал в артдивизион. Сперва был наводчиком, через полгода назначили командиром 76-миллиметрового полуавтоматического орудия.

Первый бой приняли под Ворошиловградом. Бой был скоротечным и жестоким. Наша батарея находилась на небольшой высотке, внизу стояли еще две батареи. Немецкие танки шли сплошной лавиной. Несмотря на огромные потери, они иступленно рвались вперед. Это было в июне 1942 года. Сколько тогда погибло моих хороших и верных друзей!

Мы оказались в окружении. Но мой расчет орудия не бросил. Тащили его, можно сказать, буквально на руках. Старшие командиры организовали из окруженцев внушительный отряд. Как сейчас помню, у нас было восемь пушек, пулеметы, противотанковые ружья, были и автоматчики.

Двигались на восток ночами. По пути громили немецкие гарнизоны, мелкие группировки противника.

Подшли к линии фронта в районе Армавира. Под минометным обстрелом проскочили в небольшой лесочек. Здесь нас атаковали пять фашистских танков. Мы прямой наводкой расстреляли три, остальные два поспешили уйти назад. Ночью с боем прорвались к своим. Так закончился наш почти месячный невольный рейд по тылам противника.

Василий Абрамович после выхода из окружения, не успев отдохнуть, снова вступает в бой. Он принимает участие в обороне Кавказа, идет в рядах тех, кто освобождал Армавир, Краснодар, Симферополь, Керчь, Севастополь, Одессу—весь Крым.

Он участвует в десятках ожесточенных боев, дальнейший его боевой путь пролегает через территорию Румынии, Венгрии и Чехословакии. «Упорные бои шли в гористых и лесистых краях Чехословакии,—вспоминает Василий Абрамович.—Воевали мы там не только с фашистами, пришлось драться и с власовцами. Бои с власовцами шли уже после Дня Победы. Для меня война на Западе закончилась только 17 мая 1945 года».

Тысячи верст прошагал по дорогам войны простой русский солдат из далекой сибирской деревни. Не один раз смотрел смерти в глаза, не один раз был ранен, но свой воинский и гражданский долг выполнил до конца. Я перебираю благодарности, объявленные в приказах Верховного Главнокомандующего, которыми отмечен боевой путь Василия Гусева. Их очень много. Здесь благодарности за участие в освобождении Таманского полуострова, Феодосии и Ялты. Дальше идут благодарности за участие в овладении городом Будапештом, за освобождение чехословацких городов Комарно, Ново-Замка, Банска Штявница, Трнавы, Глоговец, Брно,

Братиславы, Праги и других.

Знамя Ленина.- 1975.- 22 июля (№88)

«Я БЫЛ ОСНОВНОЙ ОГНЕВОЙ ТОЧКОЙ...»

*Борис Яковлевич Добосов
наводчик станкового пулемета,
уроженец ул.Харазаргай Эхирит-Булагатского района*

Борис Добосов, 21-го года рождения, попал на западный фронт в феврале 42-го наводчиком станкового пулемета. В составе армии Рокоссовского участвовал в боях под Берлином. После Победы оставался в советских оккупационных войсках. Домой, в Харазаргай, вернулся летом 46-го.

С фронта привез ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медали: «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и - шрамы от пулевых и осколочных ранений.

Надо было работать. Борис Яковлевич поехал в Баяндай на курсы комбайнеров и трактористов. Здесь и познакомился с Ольгой Алсаткиной Алдыровой, колхозницей, испытавшей непомерную тяжесть ручных сельхозработ во имя Победы. Она стала его женой.

Немного погодя орденосец Добосов, уже с семьей, вернулся в Харазаргай, в колхоз имени Карла Маркса. Сам хозяин работал механизатором, а потом — чабаном. Жена трудилась в колхозе, управляла домом и родила семерых ребятшек. Трое из них получили высшее образование, все обзавелись семьями и «наградили» родителей шестнадцатью внуками. А недавно появилась и правнучка.

Вроде бы в жизни Добосова ничего из ряда вон выходящего нет. Однако...

Борис Яковлевич о войне вспоминать никогда не любил, хотя младшие братья, не попавшие на фронт по малолетству, интересовались его боевыми буднями. Если зайдет разговор — расскажет скупой кой о чем. А каково ему приходилось, можно судить и по одной оброненной фразе: «Я ведь был основной огневой точкой...»

И с той, и с другой стороны всегда первым делом старались заставить замолчать пулеметы. Шквальный огонь на них обрушивали. Сколько погибло пулеметных расчетов не счесть. У Добосова многие заряжающие и подносящие ленты были убиты. А вот почему он уцелел — для него самого загадка. Наверное, родная земля берегла, считает Борис Яковлевич.

И еще как-то рассказал он, что однажды сидел с товарищами в

блиндаже в затишье между боями. И вот подмывает его уйти из блиндажа какая-то сила. Противостоять он ей не смог — вышел наружу. В это время шальной снаряд - немцы периодически постреливали по нашим позициям — угодил прямехонько в блиндаж. Все, кто там оставался, погибли.

Приходилось Добосову отражать и психические атаки противника. Пулеметчик весь в поту от напряжения, в кожных пулемета воду льют — она кипит на раскаленном металле, а немцы все идут и идут, отчаявшиеся и ошалелые смертники...

На войне много было и страшного, и странного. И люди возвращались с нее с другим, отличным от довоенного, видением мира. Борис Яковлевич обрел глубокую веру в силу родных пенатов, уберечь его и от ранений, которые могли сделать его полным калекой, и от смерти. В охранную силу бурятских духов свято верила и мать Добосова. Наследственная вера переплелась с личным мировоззрением, а со временем открылся в Борисе Яковлевиче дар шамана. Долгие годы служил он людям в этом качестве. И самое главное было в нем то, что он никому не отказывал в совершении культовых обрядов. Просто не мог отказать. Верно, поэтому приобрел Добосов широкую известность среди верующих шаманистов.

Сейчас Борису Яковлевичу 74 года. Дает себя знать серьезное ранение в голову, полученное на фронте: снизился слух; стала невнятной речь, утрачивается способность самостоятельно передвигаться. Достала-догнала война фронтовика тяжелой болезнью. Но силу духа он не потерял. По-прежнему любит общаться с людьми, радуется гостям. И все чаще вспоминает Великую Отечественную. Ему посчастливилось дожить до пятидесятилетнего юбилея Победы. И в преддверии большого праздника ратный труд воспринимается уже по-иному: пришло осознание значимости собственной лепты в освобождении Родины и мира от порабощения.

С.Бортникова

Эхирит-Булагатский район
Панорама округа.-1995.-18 апр. (№43)

ЭТО И ЕСТЬ ПОДВИГ

*Исай Львович Егоров,
наводчик минометного расчета,
уроженец ул. Верхняя Куйта Нукутского района*

В окружном центре многие знают в лицо Исаю Львовича Егорова, уроженца улуса Верхняя Куйта Нукутского района. Ему сейчас восемьдесят пять, но он еще бодр, весело улыбается, шутит и рассказывает о прожитых годах. А рассказчик он хоть куда – заслушаешься.

В январе 1942 года сразу после выпускного курса пединститута Исай Львович оказывается в составе 97 стрелковой дивизии, сформированной в Бурятии. А с февраля дивизия направлена на фронт и пятого марта 1942 года передана 16 армии под командование К.К.Рокоссовского. 7 марта дивизия приняла боевое крещение в районе села Сучихи Калужской области. Для большинства бойцов это сражение стало первым и последним. В бой Исай Егоров шел рядовым наводчиком станкового пулемета «Максим».

«В ночь с 6 на 7 марта нас подняли по тревоге и отдали приказ наступать, обходным путем прорвать оборону противника и занять ряд населенных пунктов, - вспоминает Исай Львович. - Шагая в кромешной мгле, думали, что идем по кочкам, а перед рассветом, когда были уже на переднем крае обороны немцев, поняли, что под снегом лежали трупы наших солдат. Еще не рассвело, когда немецкие дозорные нас заметили, на наши головы обрушился шквальный огонь из автоматов и пулеметов. В темноте я засек огневую точку противника и открыл по ней из пулемета прицельный огонь. Она замолкла.

Наша рота наступала по косогору, мне было видно, как немцы открыли по нашим бойцам перекрестный огонь. Взрывались мины, снаряды, все было в огне. Белоснежное поле смешалось с землей. Я видел, как друг за другом убили нашего наблюдателя, снайпера, и двух наводчиков пулемета, в том числе Ефима Молотова, моего однокурсника, и земляка из Шарат».

Пулеметное гнездо Егорова было уничтожено попаданием вражеского снаряда. Взрывной волной Исая выбросило на полтора-два метра, пулемет был разбит. Контуженный боец через непродолжительное время вновь оказался в бою.

Враг усилил обстрел из дальнобойных орудий, дивизия несла огромные человеческие потери. В этом бою Исая Львовича ранило вторично. Но сражение продолжалось на следующий день. Пришел новый приказ: взять населенные пункты Гусево и Козырь. Измученные, раненые, без боеприпасов, с одним ручным пулеметом остатки разбитых батальонов двинулись вперед.

Этот бой стал последним для дивизии, как вспоминает выживший в этой бойне Исай Львович, в одном из батальонов (а это более пятисот человек) уцелел лишь один солдат.

Это один из эпизодов героической обороны и наступления наших войск под Москвой. И таких моментов в фронтовой жизни Исая Егорова было множество.

Вот еще один бой. После госпиталя Исай попал в минометный полк, который влился в состав первого механизированного корпуса второй танковой армии, действовавшей на Курской Дуге. Пятого июля 1943 года началась знаменитая Орловско-Курская битва. Бои шли по всей линии

фронта на протяжении 500 км.

В одном из боев минометная точка Егорова была уничтожена прямым попаданием вражеского снаряда. Семь человек из минометного расчета были убиты, а наводчик Егоров чудом остался жив. Вновь ранение и тяжелая контузия. В сознание пришел лишь на вторые сутки в медсанбате.

Много можно рассказывать об этом человеке, но газетные страницы не дают возможности детально остановиться на жизнеописании старого солдата.

Исай Львович демобилизовался из рядов Советской Армии 10 ноября 1945 года. Затем в течение двадцати лет он учительствовал в Тангутах и четырнадцать лет – в Кутулике. Исай Львович вырастил и воспитал четырех дочерей, и все они имеют высшее образование. В настоящее время он счастливый дед, но и прадед - у него десять внуков и шесть правнуков.

Жизненные трудности, война, подорванное здоровье не сломили настоящего человека – Исая Егорова, он знал, за что бился с врагом, он знал для чего самоотверженно трудился в тяжелые послевоенные годы – ради нашего будущего, ради будущего своих детей, ради будущего Родины. Он защищал Отчизну, а это и есть подвиг.

Сегодня Исай Львович с внуком по приглашению Правительства Москвы вылетел в столицу, чтобы встретиться с друзьями-однополчанами, защищавшими город-герой в грозном 1941 году. Исай Львович будет участвовать 9 мая в параде, посвященном 55-летию со дня разгрома фашистских захватчиков, и с гордостью пройдет по Красной площади, восстанавливая в памяти те суровые годы войны.

В.Бартуев

Панорама округа.-2000.-6 мая.

ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ ОГОНЬ И ДЫМ

*Платон Асалханович Еремеев,
замкомвзвода автоматчиков, участник боев за Ленинград;
Виктор Максимович Бадашкеев,
связист,
уроженцы Боханского района*

В суровые годы Великой Отечественной войны ушли на фронт совсем молоденькими Платон Асалханович Еремеев и Виктор Максимович Бадашкеев. У каждого и них есть свои памятные даты и меты.

П.А.Еремеев участвовал в операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. 18 января 1943 года произошла историческая встреча войск 67-й и 2-й ударной армий. Блокадное кольцо было прорвано.

— Это было 16 января 1943 года на Волховском фронте, — рассказывает Платон Асалханович, — был я тогда заместителем командира взвода автоматчиков. В ночь перед боем в ротах проходили партийные и комсомольские собрания. Старшины раздавали боеприпасы. Назавтра предстояло прорывать оборону противника.

Час длилась артподготовка. Она, казалось, смешала с землей все огневые точки врага, перепахала его траншеи. Командир роты подошел ко мне и сказал: «Пойдешь первым, проведешь роту через проход в минном поле. Не ошибись!» И вот ракета. Опершись рукой о бруствер, выбрался из траншеи и пошел вперед. За мной — рота. Головной взвод еще не успел развернуться в боевой порядок, как полоснул вражеский пулемет. Очередь за очередью. Рота залегла. Оглядел передний край. Чуть правее, вот он, дзот. Именно оттуда ведет огонь пулемет. Прижимаясь к земле, пополз к дзоту. Конечно, пулеметчик заметил меня, но, видать, был опытным и не торопился, решил действовать наверняка. Мол, вот если, чуть приподнимется... А пока пулеметные очереди не давали поднять головы залегшей роте.

Лежа, заметил себе ориентир, — бугорок с кустарником. До дзота оттуда около, десяти метров. Дополз. Немного отдышался. Как только пулемет замолчал, приподнялся и бросил гранату. И сразу же упал. Ноги подкосила короткая очередь, на несколько мгновений опередившая взрыв гранаты. В горячке не почувствовал боли, взгляд по-прежнему был прикован к амбразуре, которая перестала изрыгать огонь. Граната разворотила перекрытие дзота. Рота поднялась и бросилась на врага...

За этот бой Платон Асалханович Еремеев был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Храбро сражался на 1-м, 2-м и 3-м Белорусских фронтах связист Виктор Максимович Бадашкеев.

— Много пришлось поползать мне под огнем противника, — вспоминает бывший связист. — Найдешь оборванный провод, соединишь, а в другом снарядом снова порвет. В годы войны применялась «запаска». Это запасная линия связи. Зачем? Во время артиллерийского или минометного обстрела телефонный кабель часто повреждался. И тогда следовала команда: «Связисты — на линию!» Ох, как нелегко было исправить телефонную линию под градом раскаленного свинца. Представьте себе: на переднем крае обороны беснуется огонь, частокол взрывов стоит черно-оранжевой стеной. Все живое укрылось в окопах, траншеях, блиндажах, и лишь телефонист, взяв кабель, бежит или ползет по линии, находит место порыва, ищет другой конец перебитого кабеля, соединяет, заматывает стык изоляционной лентой, делает петлю для прочности и возвращается назад. Часто и не возвращается. Достает его пуля или осколок. А если возвращается, узнает, что кабель снова

перебит. И снова, поправив каску, бежит на линию.

Для связиста одним из главных врагов был снайпер. Мина или снаряд вслепую лупят, а снайпер - наверняка. Вот тут и нужна солдатская сноровка. Упадешь, откатишься в сторону и поднимаешься уже в другом месте, перебежки зигзагами делаешь. Мороз, а с тебя пот градом: ведь за спиной катушка с проводом, телефон, карабин с патронами, другое снаряжение. Килограммов за сорок все будет... За подвиги в годы Великой Отечественной войны Виктор Максимович Бадашкеев награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Славы III степени и медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

П. Степанов

п. Бохан

Знамя Ленина.-1988.-9 мая (№55)

СНАЙПЕР

*Арсений Михайлович Етобаев,
лейтенант, снайпер*

уроженец ул.Бурят-Янгуты Осинского района

Навряд ли отыщешь на карте наш маленький улус Бурят-Янгуты. Он расположен в неширокой, но удивительно живописной долине таежной речки Осы. В октябре 1920 года в этих местах вспыхнул кулацкий мятеж. Бандиты свергли Советскую власть в Янгутах, арестовали, жестоко избили членов ревкома и бросили в холодный амбар Енисейской школы. Мятеж был вскоре ликвидирован первым бурятским партизанским отрядом Павла Балтахинова. После ликвидации мятежа П.Балтахинов созвал общее собрание около Енисейской школы под открытым небом, поставил вопрос об избрании председателя и секретаря ревкома. Были избраны Трубачеев — председателем, Етобаев — секретарем. Товарищ Балтахинов вручил им боевые винтовки, а семнадцатилетнему Етобаеву — еще и вороненный наган. Этот наган в настоящее время экспонируется в Бурятском республиканском краеведческом музее.

В 1921 году Етобаев был направлен на одногодичные курсы в г. Иркутск, где стал членом КСМ (Коммунистический Союз Молодежи) и здесь же проходил военную подготовку, как боец ЧОН (части особого назначения). Вернувшись, в течение двух месяцев вел агитационно-разъяснительную работу среди молодежи улуса. Таким образом им была создана первая комсомольская ячейка в наших Янгутах. Все первые 13

комсомольцев стали дружинниками—бойцами ЧОН и вели борьбу с белой бандой.

Однажды поступил сигнал, что в местности Хара-Нохойто появились бандиты, это в 15 километрах от центра Янгут. Етобаев, собрал дружину, направился туда. Бандиты пьянствовали в бане, оставив одного часового у дверей. Етобаев его застрелил, тогда бандиты открыли беспорядочную стрельбу из дверей и окон бани, выскочили и растворились в темноте.

Арсений Етобаев после сокрушался, что упустил бандитов, убив одного часового.

А через два десятилетия Арсений Михайлович Етобаев уже не допускал такой оплошности в войне с фашистами.

Не раз вступал он в снайперские поединки. Интересен один поединок, происшедший на Волховском фронте. Из штаба полка сообщили, что немецкий снайпер контролирует единственную просеку и уничтожает наших бойцов и командиров. Етобаев получил задание выследить и уничтожить снайпера. «Задача не из легких», — подумал Етобаев. По «почерку» он определил, что перед ним опытный стрелок и поединок будет тяжелым. Выбрав наблюдательный пункт, Етобаев притаился. Прождал целый день - ни одного выстрела. Но тревожной была тишина — в нее он не верил. «Здесь без хитрости не обойтись,—заклучил Етобаев.

На следующий день красноармеец Мошков получил задание быстро пробежать через просеку. Каждый шаг мог для него стать последним, но это был единственный возможный выход, чтобы установить, откуда ведет стрельбу немецкий снайпер. Стоило только Мошкову броситься вперед, как тут же раздался глухой выстрел. Но Етобаеву не удалось установить направление стрельбы. Немного погодя, Мошков вновь быстро вскочил на ноги и бросился вперед, и в этот миг Етобаев в бинокль ясно увидел всплеск огня у одиноко стоящей пихты на нейтральной полосе. «Так вот он где». Тщательно прицелившись, Етобаев выстрелил. Ветки зашевелились, и у самой земли что-то повисло. По приказанию командира вперед поползли два разведчика. Они немало удивились, когда увидели повисшую на веревках женщину с длинными волосами. Это была снайпер-белофинка, которая уже длительное время, удобно устроившись на дереве, охотилась за советскими солдатами и офицерами. Когда ее доставили в штаб, на допросе она все время просила показать ей того, кто ее сбил. «Я уничтожила сто двадцать человек, до нормы оставалось лишь пять... и тогда отпуск на три месяца». Этому не суждено было сбыться.

На всю жизнь запомнился Етобаеву слет снайперов Волховского фронта.

...Зал оживился, когда командующий 8-ой армией назвал фамилию Етобаева и вручил ему винтовку с оптическим прицелом и открытку с его

фотографией, на обороте которой было напечатано типографским шрифтом «Лейтенант А.М.Етобаев — знатный снайпер Волховского фронта. Систематически занимается подготовкой снайперов. Сам он уничтожил 148 гитлеровцев».

От командования пришла такая открытка в Бурят-Янгутский сельский Совет, где было написано: «Смотрите, гордитесь своим славным земляком».

Как мы, янгутяне, радовались тогда таким весточкам.

Из улуса нашего ушли защищать Родину 234 человека. 148 янгутян остались лежать на полях боев во имя свободы советской Отчизны, 86 из них вернулись, овеянные славой воинов Советской Армии.

Не счастье, сколько уничтожено врагов бойцами — выходцами из нашего улуса. Один снайпер Етобаев уничтожил 356 фашистов.

...Наши части попали в тяжелую обстановку, была угроза окружения. Вскоре в районе Мясного Бора командир полка поставил задачу самостоятельно выходить из окружения небольшими группами. С 16-ю бойцами Етобаев выходил с боями из окружения. Как выяснилось позже, по их следам выходили еще несколько подразделений. Именно в это тяжелое время Етобаев показал образец стойкости, мужества и героизма, за что был награжден орденом Ленина. В наградном листе командир полка писал: «Находясь в окружении в составе 1238-го стрелкового полка в Мясном Бору, он ни днем, ни ночью не давал покоя немцам, искал, выслеживал их, сбил из личного оружия два самолета противника, блокировал дзоты, уничтожал их гарнизоны, брал «языков».

Еще не раз отличился в боях Етобаев. При снятии блокады г. Ленинграда, будучи командиром 7-ой роты, он принимал участие в овладении многими населенными пунктами, за что командиром полка представлен к награде — ордену Красной Звезды.

Демобилизовался Етобаев в 1945 году. Но не думал об отдыхе отважный боец. Он стал работать в органах охраны общественного порядка. За образцовое несение службы его награждают нагрудным знаком «Отличник милиции». За долголетнюю, безупречную службу, за заслуги в борьбе с уголовной преступностью и по охране общественного порядка его имя занесено в книгу Почета МООП Бурятской АССР.

С. Скольжикова
Знамя Ленина.-1979.-9 мая (№54)

ВОИН ИЗ ЗАКУЛЕЯ

*Муруй Баторович Жербаханов,
командир пулеметного расчета
уроженец с.Закулей Нукутского района*

Шел третий год войны. Обезлюдели улицы в городах, - не стало мужчин. Опустели и улусы колхоза «Унгинский скотовод», когда-то шумевшие весельем. Все ждали вестей с фронта, задаваясь денно и ночью одним вопросом: «Скоро ли?» Враг отступал, но отчаянно огрызаясь, уничтожая все живое на своем пути. Гоня его обратно, шли вслед советские солдаты. И среди них были унгинские ребят.

В том сорок третьем из их села Закулей ушло на фронт трое: Муруй Жербаханов, Аркадий Павлов, Константин Трубочеев.

Уж очень медленно тянулись дни в Забайкалье, так по крайней мере казалось Мурую, 74-й разбезд. День и ночь здесь обучали солдат. Короток был срок. Вскоре военный эшелон помчал юношу на запад. Близился с каждой минутой грозный неведомый фронт.

Солнечный Крым предстал перед сибиряками изуродованным.

На другом берегу пролива в сумерках сверкали огни, то рассыпающиеся по-над землей, то взмывающие ввысь. Грохот орудий, пронзительный вой снарядов. Советские части удерживали небольшой плацдарм, который нещадно поливался огнем вражеских орудий, подвергался бомбежкам. На подмогу им прибыл 3-й горнострелковый корпус. Вот в его составе и был Жербаханов.

Раздалась команда: «Начать переправу». Небо над узким проливом заволоч синий непроглядный туман — были пущены в ход дымовые шашки. Под дымовой завесой и переправились солдаты на другой берег. Многим не суждено было доплыть...

Берег. С ходу в атаку. Мощное «ура» гремит в цепях наступающих. Ошеломленный столь стремительным натиском, враг повернул вспять. Горнострелковый корпус вместе с другими частями, полукольцом опоясал фашистские позиции.

Фашисты, оттесненные к берегу, поднимали руки. Над толпой солдат в мышиного цвета мундирах вздернулся белый флаг. Пленные заискивающе заглядывали в глаза советских воинов.

Командир пулеметного расчета Муруй Жербаханов представлен к награждению орденом Славы III степени за проявленные в боях героизм и отвагу! — зачитывается приказ командира части.

После освобождения Севастополя корпус перебросили в Закарпатье. Потом Польша. На польской земле Мурую пришлось закончить свой боевой путь - был тяжело ранен.

А случилось это так. Шел уличный бой в маленьком городке. С глазу на глаз встретились двое. Кто опередит, выстрелит вперед... Исход решили мгновения. Фашист, вскинув винтовку, выстрелил в Муруя. Пуля прошила грудную клетку, и он начал терять сознание. Но Муруй напряг всю силу воли

и уже лежа на земле, нажал на курок пистолета. Солдат в ненавистной форме взмахнул руками и упал. Тут же силы покинули Муруя. Он потерял сознание.

Очнулся Муруй Баторович в лазарете.

- Ну вот и отвоевался, — вздохнул солдат, когда его грузили в санитарный эшелон, идущий на восток, в тыл.

...Прошло более тридцати лет, как Муруй Баторович Жербаханов вернулся домой. Инвалид Великой Отечественной войны, кавалер ордена Славы сейчас трудится в родном селе Закулей.

К. Шопхоев

Нукутский район.

Знамя Ленина.-1975.-22 февр. (№23)

Я РВАЛСЯ В БОЙ

Андрей Заболотский,

штурман авиационного полка,

участник Сталинградской, Орловско-Курской битв

Небо... Глубока твоя синь, бесконечна, вечно родная стихия птиц. Ты принимаешь в свои объятия смелые души романтиков, и они открывают для тебя свои сердца: только полет, только твоя глубина и голубизна для них — счастье. Со времен легендарного Икара человек стремился познать глубину твою.

Небо... Ты все такое же, как и 50 с лишним лет назад, когда тоскующие глаза мальчишек вглядывались в тебя, представляя себя в крылатых машинах, парящих подобно птицам. Среди этих мальчишек был и крестьянский паренек Андрей Заболотский.

Андрею повезло: его мечта осуществилась. Пройдя строгий медицинский отбор, сдав экзамены, он стал курсантом авиационной школы, которая тогда размещалась в поселке Усть-Ордынский. Здесь разбросили будущие летчики гражданской авиации палаточный городок.

- Шел мне тогда девятнадцатый год, - вспоминает инвалид войны, кавалер трех боевых орденов А.Е.Заболотский. — А с календаря летели листки 1941-го... Лето — напряженное время учения для курсантов: с раннего утра до обеда — полеты, потом — разбор пройденного материала, допущенных ошибок и промахов.

Воскресенье, 22 июня 1941 года. Наше звено в этот день проводило до обеда обычные учебные полеты. А после обеда нас по тревоге построили и сообщили, что началась война. Я помню хмурые, озабоченные лица

офицеров. Губы с трудом произносили это короткое слово «война», отдающееся болью в сердце каждого будущего летчика. Пожалуй, мы не сразу осознали это страшное своей ясностью, бесповоротностью слово, поскольку никто не знал, что такое короткое – оно растянется на долгие четыре года.

Многим из нас пришлось остаться на полях сражений, никогда больше не видя мирной голубизны неба. Но нужно отметить, что мы были твердо уверены: наш народ победит коварного врага. Эта уверенность подкреплялась воспитанием молодого поколения в духе преданности своей Родине, своему народу.

Я воевал штурманом в 837-м штурмовом авиационном полку, который действовал под Сталинградом, на Калининском фронте, в направлении Ржева, Великих Лук. Затем – на Орловско-Курской дуге, на втором Украинском фронте. Жаркие бои шли на всех фронтах. Запомнились, пожалуй, все боевые эпизоды: из сердца фронтовика их не могут вычеркнуть годы. Вот один из них.

Второй Украинский фронт. Мы выполнили боевое задание, накрыли цель бомбами, отстрелялись и возвращались на свой аэродром. Самолет, на котором воевал я, получил аэродинамические повреждения и отстал от группы. В это время на нас и устремились три истребителя противника. Два нам удалось сбить, а третий добавил повреждений нашему ИЛ-2. И все же мы дотянули до своего аэродрома. Машина шла со снижением, в голове билась одна мысль: только бы дотянуть.

При заходе на посадку, когда я убрал газ, самолет уже не летел, а падал, потеряв силу тяги. Казалось со стороны, что он окончательно разваливается прямо в воздухе. С 15-20 метров отдельно летели плоскости, фюзеляж с двигателем, кабина. Я изо всех сил сжимался с массой самолета, и это спасло мне жизнь. Правда, я получил повреждение позвоночника, контузию, но все же остался жив и живую, слава Богу.

На фронте я вступил в партию.

Все ближе 50-я годовщина Великой Победы. Совсем недавно мы отметили 49-ю ее годовщину. В такие дни вспоминаются фронтовые дороги, боевые друзья. Их всех я не забыл. Но особенно хочу сегодня вспомнить о своих земляках-фронтовиках. Среди них – тугутуйцы: полковник, зам.начальника политуправления Московского военного округа ВВС Алексей Иванович Тигунцев; летчик, командир штурмовой эскадрильи Николай Николаевич Трусков, который был подбит, бежал на немецком самолете из плена, закончил войну и трагически погиб в 1952 году. Я всегда вспоминаю своих земляков из нашего района: М.Н.Чиркова, И.Т.Минаева, И.П.Коренева, А.М.Семенова, В.Г.Рудых, Д.И.Ощепкова, И.И.Васильева...

Помните и вы их, наше новое поколение, помните свято тех, кто

отстоял мир, Родину, не дайте погибнуть нашей великой державе из-за внутренних свар, межнациональной розни.

А.Заболотский

Наше время - Знамя Ленина.-1994.-№25.-май.

ОТ КЕРЧИ ДО БУДАПЕШТА

*Яков Афанасьевич Задорожный,
артиллерист, ст.лейтенант,
уроженец Аларского района*

— Старая турецкая крепость, в которой нас блокировали немцы, располагалась вытянутым полукругом, основанием упираясь в море. Ошеломленные внезапным прорывом гитлеровцев, мы наспех заняли оборону и приготовились к самому худшему. Всего нас на Керченском полуострове осталось около 300 тысяч человек от трех армий, неожиданным ударом сбитых с позиций и зажатых на небольшом клочке земли, откуда, казалось, не было выхода. Часть наших войск отошла к Еникале, а несколько подразделений, в числе которых было и мое, ушли под защиту крепостных стен...

Так начал Яков Афанасьевич Задорожный свой рассказ об одном из эпизодов Керченско-Феодосийской десантной операции.

— В декабре 1941 года мы в составе войск Закавказского фронта при поддержке Черноморского флота и Азовской военной флотилии высадились в Керчи и Феодосии, - продолжает он. — Выбив немцев с полуострова, закрепились и продержались до мая 1942 года. Руководил операцией командующий Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д.Т.Козлов.

Ближе к весне нам в подкрепление дали национальную армию, в составе которой были солдаты из среднеазиатских и закавказских республик. Наспех обученные, мало понимавшие поставленную боевую задачу, они были размещены на одном из самых опасных участков фронта — у города Феодосии. Я не говорю об офицерах, это были кадровые военные, но солдатская масса, в основном, была безграмотна, едва умела обращаться с оружием, многие не понимали по-русски.

Этим и воспользовались немцы. Их разведка не дремала. Обнаружив, что один из участков фронта занимает морально неустойчивая, слабо подготовленная армия, они нанесли удар именно в этом направлении, пройдя, как нож сквозь масло, через оборону. Национальная армия почти в полном составе сдалась в плен, оголив фланги и тылы остальных наших войск.

Случайно оставшиеся в живых и не попавшие в плен солдаты и офицеры позднее рассказывали, что национальная армия состояла в большинстве своем из дехкан, оторванных от привычной сельскохозяйственной работы и спешно поставленных под ружье. Они не то что танка, живого немца в глаза не видели. Когда началась артподготовка, многие, не дожидаясь атаки, сломя голову бросились в тыл, не слушая приказов командиров, а когда немцы ввели в бой танки - ужас достиг своего предела. С криками: «Вай-дот! Аман» («Помогите, пощадите!») - несчастные дехкане, бросая оружие, разбежались, не видя дороги. Немцы расстреливали их в упор и давили танками. Национальная армия перестала существовать.

Оставшихся в живых согнали в тут же построенный концлагерь, где они сидели до 1943 года, пока наши войска, выбив, наконец, немцев из Крыма, не освободили их.

Вспоминая те далекие дни, Яков Афанасьевич заметно волнуется. Он далеко уже не молод. Шутка ли — 85 прожитых лет.

- Я многое уже не помню, — ведет он свой рассказ дальше. Что поделаешь — склероз. Да эта старая контузия...

- Какая контузия? - спрашиваю я.

- Да вот тогда же меня и ранило. Когда немцы прорвались, пришел приказ отходить вглубь полуострова. Как вы помните, я оказался в старой турецкой крепости. Так вот. Нас оказалось так много, что наши окопы, которые мы отрыли на земляном валу, окружающем крепость, были на расстоянии полуметра друг от друга. И мина попала как раз между моим и соседним окопом. Меня как кувалдой по голове стукнуло. Несколько дней ничего не слышал и туго соображал. Сосед мой пострадал точно так же. Но после этого я прошел всю войну, не имея ни одного ранения.

- В рубашке, видно, родились, — говорю я.

- Кто говорит, что в рубашке, кто, что за меня сильно дома молились, а может быть, судьба... — Он усмехнулся и продолжал: — Вообще-то в крепости мы понесли мало потерь. Очень удачно она расположена, да и мы сидели на гребне вала. Редко снаряд или мина попадали в самый гребень. Обычно или не долетит, или перелетит, и тогда снаряд рвался далеко в море. Штурмовать крепость немцы не решались, они думали, что все подходы заминированы, а нас потихоньку вывозили морем. Транспорт дождался в проливе, а в крепостную бухту заходил юркий катер за очередной партией солдат. Так к 20 мая нас осталось там 146 человек.

Пришел приказ открыть огонь из всех видов оружия и, истратив боезапас, спускаться к бухте. А там «в мертвой зоне», куда не залетали ни пули, ни снаряды, уже покачивался на волнах ожидающий нас катер. Грустно было покидать крымскую землю, второй раз немцы выбили нас с полуострова.

- Когда же в первый раз?

- Еще осенью сорок первого, — отвечает старый солдат и надолго замолкает, вспоминая тот далекий год и первое боевое крещение. Он лежит на больничной кровати, порой, с трудом поднимаясь, бродит по больничным коридорам. Несмотря на болезненную худобу, видно, что когда-то был крепким парнем. Непонятная болезнь, определить которую не могут врачи, точит когда-то сильное тело.

— Война застала меня в Свердловской области, - прерывает он молчание. - Работал я тогда в нефтяной разведке. Сразу же выехал в Сызрань, где жил в то время. Не успел приехать - звонок из военкомата срочно на сборный пункт. Быстро сформировали часть из сравнительно обученных людей, посадили в эшелон и довели до Ейска, далее парходом доставили в Керчь под Перекоп. Наша артиллерийская часть была придана 51-й армии генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, задачей которой было не подпустить немцев к Крымскому полуострову. На помощь шла приморская армия генерал-майора И.Е.Петрова, но немцы нанесли удар до ее прихода. Атаковали превосходящими силами и 20 октября прорвали Ишуньские позиции. В степной части Крыма не было в инженерном отношении укрепленных рубежей, и мы вынуждены были отойти к Керчи.

Никогда не забуду этой страшной переправы через Керченский пролив. Плыли кто на чем. На досках, бревнах, плотках, автомобильных камерах. Немцы, заняв гору Митридат, поливали пролив из всех видов оружия, и ни один выстрел не пропал даром. Доплыли немногие...

- Яков Афанасьевич опять надолго замолкает... Перед его глазами все снова и снова возникает тот страшный день, когда в грохоте разрывов гibli в студеной осенней воде люди.

- А что было потом, после того, как во второй раз оставили Крым? — прерываю я молчание.

- Потом была Тамань, переформировка в Сухуми. Степной фронт, позднее переименованный во 2-й Украинский, и долгие, долгие версты войны.

Я.А.Задорожный, пройдя всю войну от начала и до конца, как я уже упоминал, не был ранен ни разу, хотя все время находился на передовой. Войну закончил в Венгрии, пройдя почти всю Европу и дослужившись от рядового солдата до старшего лейтенанта. Сейчас живет в Маниловске у племянника.

С.Кузьмин.

Аларский район

Знамя Ленина.-1993.-27 авг. (№103)

СОЛДАТ ИЗ ЗАКУЛЕЯ

*Константин Антонович Иванов,
снайпер,
уроженец с. Закулей Нукутского района*

За пятьдесят лет мира на нашей земле родились новые города, заросли травой блиндажи и старые окопы. Но живет в памяти народной грозное слово «война», стучит в сердце скорбь о погибших. Потому-то сейчас все чаще и чаще вспоминаем тех, кто в 1941-м грудью защитил Родину, не зная страха, не боясь смерти. Вот и на этот раз, будучи в командировке в Кутулике познакомилась с бывшим фронтовиком, капитаном запаса Константином Антоновичем Ивановым.

216-й гвардейский полк 79-й гвардейской стрелковой дивизии первого Белорусского фронта стоял на переформировании под городом Ковелем, что на западной Украине. Землянки, как птичьи гнезда, рассыпались в перелеске. На одном конце первый дивизион, а другом — второй. Посередине — склады, штабы, каптерки старшин. Разместились надежно. Потому, надо пополняться, набирать силы. В летнем воздухе раскатывался гулко-радостный смех, сверкали успокоенно-довольные лица солдат. Радовались воины временной передышке.

Вот в такое время в июне 1944-го прибыл Иванов на место своего назначения после шестимесячных курсов снайперов в г. Кяхте. Но затишье длилось недолго. Восемнадцатого июля пошли в наступление. Прорвали оборону под Ковелем и с ходу форсировали реку Западный Буг и вступили на территорию Польши. Здесь Константин Антонович освобождал города Любомль, Дэмблен, Люблин.

— Особенно жестокие бои шли за Люблин, — вспоминал ветеран. — Он три раза переходил из рук в руки. И не мудрено, ведь город был крупным промышленным центром. Три дня шли упорные бои. Но город сильно не пострадал. Везде лежали убитые фашистами евреи. Их было очень много. Стояла июльская жара и в воздухе парил трупный запах.

В Люблине было юнкерское училище. Здесь мы захватили в плен двести курсантов во главе с начальником. В семи километрах от города находится концлагерь Майданек. Его брал другой батальон. Здесь освободили 96 тысяч истощенных, изнуренных болезнями пленных. За взятие Люблина нашему полку присвоили звание Люблинский.

За девять суток боев полк прошел 510 километров и первого августа 1944-го на рассвете форсировал Вислу в местечке Магнушев. Это могучая река, где ширина ее достигала до восьмисот метров. Третьему батальону, где служил Иванов была дана задача: переправить весь полк на другой берег.

— В нашем распоряжении, — рассказывает Константин Антонович —

было десять лодок. На нашу сели два связиста. Они тянули связь через Вислу, а на остальных поместились полковые разведчики. На середине реки немцы нас обстреляли из пулеметов, автоматов. Противоположного берега достигли только четыре лодки. Как помню, берег был покрыт сосновым лесом. Там схоронились немецкие снайперы. Они уничтожали наших солдат. На оставшихся лодках на восходе солнца мы совершили второй рейс. На нашу лодку сел расчет станкового пулемета, на остальные автоматчики первого батальона. Лодки были перегружены. Вода чуть не заливала их.

Немцы без конца обстреливали переправу. Погиб один пулеметчик, в трех местах пробило лодку. Оставшиеся в живых два пулеметчика беспрерывно черпали воду. Когда миновали середину реки погиб второй пулеметчик. Недалеко от берега перевернулась лодка, а Иванов потерял сознание. Тринадцать рейсов сделали в этот день, переплывая полк. Потом семнадцать дней удерживали Магнушевский плацдарм. За форсирование Вислы Константин Антонович был награжден орденом Славы третьей степени, а за освобождение Варшавы орденом Отечественной войны. В зимнем наступлении 1945-го на подступах к городу Радом был ранен. Восемь месяцев лечился в разных госпиталях. За это время закончилась война. После поправки не домой отправили, а направили в Германию. Здесь прослужил еще четыре года. После окончил Львовское военно-политическое училище и четыре года провел в Австрии. Только в 1955-м по заключению договора с Австрией наши войска покинули ее территорию. В этом же году Константин Антонович демобилизовался.

Надо было приобрести специальность. После окончания Иркутского сельхозинститута трудился главным экономистом в совхозах «Приморский», «Целинный», десять лет возглавлял экономическую службу Аларского районного управления сельского хозяйства. Вместе с женой Сарой Баторовой, тоже экономистом по образованию, четверых детей воспитали.

Константин Антонович давно на пенсии. В марте ветерану исполнилось шестьдесят девять лет. Военные годы дают сейчас знать. Сердце пошаливает, часто мучает недомогание. Но он не поддается болезням, хлопочет по хозяйству, держит корову, овец, свиней.

Рос в многодетной семье, где у колхозников из Закулея Антона Николаевича и Анны Мараевны воспитывались восемь детей. Константин был третьим ребенком. Старшего брата Виктора в 1939 призвали на действительную службу. Не успел демобилизоваться, началась война. Воевал под Ленинградом. В ноябре 1943-го его тяжело ранило. После госпиталя Виктора Антоновича отправили домой. На родине работал бригадиром, председателем колхоза.

Вот такие простые крестьянские парни защитили нашу жизнь и свободу.

Скоро День Победы. Приближается праздник, который когда-то встретили со слезами на глазах. Так поклонимся же фронтовикам, убеленными сединами низко.

М. Ордынская
Аларский район.
Панорама округа.-1995.-13 апреля (№41)

СУДЬБА МИНОМЕТЧИКА

*Монтот Иимеевич Иимеев,
артиллерист, участник Орловско-Курской битвы,
уроженец ул.Бурцик Баяндаевского района*

Чем дальше уходят от нас годы войны, тем пронзительнее память. Особенно у тех, кто с первых дней войны до самого победного конца находился в действующей армии.

Монтоту Иимеевичу Иимееву восемьдесят лет. Он уже не работает в совхозе, а живет с младшим сыном и помогает ему по домашнему хозяйству. Выглядит моложе своих лет.

Родился Монтот Иимеевич в улусе Бурцик, что находится в трех километрах от Ользон. Сейчас этой деревни нет, переехали все на центральную усадьбу совхоза.

Шестилетним пацаном он встретил Великий Октябрь. Трудное детство выпало ему, и в юности нелегко приходилось. С ранних лет познал Монтот Иимеевич трудности сельской жизни. И эта закалка, полученная в молодые годы, выработала в нем твердый характер, научила не бояться трудностей и помогала на фронтовых дорогах Великой Отечественной войны. Ветеран рассказывает:

- До войны я работал полеводческим бригадиром, животноводом, заведующим сливочным отделением. Перед самой войной снова вернулся на должность животновода и с этой работы меня призвали на военную службу.

С самого начала войны и до последних залпов в Берлине Монтот Иимеевич находился в регулярных войсковых частях. Вот как он вспоминает об этом.

- Как только началась война, меня вызвали в райвоенкомат и отправили на трехмесячные курсы шоферов. После этих курсов в 1941 году сразу же отправили на фронт. Наша автоколонна расположилась в тридцати километрах под Москвой в лесу. Возил снаряды, в 1942 году нас отозвали на переформирование. И таким образом я оказался в 74 отдельном гвардейском минометном полку. Пришлось машину оставить и стать минометчиком. Почти сразу же поставили наводчиком, а затем стал командиром орудия.

Многое повидал Монтот Иимеевич, но особенно запечатлелись в памяти военные годы. Гвардейские минометы, или как их ласково называли «Катюши» наводили страх на врага. Отдельный минометный полк, где служил Иимеев, на одном месте долго не задерживался. Его перебрасывали с одного участка на другой, особенно туда, где приходилось трудно.

- Мне до сих пор помнится бой под Смоленском, - говорит бывший фронтовик. – Мы сначала взяли Калугу, а потом приняли бой под Смоленском. Правда, нас там немного потрепали, страшный был бой. В 1943 году наш полк отозвали в Москву, там пробыли где-то недели полторы. И оттуда прямым ходом нас отправили на Орловско-Курскую дугу.

Сразу в бой не вступили, а начали наступление с 4 на 5 июля. Наши первыми начали артподготовку. Полк придан был 74 артиллерийскому корпусу. Как сейчас помню, мы опередили немцев в артиллерийской дуэли. Они должны были в три часа начать артподготовку, но мы приступили раньше – в два часа сорок минут. После того огня, когда было перебито много техники, орудий и живой силы противника, немцы пошли в контрнаступление. Войсками немцев командовал фельдмаршал Манштейн, а у нас командующим был маршал Жуков. Да, это был бой, просто страшно вспомнить.

Как известно, успешно завершив военно-стратегическую операцию на Орловско-Курской дуге наши войска повсеместно перешли в наступление и погнали немцев на запад. Монтот Иимеевич со своими однополчанами, освобождая советские города и деревни перешел границу Польши. Здесь ему довелось участвовать в освобождении Варшавы. Войну он закончил в Берлине.

- Закончили войну в Берлине 2 мая 1945 года, - рассказывает он. – Много всяких испытаний пришлось выдержать простому деревенскому парню по воле судьбы, оказавшемуся на стремнине военного лихолетья.

- Холод и голод испытали, - говорит Иимеев. –Но все равно добились победы. И живой остался.

Приехав с войны, Монтот Иимеевич – гвардеец, командир орудия, награжденный многими правительственными наградами за свои ратные дела, устроился в родном колхозе скотником. Затем снова работал животноводом и с этой должности вышел на пенсию.

Монтот Иимеевич очень тепло вспоминает о своих сослуживцах. Дома на стене висит фотокарточка его друга, командира, с которым завершил победный поход в Берлине. Это – Сергей Петрович Локанин, иркутянин, бывший заместитель командира батареи. К сожалению, сейчас его уже нет в живых. Он еще до прошлого года переписывался со своими однополчанами, которые жили под Москвой, в Казахстане и Сибири. Но многих уже нет сегодня, и грустит солдат, глядя на пожелтевшие фотографии в альбоме.

Баргуев В.
Знамя Ленина.-1991.-13 мая

ФРОНTOBИЧКА

*Серафима Николаевна Ишигилова,
участница боев за Ленинград
уроженка ул.Хамхар Нукутского района*

Эстония. Как же много здесь болот! Как часто идут дожди. Грязь непролазная, реки встают преградой к продвижению, а фашисты ведут бесконечные артиллерийские обстрелы.

Медсанбат идет следом за дивизией. И кажется нет конца этому пути. Короткое слово «идет» каждому понятно, каково же тем, восемнадцатилетним девчонкам, что с кочки на кочку перешагивают, да на своих слабеющих руках раненого солдата, словно ребенка, несут... Тут еще немецкие танки из-за леса ползут, а над головой «юнкеры» кружат. И скрывается некуда.

...Кое-как добрались до заброшенных траншей. Раненых, кого волоком на шинелях, кого на руках, кого и на своих плечах переносили медсестры. Была под той страшной бомбежкой и девчонка из маленького бурятского улуса Хамхар Сима Ишигилова.

Июнь 1942 года. Комсомол обратился с призывом помочь фронту. Много девушек-сибирячек уходило в те дни в ряды Красной Армии. Вместе с ними шла совсем даже не бойкая чернобровая и черноглазая медсестра. На запад, на Ленинградский фронт, привели Серафиму фронтовые дороги. Двойную нагрузку при транспортировке раненых бойцов несли на своих плечах сестры. В большинстве своем раны были гангренозные, с тяжелым запахом. Грязь, обрывки одежды злейшим врагом вживались в рваные раны, начинались осложнения. Не хватало бинтов, гипса, применяли самодельные шины.

— Человека надо спасать, — говорит фронтовичка, — и не приходилось тут считаться со своим самочувствием, с усталостью.

Ночь и день, день и ночь новые и новые раненые ложились на операционные столы. В полевом медпункте Сима помогала хирургу, была его ассистентом. Сутками иной раз невозможно было отойти от операционного стола. Подкашивались от усталости ноги, горела огнем голова, рябило в глазах, но рука привычно тянулась именно за тем инструментом, какой в ту секунду нужен был врачу.

— Многому научила меня фронтовая жизнь, — рассказывает Серафима Николаевна. — Научились медсестры из лыж носилки делать,

палатки ставить, в боях за Чехословакию сами по ночам и траншеи рыли, а днем работали среди стонущих бойцов. Каких только ранений не перевидали...

- Сестренка, мне руку поцарапало, пальцы немеют, — теряя сознание, говорит солдат.

А медсестра видит: у парня руки нет. Большая потеря крови, нужна немедленная операция.

— Возьмите у меня, — говорит Сима хирургу.

— Тебе нельзя, — отвечает врач.

— Три дня только прошло со дня сдачи. Нельзя!

Перехватила растерянный взгляд, поняла: не выживет парень без донорской помощи.

- Не умру! — заявила решительно. — Он ведь верит, что рука сохранилась, пальцы свои ощущал.

И горячая девичья кровь заполнила солдатские вены.

— Так поступали все наши девчонки, — говорит Серафима Николаевна, — никто тогда и не задумывался о себе.

Война закончилась для С. Ишигиловой в Чехословакии. До Праги не дошли. Много новых мест повидала сибирячка, но лучше своих не нашла. Домой вернулась по демобилизации.

В поликлинику села Нукуты пришла по направлению моботдела. В хирургию перешла в пятидесятом году. Тянуло к себе знакомое дело. С переводом больницы в Новонукутск, осталась медсестрой в своем селе, в инфекционном отделении.

Шли годы. В стране расширялась сеть учебных учреждений. И в нашем округе стали готовить свои национальные кадры. Часто теперь приезжают практиканты Усть-Ордынского училища, и наставницей студенты считают фронтовую сестру.

За боевые подвиги в годы Великой Отечественной войны Серафима Николаевна имеет правительственные награды — медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», юбилейные медали. Почет и уважение отдает ей подрастающее поколение.

В. Чегодаева
с. Нукуты
Знамя Ленина.-1975.-8 марта (№29)

Т-34 ИДЕТ В АТАКУ

*Василий Тимофеевич Комшило,
танкист, участник боев за Москву, Орловско-Курской битвы,
уроженец Аларского района*

Воин не дошел до Берлина. Нет, не подумайте, что он погиб в конце боевого пути.

В апреле сорок пятого «погиб» его танк «Т-34». И пока он получал седьмую по счету с начала войны боевую машину, наши взяли Берлин.

А начал войну Василий Тимофеевич Комшило у стен Москвы, когда озверевшие гитлеровские полчища предпринимали последние попытки прорваться к столице нашей Родины. Непоколетимо, насмерть стояли защитники столицы. И выстояли, чтобы нанести сокрушительный удар по захватчикам.

Василию Тимофеевичу навсегда запомнилась станция Кубинка. Здесь, в двадцати пяти километрах от Москвы, он получил первое боевое крещение, принял свой первый и самый ответственный бой. Танковый полк, в рядах которого сражался механик-водитель Комшило, находился на одном из важных участков обороны столицы.

— Немцы основательно прижали нас к Москве, - говорит старый воин, — но мы были уверены, что враг дальше не пройдет, что здесь будет поставлена поворотная точка фашистским завоевателям.

В конце ноября 1941 года положение противоборствующих сторон стабилизировалось, наши войска готовились к решительному наступлению. Но на отдельных участках гитлеровцы еще находили возможность сосредоточить значительные силы, чтобы пробиться к столице. Так, лавина бронетанковых войск противника обрушилась на Кубинку, где занимал позиции наш танковый полк, но попытки противника не увенчались успехом. Встречным контрударом наши танкисты срывают все атаки противника. Неся большие потери в живой силе и технике, фашисты откатываются назад. Однако в яростной злобе за свои неудачи они не оставляют бредовой мечты. Встретив упорное сопротивление, гитлеровское командование, маневрируя танками, нащупывает слабые места правее Кубанки и таранным ударом прорывает нашу оборону. В образовавшийся прорыв устремляются бронетанковые части и десантники. Тут же, молниеносно, по всем танковым экипажам нашего полка прозвучала команда—направить танки в сторону противника. Восстановить положение, как образно выразился Василий Тимофеевич, отрезать, уничтожить немецкий клин.

Уверенно шли, мужественно дрались танкисты. Слишком велико было желание наказать гитлеровских захватчиков, посягнувших на нашу священную столицу. Василий Тимофеевич не говорит о своем экипаже

отдельно, все были достойны наивысших похвал, слабых не было, только смерть всего экипажа могла остановить танк. Немцы не успели опомниться, как наши танки, громя и опрокидывая все на своем пути, с ходу «отрезали» их клин. Прорвавшиеся бронетанковые подразделения противника оказались в прочном кольце и были полностью уничтожены.

В бою под Москвой у станции Кубинка, механик-водитель Комшило с честью выдержал свое первое испытание боем, хотя многое ему пришлось пережить: при ликвидации вклинившегося противника был подбит его первый танк, а сам он получил осколочное ранение. Это было в самом начале декабря 1941 года, накануне исторического наступления наших войск. Ему, как и многим защитникам столицы, обидно было в это время уходить в тыл на излечение ран, не приняв непосредственного участия в сокрушительном разгроме врага в Московской битве.

Поистине символичным был боевой путь воина. Долгие три с половиной года от стен Москвы до Берлина вел он боевые машины. Его фронтовые дороги можно проследить по благодарностям Верховного Главного командования. В моих руках пожелтевшие от времени тринадцать благодарностей, и за каждой из них—тяжелые бои по освобождению того или иного города. Причем, семь благодарностей он получил за освобождение городов нашей Родины, шесть — городов Польши и Германии.

После, описанных событий под Москвой, Василий Тимофеевич находился на излечении в медсанбате, а затем, по выздоровлении, с маршевой ротой отправился в Нижний Тагил получать на заводе новый танк. И опять ему вручили прославленный «Т-34». Теперь он на нем чувствовал себя более уверенно. Боевое мастерство, закалка, приобретенные в боях под Москвой, пригодились ему в боевых действиях до конца войны. Из Тагила на новом танке, теперь уже старшина, Комшило прибыл в свой родной полк, который к этому времени был сосредоточен на Курской дуге.

На мой вопрос: «Какой бой в Вашей долгой фронтовой биографии был самым тяжелым и запоминающимся? — он ответил: «На Курской дуге».

Как известно, во всей истории второй мировой войны самым крупным сражением явилось сражение в районе Курска и Орла. Здесь, с той и с другой стороны, было сосредоточено более шести тысяч танков. Особые надежды гитлеровцы возлагали на новые «тигры» и «пантеры», штурмовые орудия «Фердинанд».

Еще задолго до начала военных действий на Курской дуге, геббелевская пропаганда различными путями распространила устрашающие слухи о сверхмощном секретном чудо-оружии.

Будучи, в то время на Западном фронте, я неоднократно слышал об этом. Как выяснилось позже, таким «сверхмощным» оружием явился

тяжелый танк «Тигр», причинивший немало неприятностей и хлопот нашим вооруженным силам. И все же, по общему признанию, самой грозной машиной второй мировой войны был танк «Т-34». Старшина Комшило до конца войны не расставался с «тридцать четверкой». И особенно пришлось «поработать» ему за штурвалом этого танка на Курской дуге. Он был свидетелем и непосредственным участником гигантского ожесточенного сражения, страшной кровавой схватки металла и людей, равной которой не было за всю историю войны. Не имея общего превосходства в танках, гитлеровцы рассчитывали на таранящие удары новых машин.

Помнит он, лавина танков и штурмовых орудий устремилась на позиции наших войск. Но наши танкисты не дрогнули, смело вступили в бой с хваленными «тиграми». Происходили встречные побоища сотен танков с той и другой стороны.

— Перед глазами открылась страшная картина, — говорит Василий Тимофеевич, — танки идут друг на друга, сталкиваясь лбами...

Подбитые, горящие сотни машин, разрывы снарядов и бомб — все это, называемое полем боя, смешалось вместе, окутанное дымом и пылью. В этом кромешном аду надо было не потерять самообладание, до предела внутренне собраться, самостоятельно находить верные решения и действовать.

Помнится ему, металлическое чудовище, увереннодвигающееся на них. Только бы не растеряться, - мелькнуло в голове. Быстрота, маневр, точный расчет, и «тигр» развернулся на месте, «сел на пузо». Уцелевшие танки противника отошли на свои позиции, экипаж подбитого танка был взят в плен.

И далее удивительную историю с вражеским экипажем танка рассказал мне бывший воин. Подбитый «тигр» выволокли в тыл, отремонтировали и предложили немецкому экипажу воевать против своих. Долго уговаривать не пришлось, но только одного не могли понять немцы — гуманности Советской Армии, доброго, отходчивого сердца советского воина. Оказавшись в плену, они страшно боялись, что их расстреляют, то и дело спрашивали: «Вы нас убьете?» Им отвечали: «Вас мало расстрелять, нужно повесить, и пока у нас нет веревки, будете сражаться со своими соотечественниками». Скоро поняли они, что Советская Армия не расстреливает и тем более не вешает пленных. По оценке Василия Тимофеевича, немцы сражались неплохо. В танке их было двое: механик-водитель и наводчик, и наших три танкиста. Командовал таким необычным экипажем старшина Комшило. Трофейный «тигр» стремительно и беспрепятственно врезался в гущу немецких танков, в упор громил их, и пока гитлеровцы разбирались, что к чему, было подбито два танка.

Разгадав хитрость, немецкие «тигры» с ожесточением набросились на

своего собрата и подбили его. Подоспевавшие наши танки спасли экипаж.

В сентябре прошлого года: на 78-м году ушел из жизни старый воин Василий Тимофеевич Комшило. Но он оставил в совхозе «Кутуликский» свою династию: трех дочерей, трех сыновей. Сыновья, как и он, находятся на переднем крае сельскохозяйственного производства. Уже многие годы они добросовестно трудятся в совхозе. Сын Иван на альтернативной основе одержал победу на выборах председателя Александрийского сельсовета. И еще, оставил Василий Тимофеевич своим многочисленным внукам четыре боевые награды и девять медалей.

В. Орлов
зам. председателя совета ветеранов войны и тыла
п. Кутулик, Аларский район
Знамя Ленина. - 1990. - 16 мая (№76)

СТАРШИНА КОЧЕНКОВ

*Василий Максимович Коченков,
разведчик – связист,
уроженец Эхирит-Булагатского района*

Во время торжественных вечеров, посвященных дню рождения Советской Армии и по праздникам Дня Победы, жители окружного центра привыкли видеть сидящего в президиуме невысокого седоватого человека, грудь которого украшает множество наград. В зале узнают его. Это кавалер двух орденов Славы Коченков Василий Максимович. Он солдат, прошедший трудный путь по дорогам Великой Отечественной.

Всю свою жизнь он служил Родине. В 1936 году его призвали на срочную службу. Попал он к своему земляку, будущему генералу, Герою Советского Союза И. В. Балдынову, командиру полка Бурятской Кавалерийской бригады. Закончил службу в звании старшины.

Молодого демобилизованного воина пригласили на службу в милицию. В 1939 году началась война с белофиннами. По комсомольскому призыву он уходит на фронт. На известной линии Манергейма прошел первую фронтową выучку, приобрел опыт воина, который оказал неоценимую услугу в годы Великой Отечественной войны.

После финской кампании Василий Максимович женился, стал отцом двоих детей и тут грянула Великая Отечественная. Его направили в школу политбойцов в г. Иркутске. После окончания, несмотря на бронь, он добровольцем ушел на фронт. Эшелон с сибиряками был направлен в Молдавию. Попал он в 1-ю гвардейскую десантную дивизию. Назначили командиром отделения разведчиков-связистов. Это были трудные дни: все

время на передовой под градом осколков и пуль чинили обрывы связи, пролаживали новые линии. Раз был вынужден вызывать огонь на себя, отбиваясь от большой группы фашистских солдат. Вообще он вспоминает, что в начале войны потери были большие, воевать было труднее, мало было опыта. Запомнился ему бой у д.Пятихатка на Украине, который длился до глубокой ночи. Деревня на протяжении дня дважды переходила из рук в руки. Был случай, когда наши бойцы не выдержали и побежали. Отделение Василия Максимовича было вынуждено силой останавливать запаниковавших и возвращать их. За этот бой он был награжден орденом Славы.

В боях под Старой Руссой за личную храбрость старшина Василий Максимович был награжден солдатской медалью «За отвагу». Но самым трудным в солдатской жизни было форсирование Дуная при овладении г.Будапештом. Вражеская сторона была сильно укреплена, фашисты защищались с отчаянностью обреченных, вода кипела от разрывов снарядов и пуль. Плот, на котором он плыл попал под вражеский снаряд, многих убило. Переправившись бойцы защищались до подхода основных сил. Несколько раз ходил Василий Максимович в разведку. За эти бои он был удостоен благодарности Верховного главнокомандующего т.Сталина и награжден вторым орденом Славы. В конце войны он приобрел богатый опыт фронтовика, авторитет среди солдат. Медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией».

В конце войны при прочесывании домов в Венгрии он с бойцом своего отделения попал в ловушку. Огромная яма была замаскирована досками и они упали в нее. Выручили их бойцы, пришедшие на выручку, забросавшие гранатами незадачливых «охотников». Сейчас Василий Максимович удивляется, что будучи в самых невероятных переплетах ни разу не был ранен, как будто бы был заговорен от пуль. Бесспорно судьба отнеслась к нему благосклонно, но надо подчеркнуть, что своей судьбой распоряжался сам: мастерство воина, смелость, необходимый риск и главное — опыт фронтовика — вот слагаемые его «заговоренности» от ран.

Состав его отделения был многонациональным: русские, украинцы, белорусы, чуваша жили одной фронтовой семьей. От их дружбы, спаянности, надежности зависела их жизнь. В перерывах между боями они вспоминали о своих родных краях и каждый, в том числе и Василий Максимович искренне считали, что их край самый лучший на земле. В повседневной боевой жизни не думали о подвигах, зато была постоянная, ежеминутная готовность выполнять свой долг, даже ценой собственной жизни.

Радостная весть о капитуляции фашистской Германии застала на территории Чехословакии в г.Праге. Во время отдыха в селе Быстра

Шавница к старшине батареи (к тому времени он служил в артиллерийских частях) прибил мальчик-чех, у которого война унесла родных. Истосковавшийся по детям, старшина взял его под свою опеку, сшил ему полную солдатскую форму, поставил его на довольствие. Но недолго длилась эта дружба, поступил приказ грузиться в эшелоны на борьбу с фашистской Японией.

Дивизия совершила марш-бросок через хребты Большого Хингана и через пустынные степи Гоби вышли в Маньчжурию, где и узнали о капитуляции Японии.

В декабре 1945 года, закончив свой боевой путь, вернулся солдат в родной поселок, по которому так тосковало сердце, вернулся туда, где его ждала семья. Но долго отдыхать не пришлось: сменил армейскую форму на не менее трудную форму милиционера. В его жизни были схватки с опасными преступниками, борьба с хулиганскими и расхитителями социалистической собственности.

В 1953 году его избирают председателем поселкового Совета. После окончания Депутатских полномочий он снова уходит на службу в милицию. 35 лет проработал Василий Максимович в органах внутренних дел и все эти годы был образцом добросовестного отношения к своим обязанностям в мирной жизни. Был отмечен наградами: медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд», «За безупречную службу в МВД СССР» всех трех степеней, знаком «Отличник милиции». О его службе в милиции отзываются с уважением, он был отличным воспитателем и наставником молодых.

А. Бунаев
директор окружного музея.
Знамя Ленина.-1982.-23 сент. (№116)

ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР СЛАВЫ

*Григорий Семенович Левченко,
полный кавалер ордена Славы,
участник Парада Победы 24 июня 1945 г. в Москве,
уроженец с. Тыргетуй Аларского района*

Более десяти лет назад я приехал работать в село Егоровск. Дело в том, что Григорий Семенович был моим первым знакомым и более того — соседом. Многие односельчане рассказывали о его ратных подвигах, сам же он никогда ни разу не обмолвился на сей счёт. Вскоре я уехал оттуда, но время от времени удавалось бывать в Егоровске, всегда встречал радушное гостеприимство Григория Семеновича. Мой сосед был так же немногословен: природная замкнутость, скромность, видимо, тому

причиной. Когда возвращались к старой теме, «воевали многие», — обычно отговаривался Левченко. Лишь изредка, когда вспоминал, однополчан, нападала словоохотливость. Постепенно более прояснялся боевой путь фронтовика и его боевых друзей.

Однажды случайно узнал интересную страницу из его биографии, оказывается, сибиряк был награжден двумя орденами Славы, а к концу войны совершил еще один подвиг и награжден еще одним орденом Славы II степени, хотя по статусу награды этого не положено, поэтому по приказу был изъят. Требовалось ходатайствовать о замене, что дало бы еще одного солдатского героя. Лишь спустя двадцать пять лет Аларский райвоенкомат обратился в Министерство обороны СССР об исправлении давней ошибки.

Осенью 1941 года в составе 114-й Сибирской стрелковой дивизии аларский колхозник Григорий Левченко впервые с глазу на глаз встретился с фашистами под Ленинградом. Линия обороны растянулась на девять километров. Больших боев не было, но каждый день приносил убитых и раненых. Вовсю старались белофинские снайперы, засевшие на деревьях. «Как снять кукушек?» Такой разговор состоялся у Левченко со своим земляком Петром Поповым из Мало-Могоенка, с которым военная судьба связала вместе с первых дней войны.

У сибиряков не было снайперских винтовок. В землянку опустилась ночь. Слышится приглушенная беседа.

- Слушай, Петяк, а лейтенанта нашего убили сегодня, — поудобнее устраиваясь на ночлег, со вздохом прошептал Левченко.

- Жалко, уж больно молодой.

- Сволочи! В офицеров целятся.

В углу землянки кто-то заворочался и вскрикнул: «Мама!» и опять тишина, лишь изредка вспыхнут осветительные ракеты, прозвучит одиночный выстрел.

- Нужно незаметно подкараулить на рассвете, когда начнут выходить на «охоту», - продолжил Левченко и через некоторое время, — а ихние «Соуми» никудашные против нашего ППШ, даже каску не продырявят.

- Вдвоем пойдем?..

Не дождавшись скорого ответа, Попов бесшумно встал, зашуршал самокруткой и вмиг пламя зажигалки осветило крупное, загубелое лицо.

- Давай спать, утром доложим командиру, как он решит...

Связисты часто ходили в разведку. Назавтра по приятному совпадению во взводе оказался начальник связи 363-го стрелкового полка майор Мокуха. К нему и обратился Левченко. Майор внимательно выслушал и несколько не удивился, немного подумав, распорядился:

- Выделить младшему сержанту пять бойцов.

Стылая ночь была в наивысшей силе, когда шестеро охотников

вышли на выполнение задания. Залегли на ничейной полосе. Может, догадались, может, боялись напороться на засаду или по другой причине, но белофинские снайперы в маскхалатах шли до переднего края в сопровождении автоматчиков.

Сухим треском прошла утреннюю тишину автоматная очередь, как будто острой косою прошли по степному ковылю. Целились в основном на маскхалаты, противник, не ожидавший такой дерзости, с запозданием залег, поредевший наполовину. В тот же миг с обеих сторон ничейной полосы заговорили пулеметы. Пользуясь предрассветным туманом, наши без потерь отходили назад.

Сибиряк за храбрость и находчивость был удостоен медали «За боевые заслуги».

В тяжелых боях прошла первая военная зима. Город Ленина непоколебимо встал на пути озверевших фашистов. Через боевые схватки, при успехах и временных неудачах прибавлялись уверенность у советских солдат. Крепла боевая мощь. В марте-апреле особенно тяжело пришлось защитникам Ленинграда. Ежедневно приходилось отражать многочисленные атаки превосходящего во много раз противника. Временами переходили в контратаки, дрались врукопашную. Особенно прогремела слава бойцов первого стрелкового батальона (536 сп 114 сд). При удержании стратегически важной высоты у деревни Шеменичи от батальона осталось 18 человек, которые еле держались на ногах, когда пришло подкрепление. Новосибирцу-комбату старшему лейтенанту И.А. Волкову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Не легче приходилось другим батальонам сибиряков.

В редкие часы между боями бойцы писали заявления в партию, у многих в карманах гимнастерок наряду с сокровенными письмами и фотографиями находили записку «Прошу считать коммунистом». Григорию Левченко рекомендации дали начальник связи полка капитан М.В. Манухин, заменивший майора Макуху, и командир взвода лейтенант Литвиненко. Взводный хотя был всего на три года моложе тридцатилетнего Левченко, уважал его, как родного отца. Тот задания выполнял по-крестьянски, неторопливо, накрепко, казалось, что человек привык всю жизнь воевать и нисколько не тяготится трудностями. Не терзает присутствие духа, даже неудачи в начале войны ничего не значили, он был уверен в окончательной победе. Только в бою он преображался, глаза горели ястребиным огнем, могучая фигура становилась легкой и подвижной, и бывший крестьянин беспощадно расправлялся с противником.

Об этом кратко рассказал лейтенант Литвиненко собравшимся при разборе заявления в партию. Памятный день мая 1942 года запомнился Григорию Левченко навсегда.

В непрерывных боях пролетел месяц, фашисты так надеялись на осеннюю кампанию, но на самом деле далеко откатились от Ленинграда. В начале следующей зимы укрепились на противоположном берегу реки Свирь. Если в верхнем течении берега крутые и высокие, русло каменистое и порожистое, то пониже — свободно проходят большие суда. Советское командование главный удар наметило произвести ниже пристани Лодейное поле на четыре километра. Вскрывается река в конце апреля. Не закончился еще полностью ледоход, как командир отделения связи сержант Левченко получил приказ «Проложить по дну Свири двадцатичетырехжильный кабель, а конец вывести и закопать». Точка была указана на карте, как раз напротив вражеского дзота.

Ждали несколько дней подходящей погоды. День с утра был пасмурный, к полудню на миг выглянуло солнце, но вскоре небо затянулось хмарью, всюду разгулялись по воде крутые валы, тяжелые тучи опускались все ниже и ниже. Еще раз тщательно проверили лодку, катушку с бронекабелем с тормозом, и пять человек растворились в беспроглядной тьме. Гребли против течения, никаких ориентиров не увидишь. Лишь бы не отнесло, они сумеют найти нужное место, недаром готовились столько дней — лишь бы выгрести!

Вот выбился из сил самый старший по возрасту Василий Федоров, его посадили распускать кабель. На исходе сил борются с течением и волной Попов и Зезик. До берега оставалось рукой подать, как лодка попала в полосу прожектора, фашисты всполошились. Командир группы отдал приказ отходить, а сам отрубил оставшийся кусок кабеля и бросился в воду. Противник долго ураганным пулеметным и минометным огнем старался накрыть выскользнувшую невредимую лодку. Тем временем Левченко, преодолевший те немногие до берега метры, закреплял за валунами конец кабеля. Затем сумел вплавь вернуться на свой берег.

За выполнение труднейшего задания он был представлен к ордену.

Через несколько дней состоялось форсирование Свири передовыми советскими частями. От разрывов бомб, мин, снарядов река забурлила и стала огненной. Мощная артподготовка не могла полностью накрыть огневые точки противника. Авангардный стрелковый батальон вместе со взводом связистов, которые сразу подключились аппаратами к кабелю, на вражеском берегу закрепились на маленьком пятячке, и постепенно расширяли плацдарм. В одной из контратак тяжело ранило Петра Зезик.

Переправа длилась шесть часов, дымом и гарью закрывало солнце. Бой шел во вражеских окопах, часто сходились в рукопашную. Сержант Левченко был в самой гуще схватки. Много дней продолжалось наступление. В этих боях противник навсегда распростился с мыслью об овладении Ленинградом с северо-востока. В многодневном сражении сибиряки

показали массовый героизм. Командир отделения связистов увлек в атаку горстку разведчиков и уничтожил пулеметные точки противника, но вражеская пуля сразила храбреца. Левченко был отмечен вторым орденом Славы. Овеянная славой 114-я Сибирская стрелковая дивизия стала именоваться Сибирской Краснознаменной.

В госпитале Левченко, слушая рассказы выздоравливающих, вспоминал мирную жизнь, детство. Вспомнил, как возвратился домой отец с гражданской войны с винтовкой, на лошадке «Капустница». Был отец уважаем и стариками, и сверстниками, ведь не у каждого был полный бант «Георгия». Такая награда не помогла распрощаться с нищетой и голодом. И надумал Семен Левченко с многодетной семьей податься в Сибирь. Собрались быстро, кроме «Капустницы», и продать было нечего.

Вправду жизнь на новом месте быстро наладилась, хотя даром ничего не достается. Маленький Гриша пошел в школу, особенно хорошо давалась математика. Помогал отцу, пришлось идти работать продавцом, не докончив учебу. Затем направили на курсы бухгалтеров, а в 1936 году призвали Гришу в армию...

Через два месяца рана зажила, фронтовик выписался из госпиталя и вернулся в родную часть. После капитуляции Финляндии дивизия была перебросена в Заполярье. Здесь сибиряк часто ходил в разведку, за храбрость, личную отвагу и за один из подвигов был ошибочно награжден повторным орденом Славы.

Пришла долгожданная победа. Летом 1945 года сержант Левченко удостоился чести представлять родную дивизию на параде Победы на Красной площади и бросать к Кремлю поверженные фашистские знамена.

Возвратился воин к мирному труду. Более двадцати лет проработал бухгалтером, был участником и награжден медалью ВДНХ. Годы берут свое, но не привык сидеть сложа рук, пошел на ферму скотником, там можно больше находиться на природе.

Прошлым летом пришла долгожданная весть о восстановлении солдатскому герою ордена Славы I степени. Нашему земляку прислали орден за № 2671.

Все описанное здесь систематизировано из скупых рассказов ветерана и писем его однополчанина киевлянина майора запаса Савелия Романовича Джигола, который давно собирает материал о боевых действиях подразделений дивизии и её славных богатырей. Материалы войдут в книгу пока под условным названием «Воевал сибиряк у Свири».

Л.Павлов
Аларский район
Знамя Ленина.-1971.-23 февр. (№23)

ОТВАЖНЫЙ ЗАЩИТНИК

*Иринчей Ильич Ленкинов,
участник Сталинградской, Орловско-Курской битв,
уроженец ул.Бурково Аларского района*

В суровые годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией многие учителя общеобразовательных школ ушли с оружием в руках защищать родное социалистическое Отечество. В январе 1942 года был призван в ряды Красной Армии Ленкинов Иринчей Ильич. До октября 1942 года он был рядовым. А в октябре 1942 г. он, уроженец улуса Бурково Аларского района, в звании младшего лейтенанта, в должности командира взвода 214 стрелкового полка принимает участие в защите Волжской твердыни — г. Сталинграда. Здесь он получил первое боевое крещение.

Шли ожесточенные, кровопролитные уличные бои за каждый дом, за каждый этаж, за каждую улицу, переулок и перекресток. На одном из участков защиты Волжской твердыни за несколько часов ожесточенных боев, пехота не смогла продвинуться вперед. Вражеский танк, замаскированный у большого здания, обстреливал улицу и был неуязвим. К утру, когда занимался серый октябрьский рассвет, командир полка Давыденко раскрыл карту и, взглянув на светящийся циферблат ручных часов, сказал:

— Вот здесь находится хорошо укрепленная огневая позиция противника. Обстрел ведут из танка. Ваша задача Ленкинов: уничтожить танк и открыть шквальный огонь по противнику, обеспечить наступление нашей пехоте.

— Ясно! — ответил Ленкинов и, повторив приказание, быстро вышел из блиндажа.

Первые несколько попыток уничтожить неприятельский танк оказались безуспешными. Враг продолжал вести обстрел наших боевых порядков. Ленкинов быстро принимает решение дать массированный огонь всей батареей тяжелых минометов. И дал команду:

— Всей батареей, по цели №2, шесть мин, беглый огонь!

Команда повторилась дважды и танк противника замолк.

Снова команда:

— Беглым по противнику, огонь!

По ранее намеченным ориентирам минометы открыли массированный огонь. Бойцы дружно бросились в атаку, ломая сопротивление фашистов, заняли новый квартал и закрепились на новом рубеже.

В один из декабрьских вечеров 1942 года И.И.Ленкинов был вызван к

командиру части. Он сказал;

— За храбрость и умелую организацию боя вы награждены орденом Красного Знамени.

Это была первая боевая награда лейтенанта Ленкинова.

После разгрома фашистских войск под Сталинградом полк, в составе которого сражался лейтенант Ленкинов, находился на месячном отдыхе, затем был переброшен под г. Белгород, он принимает участие в грандиозной битве в районе Орловско-Курской дуги. В последующее время ему довелось принимать участие в форсировании Днепра. За героизм, проявленный при форсировании Днепра, Ленкинов И.И. был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Путь воина-сибиряка прошел по Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. За проявленное мужество и отвагу во время боя в горах Югославии Иринчей Ильич был награжден третьим орденом Красного Знамени.

За время войны он был три раза контужен и один раз тяжело ранен в Венгрии. Все годы он воевал в одном полку, и за это боевое, суровое время 14 раз был представлен к правительственным наградам. Закончил войну в звании гвардии капитана, в должности заместителя командира пехотного полка по артиллерии.

После того, как перестало полыхать пламя войны и развеялся на полях черный дым войны, педагог вернулся к мирному труду. На протяжении двадцати послевоенных лет работал в школах Нукутского района, отдавая всю свою энергию делу воспитания и обучения подрастающего поколения. За хорошую, безупречную работу был награжден значком Отличник народного просвещения.

А. Петров

п. Новоленино Нукутского района
Знамя Ленина.-1975.-2 сент. (№106)

УЧИТЕЛЬ. ВОИН. ГРАЖДАНИН

*Матвей Манжыханович Манжыханов,
разведчик, кавалерист,
уроженец ул.Шабартуй Осинского района*

... Великая Отечественная война. Кровопролитные сражения Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками. Непокорно было и на востоке. С августа сорок первого Константин Матвеевич Манжыханов находится в рядах бойцов Забайкальского военного округа, охраняя восточные рубежи страны.

В начале 1943 года на фронт направляется новое пополнение – сибиряки. Среди них был и сержант Манжиханов. Ему дают коня, винтовку, шашку, патроны, гранаты, противогаз, сумку овса для четвероного друга... Пригодились тут навыки, полученные в Буркавбригаде. Манжиханова назначают командиром 1-го отделения 1-го взвода 1-го эскадрона 54-го кавалерийского полка. Часть входила в 14-ю гвардейскую кавалерийскую Краснознаменную ордена Суворова дивизию...

Первый бой К.Манжиханов принял в Белоруссии под станцией и городом Калинкович. Как и каждый солдат-красногвардеец, он знал, какие страшные беды, смерть и разрушения принес враг на нашу землю, какие злодеяния он совершает в Белоруссии.

Первое отделение первого взвода... То ли его нумерация (начало начал 54-го полка), то ли бравый вид солдат, но оно было на виду командования, которое не редко возлагало на отделение Манжиханова задачи особого рода – ведение разведки.

Разведчик должен обладать, если можно так сказать, исключительными качествами – сообразительностью отменной, умением ориентироваться в любой сложной ситуации мгновенно, повышенной чуткостью, зоркостью, смелостью и решительностью. В разведке нельзя рассчитывать на успех, если нет поддержки и взаимопонимания со стороны напарника, сотоварищей. Работа разведчика-воина сложна и опасна. Особенно сложно и опасно разведчику-азиату – заметить его появление среди людей иных национальностей, в частности, европейских стран, не составляло труда!

Жизнь на фронте проходила в боях, под артиллерийскими обстрелами и разрывами снарядов, под бомбежкой с воздуха и автоматными очередями на земле. Наши войска, тесня врага, шли на запад, освобождали село за селом, город за городом. Наступательный порыв советских солдат и офицеров был неудержим.

Осенью 1943 года 14-я дивизия двигалась вперед в конном строю. Наступает вечер. Остановка. Отделение Манжиханова получает задание – отправиться в разведку, узнать численность и вооружение противника в одном из населенных пунктов. Константин Матвеевич с одиннадцатью своими бойцами, соблюдая осторожность и маскировку, почти вплотную подъезжает к селу. Тут спешились и укрыли лошадей. Начало темнеть. В ограде одного из крайних домов Манжиханов увидел старика, который сообщил, что здесь находится рота гитлеровских солдат. Убедились, что они расположились немного в отдалении от этого дома. Выяснили все, что требовалось. В качестве дозорного стоял в огороде их танк. Провели за ним наблюдение. Заходит в танк последний член его экипажа. Манжиханов, выбрав момент, бросает гранату и точно попадает в цель. Фашистский танк

загорелся, из него стали выбегать в панике гитлеровцы (их было четверо), и наши уложили их всех на месте. Танк взорвался. Бойцы отделения подбегают к своим лошадям и галопом мчатся в свою часть. Немцы не ожидали такого дерзкого нападения и не успели даже открыть огня по советским смельчакам. За отличное выполнение боевого задания, героизм и отвагу Константин Манжиханов был отмечен первой наградой – орденом Красной Звезды.

Конногвардейцы развивали боевые действия. Вместе с соседними частями и соединениями они двинулись на Мозырь, расположенный в Полесской низменности, на берегу реки Припяти. Стоял январь сорок четвертого. Наши солдаты вели бой за боем, с каждым шагом продвигаясь вперед, - героическими их усилиями древний город на белорусской земле был освобожден, 14-я кавдивизия получила наименование «Мозырской».

Памятны бои с гитлеровскими захватчиками по освобождению Украины. Вместе с другими советскими воинами мужественно сражался здесь и сын бурятского народа. Бывая в разведках, бойцы отделения Манжиханова непременно доставляли командованию необходимые и ценные сведения. А командир этого отделения, строгий и требовательный, внимательный и заботливый о своих подчиненных, отличался находчивостью, выдержкой и спокойствием в сложнейших боевых ситуациях – за умелые действия, ратные и самоотверженные подвиги Манжиханову вручается орден Богдана Хмельницкого III степени.

Наступление наших войск продолжалось. Поблизости от Ковеля 54-й кавполк прорвался далеко вперед (так был велик боевой азарт солдат) и попал в трудное положение - он неожиданно оказался в кольце противника. В первые дни часть успешно вела оборонительные бои. Через некоторое время вышли боеприпасы, были израсходованы запасы продуктов питания, на мясо забивали лошадей, вскоре и их не стало. Кругом лес, болота, вода. Много суток уже ничего не ели. Ситуация сложилась критическая. А немцы все усиливали и усиливали удары. Полк нес ощутимые потери – война кровожадна и ненасытна. Так продолжалось около месяца. Вторая половина апреля 1944 года. Решили пробиться ночью к своим через непроходимые болота. Это был рискованный шаг. Каждый сознавал, что иного выхода нет. Командир эскадрона приказал гвардии сержанту Манжиханову прикрывать отход полка. А в отделении из 12 человек у него осталось 7. Что ж, не множество, а храбрость побеждает. Ледяная вода, местами по грудь, нещадно жгет лютым, пронзительным холодом. Кругом темно. Шли с трудом, до предела напрягая силы и нервы. Сзади немцы открыли огонь из орудий и минометов, а спереди – наши войска. Часть оказалась под перекрестным огнем. И все-таки наши бойцы осилили водную преграду и вышли к своим.

Советская Армия начала освобождение Польши от гитлеровских захватчиков. Манжиханов участвует в освобождении польского города Демблин. Здесь наши войска основательно начали готовиться к зимнему наступлению. Надо было хорошо изучить врага, а для этого необходимы проверенные разведданные. Нужен «язык».

Для разведки выбрали 16 добровольцев. Среди них и гвардии сержант Манжиханов, назначенный командиром группы прикрытия. Подготовили две лодки. Бойцы сняли с себя все лишнее и разместились на лодках. В восемь часов вечера немцы обычно ужинают (они во всем педантичны), внимание у них ослаблено. Начало темнеть. Незаметно достигли западного берега реки. А там – проволочное заграждение, на нем банки, при малейшем соприкосновении они будут звенеть. Два наших сапера сделали дыру в проволочном заграждении. Конногвардейцы тихо спустились в траншею. Здесь никого не оказалось: фашисты заняты вечерней трапезой. Подходят разведчики к блиндажу – тоже никого нет, часовой оставил даже свой карабин. Мажиханов успел подумать про себя: фрицы считали, что мы не суемся сюда, это нам на руку, их самоуверенность и беспечность. Наши искусно спрятались...

...Разведчики садятся в лодки. В одну из них, где находился Манжиханов, погрузили немца. Он был массивным. Лодку кренило и относило течением. Манжиханов, старший, моментально поняв обстановку, поднимается первым, опускается в студеную воду и, держась за края лодки, плывет к берегу. Разведчики с трудом добрались до своей части и благополучно доставили «языка». Он оказался фельдфебелем, важной птицей. Все 16 добровольцев действовали умело, четко, как хорошо налаженный боевой механизм. Грудь гвардии сержанта Манжиханова украсил орден Славы III степени.

Наша армия, преследуя врага, вступила на территорию фашистской Германии. В конце января сорок пятого дивизия, в которой служил Манжиханов, ворвалась в Бранденбургскую провинцию. В битвах за полное окружение Берлина, при его штурме и взятии Константин Матвеевич проявил большое самообладание, отвагу, решительность в действиях, за что был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Мы привели лишь отдельные эпизоды из фронтовой жизни К.М.Манжиханова. А они происходили в его фронтовой биографии ежедневно и ежечасно. Дважды тяжело ранен осколками снарядов. Лечение в военных госпиталях продолжалось и после победы над фашистской Германией. Он демобилизовался и вернулся домой лишь в ноябре 1945 года.

...Окончил Иркутскую областную двухгодичную партийную школу и заочно – высшую партийную школу при ЦК КПСС. Манжиханов работает начальником планово-финансового управления Наркомпроса БМ АССР,

председателем горплана Улан-Удэнского горисполкома, инструктором Бурятского обкома КПСС.

... Его ратные и трудовые подвиги отмечены пятью орденами и четырнадцатью медалями.

Р.Шерхунаев

Наше время. Знамя Ленина.-1995.-21,27 февр. (№8,9)

(Статья представлена в сокращении)

ПОЛКОВНИК ИЗ УЛУСА ХАБАРОВСК

Прокопий Манюшкинович Маханов,

уроженец ул.Хабаровск Эхирит-Булагатского района

Впервые о Прокопии Манюшкиновиче Маханове мне рассказала одна моя добрая знакомая. Отрекомендовала Маханова, как незаурядного человека, отшагавшего всю войну с 1941 года по 1945, дошедшего до Берлина, расписавшегося на стенах рейхстага.

Уже во время беседы с Прокопием Манюшкиновичем я узнала, что воевал с 1941 по 1945 год на многих фронтах. Сначала солдатом, потом сержантом, затем офицером. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», двумя орденами Красной Звезды, Орденами Отечественной войны первой и второй степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За оборону Заполярья», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина»

Закончил с отличием Военно-политическую академию им. Ленина. В свое время он также, с отличием, закончил и Усть-Ордынскую среднюю школу №2.

- Я родился в многодетной семье крестьянина-бедняка в 1922 году, в улусе Хабаровск Байтогского сельсовета, что в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, - неторопливо начинает рассказ о себе Прокопий Манюшкинович Маханов. - В 1941 году с отличием закончил Усть-Ордынскую среднюю школу, мечтал поступить в Иркутский госуниверситет на геологоразведочный факультет.

- Почему именно на геологический?

- Был у нас замечательный преподаватель по географии - Иван Бугдаевич Тарасов, скорее всего он был геологом, настолько увлекательно рассказывал он о своих исследованиях, что невозможно было не влюбиться в профессию геолога. Нравилась мне и литература, которую нам преподавали супруги Ушаковы, каким-то образом оказавшиеся в Усть-Орде, вдали от своей малой родины - Калининской области. Как-то недавно обнаружил свое сочинение по творчеству Маяковского, написанное в школьные годы. И сейчас, по истечении столького времени оно показалось мне довольно

зрелым и вполне грамотным. Я еще раз вспомнил добрым словом своих необыкновенных учителей, с которыми очень повезло.

- Потом был выпускной вечер...

- Да, 16 июня 1941 года мы собрались вместе с родителями, чтобы отпраздновать окончание средней школы. Отмечали получение аттестатов скромно, не как сейчас, когда собираются большие деньги для банкета. Мы, выпускники 41 года, в чем-то все-таки превосходили нынешних. Быть может, по части романтики, чистоты помыслов, бескорыстия. Мы читали стихи, обещали не забывать школу, загадывали желания...

- Где вы были 22 июня?

- Утром по радио передали, что в 12 часов дня будет важное сообщение. В этот момент я оказался в доме брата в Усть-Орде. Ощущения были непонятные, но, хорошо помню, страха перед войной не было. Может быть, от того, что были молодыми, а значит - максималистами, а может и от того, что нас с малых лет готовили к защите Отечества. Школьные кружки - «Будь готов к труду и обороне», «Будь готов к санитарной обороне», «Будь готов к противохимической обороне», «Ворошиловский стрелок» и т.д., исподволь воспитывали в нас бесстрашие, решительность, патриотизм. Сама атмосфера, в которой мы росли, уже предполагала присутствие недремлющего коварного врага.

- А что было потом в Усть-Орде в этот день?

- После объявления начала войны, тут же состоялся митинг во дворе школы, потом районный - в центре Усть-Орды. Я не помню, чтобы кто-то плакал, видимо, тогда еще не понимали, какой тяжкий крест выпал на долю того поколения. Почти сразу, на другой день начали работать военкоматы и закрутилось колесо военного времени.

- Конечно помните первые проводы на войну...

- Да, такие моменты не забываются никогда. Как сейчас я вижу перед глазами проводы на войну Бодонцова Бугушкинова, мужа моей сестры. Их младшему сыну было семь месяцев, а старшему сыну всего-то два года. Километр бежал он за телегой, увозившей его отца на войну. Помню, как плакал он навзрыд, он будто чувствовал, что не увидит больше своего отца... И в 44-м пришла похоронка на Бодонцова, сослуживец написал его родным, что не донесли Бодонцова до госпиталя, погиб от тяжелых ран. Жена его, моя сестра, так и не повидала в жизни счастья, умерла от воспаления легких в 37 лет, простудилась во время уборки урожая. Детей их подняли на ноги наши родители.

- Когда пришел ваш черед идти защищать родину?

- В ноябре. После краткосрочной учебы в Иркутске, погрузили нас в эшелоны. Доехали до станции Ишим, что в Омской области, и в десяти километрах от нее, в чистом январском холодном, заснеженном поле наш 804

стрелковый полк 229 стрелковой дивизии стал рыть траншеи, строить шалаши, приспосабливаться к военно-полевым условиям. Поначалу было тяжело, но война заставила нас, вчерашних выпускников, повзрослеть за какие-то дни, месяцы. До апреля нас готовили к фронту. Я осваивал 45-миллиметровое противотанковое оружие. Пригодилась учеба отца, который с самого детства учил искусству стрельбы. Как я был благодарен ему за прозорливость. Потом, уже после войны, я много раз ему говорил о том, что выжить на войне мне помогла его учеба.

- Было страшно на войне?

- Страх быть убитым на войне идет по пятам, я не верю тем, кто говорит, что не было страха. Да об этом обычно говорят те, кто и не нюхал пороха. Никогда из памяти не уйдет 25 июля 1942 года. Это было на Дону, неподалеку от станции Нижне-Чирская. Страх, ужас, беспорядок, близкое дыхание смерти, стоны, крики... Увиденное не передать словами.

В пять часов утра, когда наш полк не успел развернуться в боевой порядок, на нас пошли исключительно плотными рядами немецкие мотоциклы, танки, пехота. Сверху безнаказанно бомбили немецкие самолеты, наших самолетов не было видно. Артиллерийские снаряды били без продыха, казалось небо смешалось с землей. Весь этот кошмар длился с самого рассвета до пяти-шести часов вечера. Мы не были в состоянии противостоять такому жесточайшему натиску, силы были на стороне противника. Когда были расстреляны все снаряды, по приказу командования мы стали отступать... Из нашего боевого расчета из семи осталось в живых только трое... В этом бою я потерял из виду своего дорогого земляка Бадуюва Бардыма Боргаевича, после все надеялся на встречу. И только по возвращении с войны я понял, что надежды встретить его, исчерпаны. Как тяжело мне было смотреть в глаза его жене Анне Егоровне Егнаевой, когда она меня спрашивала о Бардыме... Я почти уверен, что он героически погиб 25 июля 1942 года, в том страшном бою.

- Вы отступили, дальше что?

- Быть может, и я погиб бы, если бы не мой боевой товарищ Дубинин, якут по национальности. Он прекрасно знал лошадей, лошадь нас-то и спасла. По радио к вечеру сообщили, что через 20-30 минут будет взорвана переправа. Вы не представляете, что творилось на этой переправе! Только благодаря сноровке Дубинина, мы успели перебраться на тот берег. И в этот момент, переправа была взорвана. Дон кишел: кто-то звал на помощь, кто-то пытался расстелить плащ палатку на воде и таким образом удержаться на плаву, кто-то скидывал с себя одежду, чтобы переплыть. Многие так и спаслись, но многие и не спаслись. Страшный был этот день, 25 июля 1942 года. Оставшиеся на том берегу, героически погибли или были взяты в плен...

- Так сложилось, что через два дня после событий у Нижне-Чирской,

наркомом обороны И.В.Сталиным был подписан и отправлен в войска приказ №227, в народе известный как «ни шагу назад». Разного рода ревизионисты и тогда, и сейчас ставят под сомнение героизм советского народа, утверждая при этом, что солдаты шли вперед под приказом №227, боясь быть расстрелянными. А значит, и о патриотизме советском, вроде как, нет и речи.

- Я в корне не согласен с теми, кто до сих пор пытается умалить героизм и патриотизм советского народа, ссылаясь на приказ №227. Это был один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания и по степени эмоциональной напряженности. Приказ №227 был отдан в самый разгар оборонительных боев, он прозвучал как сигнал тревоги народа за исход войны. «Пора кончить отступление. Ни шагу назад». Эти слова были донесены до каждого воина, до каждого командира. Героизм и патриотизм советского народа в борьбе с фашистами был безграничен, только благодаря огромной любви к Родине мы смогли переломить ход войны в свою пользу.

- Вам приходилось сталкиваться с предателями на войне?

- С одним из них пришлось столкнуться в собственной роте, но он тут же был расстрелян по приказу командования. Больше не припомню такого факта. А вот в мирной жизни я потерял своего близкого друга, которого предала жена. Он, вынесший на плечах войну, не смог вынести предательства самого близкого человека и ушел из жизни в рассвете молодости.

- Были на войне светлые минуты?

- Это письма от родных. На войне редки минуты для писем, поэтому я писал их под копирку, сразу по нескольким адресатам, оставляя сверху место для обращения тому, кому адресовано это письмо. И в ответ на одно фактическое письмо получал несколько. Новости из дома — это была огромная поддержка для меня, да и вообще для каждого воина. А встреча с земляком на линии фронта — это вообще невероятный случай, удивительный подарок военных лет.

Это было в 1942 году недалеко от станции Бекетовка, что на южной окраине Сталинграда, меня раненого вели в госпиталь. И вдруг вижу — навстречу нам идет мой земляк Геннадий Иванович Хилтухин. Крепко обнялись с ним, поговорили, пообещали друг другу встретиться. И мы с ним сдержали слово.

И еще один необыкновенный эпизод из войны. Я был метким стрелком. Однажды было дано задание — уничтожить снайпера. Мы с помощником устроились в воронке и стали вести наблюдение. Я чувствовал, что немец нас уже вычислил, и он тоже знал, что сидит на мушке моей винтовки. Счет шел на секунды. Кто кого? Кто быстрее? Я начал плавно спускать курок. И тут удар. И больше ничего не помню. Слышу: «Ты жив, Прокопий?» Очнувшись, отряхнулся от грязи. Оказалось, немец опередил

меня на доли секунды, но пуля попала в бруствер и ослабшая, задев край моей каски, попала в ... середину звезды, приколотой на моей шапке-ушанке. Серп и молот на звезде и спасли меня от гибели. А немецкого снайпера все-таки мы прикончили.

Конечно, на всю жизнь останется в памяти День Победы, когда мы расписывались на стенах рейхстага в Берлине. Я, встав на плечи своих друзей, написал: «Иркутск-Берлин. Маханов». Потом была встреча на Эльбе, где мы слушали несравненную Клавдию Шульженко.

- Как сложилась Ваша жизнь после Победы?

- После Победы нас отпустили в отпуск на три месяца. После я опять вернулся в Германию и служил до 1948 года. После поступил в Военно-политическую академию им.Ленина. Затем работал зам. командира полка, зам. начальника политотдела спецчастей (г.Иркутск). Потом - начальником штаба гражданской обороны Бурятской АССР.

- А в личном плане?

- Мне очень повезло в юности, когда повстречался на одной из московских землячеств, кстати, устроенном на даче коммунистки Сахьяновой, с Катей, будущей супругой. 17 апреля 1951 года мы поженились. И с тех пор мы вместе.

56 лет со Дня Победы. Полковник в отставке Прокопий Манюшкинович полон сил и энергии. Он известный человек в республике, к его совету прислушиваются на самом высоком уровне. В прошлом году он был избран ветеранами на встречу в Государственной Думе, в честь 55-летия Сталинградской битвы.

С.Семенова

г.Улан-Удэ

Панорама округа.-2001.-2 июня (№ 51-52)

ПАМЯТЬ

*Мадай Маркович Махутов,
артиллерист
уроженец с.Улей Осинского района*

Над селом Улеем встают январские рассветы, крыши домов окутываются сизым туманом, густо наполняющим воздух. Старожилы давно не помнят такой студеной зимы, которая стоит нынче. Даже сибиряки привычные к снегам и метелям, удивляются трескучим морозам, заставляющим гудеть прозябшие телефонные столбы. Но жизнь на селе течет своим чередом — люди уходят на работу, справляют неотложные дела.

Не сидится дома и Мадаю Марковичу Махутову. Хотя он и на пенсии, но нет-нет, да и завернет на ферму поинтересоваться как трудятся животноводы. Фронтовик ухаживал за скотом многие годы и по старой привычке часто приходит к дояркам и скотникам. И встречают его не как гостя, а как доброго, старого товарища, бывшего единомышленника по труду. Мадаю Марковича сельчане ценят и уважают не только как человека, умеющего работать на совесть, но и как фронтовика, совершившего не один ратный подвиг.

Зима в 1943 году тоже оказалась лютой. Именно в один из морозных дней получил Махутов свое боевое крещение. Хотя сибиряк и призывался в 1941 году, но его пока держали в резерве, и первый бой, выражаясь военным языком, имел характер местного значения. Но тем не менее Мадаю Маркович «понухал пороху» вдоволь. Гитлеровцы с целью разведки бросили в бой до десятка танков. Артиллеристы не дрогнули, отбили атаку, подожгли 4 машины. И одна запылала от орудия, где заряжающим был Махутов.

Память Мадаю Марковича не забывает фронтовых дорог. Форсировал Днепр, брал Гомель, Каменец-Подольск, прошел Польшу, штурмовал Берлин. Войну закончил коммунистом. 15 января 1945 года — одна из самых памятных дат в его жизни — в этот день сибиряк стал членом партии. Доверие ее воин заслужил мужеством и храбростью в боях с гитлеровцами.

В память Махутова врезались военные действия в районе польского города Сандомир. Отступая, фашисты оставили железный заслон из танков. Чтобы развить успех операции советское командование дало приказ — во что бы то ни стало разбить кулак немцев. И батареи открыли огонь. Он настолько был метким, что с первых выстрелов два «Тигра» запылали жаркими факелами. Но немцы не отступали, отвечали злым огнем. Однако характер советских артиллеристов оказался крепче фашистской брони. Они сокрушили ее и обеспечили дальнейшее наступление наших войск. За этот подвиг командование представило Махутова к ордену Славы III степени. Награда нашла героя при взятии немецкого города Франкфурт-на-Майне.

Весть о победе застала Мадаю Марковича на Эльбе, где советские войска встретили союзников. С радостью и ликованием восприняли ее солдаты, боевые товарищи по оружию. Обнимали, поздравляли друг друга, светлой памятью почтили тех, кто не дождался желанного дня Победы. Защитники Родины, оваянные славой, с ратных полей возвращались домой. В родные места вернулся и Махутов. И уже в мирное время нашла его боевая награда — орден Славы II степени. И снова память перенесла воина в места былых сражений.

...Бои вплотную подкатились к логову фашизма — Берлину. Враг засел в домах, огрызался огнем из-за каждого угла и укрытия. Сибиряк служил наводчиком орудия. Внезапно из-за деревьев показался немецкий

танк. Минута замешательства — и он мог натворить неприятностей, загубить жизнь не одного советского солдата. Мгновенно оценив обстановку, Мадаю Маркович быстро вложил снаряд, поймал в прицел врага. Выстрел был точным и своевременным. Замешкавшаяся пехота снова пошла на штурм выбивать засевших в домах фашистов...

Память... память. Никогда не забыть фронтовику тех огненных лет, свиста пуль и осколков, плача поруганной родной земли. Никогда не забыть тех героев, которые грудью встали на защиту Отечества от вероломного врага, отдали свою жизнь за свободу и счастье, во имя будущего Родины совершили ратные подвиги.

В. Алексеев

Осинский район.

Знамя Ленина.-1977.-22 февр. (№23)

ДВЕ ВОЙНЫ ВЕТЕРАНА

*Архип Степанович Муруев,
командир стрелковой роты,
уроженец Нукутского района*

Кто знает в Усть-Орде Архипа Степановича Муруева, всегда поражается его бодрости, подтянутой военной выправке, умению вести душевные беседы. Он много знает, много видел, много дорог исходил - и на фронтах, и в гражданской жизни. Ему недавно исполнилось 85 лет. Что ни говори, возраст преклонный, все-таки две войны за спиной старого солдата, но не стареет душой ветеран.

Непростая жизнь крестьянского паренька из Балаганского уезда научила его многому. Еще в молодости освоил профессию механизатора широкого профиля. Работал комбайнером, трактористом, бригадиром тракторной бригады, получил права шофера третьего класса. Ему приходилось обслуживать сразу три колхоза. За хорошую работу побывал на выставке ВДНХ.

В октябре 1939 года Архипа призвали в армию. С этого момента у него начался фронтовой путь. Сначала попадает в Алтайский край на станцию Ахтуба. Здесь служит рядовым наводчиком 186 полковой пушки. И после принятия присяги его направляют в Новосибирск, где он осваивает специальность танкиста. В это время была объявлена финская кампания. И Архип в числе 20 комсомольцев-добровольцев едет воевать с финнами. Служит в танковой разведке. Тут он впервые столкнулся с ужасами войны. Дважды ходил в разведку. В одном из боев Архип отличился и был награжден медалью «За отвагу», которой очень гордится.

В начале войны с белофиннами погибло много наших сибиряков. Многие думали, что эта кампания продлится недолго, но не тут-то было. Финны неплохо подготовились к военным операциям. Особенно наших донимали лыжные батальоны, снайперы, так называемые «кукушки».

После войны с финнами, часть, где служил Архип, направляют обратно в Новосибирск, оттуда он попал в Среднюю Азию, на границу с Афганистаном.

Отсюда его путь лежал в Астраханское пехотное училище, которое, закончив досрочно, Архип уже в чине лейтенанта Красной Армии продолжает службу.

Вообще о войне Архип Степанович может рассказывать долго. Многие военные эпизоды стерлись из памяти, но отдельные помнит крепко.

Воевал ветеран в Крыму, защищал Новороссийск, геройски сражался на севастопольской земле. Ночью их высадили севернее Севастополя и к утру бригада, где находилась 4-я рота Архипа, вступила в бой. Фашисты бомбили беспощадно, несколько десятков самолетов непрерывно кружились над позицией наших бойцов. В этом бою погиб командир 4-й роты Новоцкий. Архипа, командира 1-го взвода, назначают командиром роты. 142-я стрелковая бригада сражалась мужественно, но превосходящие силы противника при поддержке ураганного артиллерийского огня прорвали оборону бригады. В 6 часов утра немцам удалось ворваться в окопы. Произошел жаркий рукопашный бой. Бойцы в траншеях сражались героически, многие погибли, но не отступили. Казалось, на обожженной, изрытой бомбами и снарядами севастопольской земле не осталось ничего живого. Однако на подступах к городу его защитники все же стояли. Измученные, раненные, обгоревшие, забывшие о сне, отдыхе и пище бойцы и командиры продолжали оказывать сопротивление.

В этом неравном бою Архип получил ранение в голову и шею, его контузило. Ночью с другими ранеными его вывезли в Геленжикский санбат, где он пролежал около трех месяцев.

После выздоровления Архип следует под Москву, где формировался отдельный штурмовой батальон для прорыва блокады Ленинграда. С боями в составе 2-й ударной армии прорвал блокаду северной столицы, гнал немцев по земле Прибалтики. Но тут ему не повезло, под Нарвой его вторично тяжело ранило. Семь месяцев пролежал он в госпитале и победу встречал в Свердловске.

За ратный труд и подвиг Архип Степанович награжден многими боевыми орденами и медалями. Среди них на груди ветерана сверкают ордена Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени.

Вернувшись домой, Архип Степанович устраивается на работу в родном колхозе «Красные Халюты». Здесь трудится животноводом,

развивает племенное хозяйство, стараясь увеличить надои молока и поголовье овец. Это ему удается, хозяйство всегда считалось в числе передовиков.

Спустя несколько лет он заочно заканчивает Красноярский финансовый техникум, и его направляют в Усть-Орду, где с 1950 по 1960 год трудится в окружном финансовом отделе, потом по направлению работает в Слюдянском райфинотделе до 1969 года. После, по состоянию здоровья, он возвращается в Бохан управляющим госбанком. Будучи уже в пожилом возрасте едет работать в Бодайбинский район председателем райпотребсоюза, вплоть до 1975 года. Там же его направляют, как опытного работника, начальником УРС комбината «Лензолото».

Где бы ни трудился Архип Степанович, он постоянно был на руководящих должностях, имеет множество наград, поощрений, избирался депутатом райсоветов, горсовета. Сейчас старый солдат на заслуженном отдыхе. Пожелаем ему всех земных благ, долгих лет жизни, счастья во всем. С юбилеем, уважаемый Архип Степанович!

В.Бартуев
Панорама округа.-2004.-11 июня (№ 93-94)

ДОШЕЛ СОЛДАТ ДО БЕРЛИНА

*Дмитрий Матвеевич Недосекин,
участник прорыва блокады Ленинграда,
уроженец д.Половинка Баяндаевского района*

1942 год. Дмитрий Матвеевич Недосекин работал еще в колхозе. Но в августе его взяли в армию. Привезли в Красные казармы в Москве. Прошел здесь курсы наводчиков «катюши». С того времени минуло много времени. Но подробности и детали событий тех лет все еще свежи в памяти, будто случилось это вчера.

Я попросила Дмитрия Матвеевича припомнить подробности того сурового времени.

Он помолчал немного, неторопливо, как бы припоминая, начал:

— Войну как и море не представишь, пока не увидишь собственными глазами. В ноябре сорок второго попал я на Северо-западный фронт. И отправили нас, необстреляных еще юнцов, под Старую Руссу. Это был очень трудный участок фронта. Место болотистое, из-за этого окопы рыть невозможно. Чтобы маскироваться забрасывали себя ветками. Вот здесь-то многие из нас впервые в жизни увидели войну такой, какой ее не представляли. Мы увидели как воздушные разбойники Гитлера

расправлялись с мирным населением, как методично расстреливали из крупнокалиберных пулеметов совершенно беззащитные санитарные самолеты над станцией Осташково, бомбили ее.

После нас перебросили на Ленинградский фронт, на Пулковские высоты. Немец там сильно укрепился. Только с помощью наших катюш могли взять высоту. Были задействованы артиллерия, минометы, моряки-пехотинцы. Готовились к наступлению. Каждый надеялся, что вот-вот, не сегодня, так завтра начнется наступление. Но когда наступит это “не сегодня — завтра?”. Хотя бы поскорее! Томило и волновало нетерпеливое ожидание предстоящей схватки с врагом. И, наконец, с большими потерями Пулковские высоты были взяты, а Ленинградская блокада снята.

Низко плыли над Ленинградом снежные тучи-уроды, обалдело паялились в небо трубы сожженных домов. А ветер выводил-вытягивал в разрушенных домах песню смерти. Куролесила поэмка, вылизывала пятна крови на потрескавшихся от пламени тротуаров. А люди были истощенными, они плакали от радости. Больно было смотреть на них. За освобождение Ленинградской области меня наградили медалью “За Отвагу”.

Потом освобождали Гатчину. Город был сильно разрушен. Перед самым нашим приходом фашисты повесили шестерых наших партизан. После перекинули на Прибалтийские республики. На Нарве стояли четыре месяца. Эстонию освободили в дни ноябрьских праздников. И на острове Эйзель водрузили свой флаг. На побережье Балтийского моря шли упорные бои.

Освобождали Польшу. В Варшаве ни одного целого дома не увидел. Под Краковом немец приостановил наше наступление. А до Берлина оставалось всего лишь семьдесят километров. Но метр за метром, и мы прорвали оборону противника и подошли к Берлину. Здесь развернулись упорные бои. Закончил войну в Берлине в звании старшины.

Был дважды легко ранен и контужен. Лечился при санбате. Военная судьба бдаговолила мне. За штурм Берлина получил орден Красной Звезды, Медали “За взятие Берлина”, “За боевые заслуги”. Прослужил в оккупационных войсках до марта 1947 года.

М.Ордынская
Баяндаевский район
Панорама округа.-1995.-21 окт. (№114)

О НАСТОЯЩЕМ СИБИРЯКЕ И МУЖЕСТВЕННОМ СОЛДАТЕ

написали его земляки, жители села Харат Эхирит-Булагатского района
Петр Михайлович Пермяков,
связист,

Пермяков Петр Михайлович прожил долгую, достойную истинно сибиряка жизнь, полную труда, любви, лишений и невзгод. В любой, трагической подчас ситуации, он не падал духом, не терял самообладания и рассудительности. Это и помогало ему спастись и выжить в тяжких испытаниях.

В августе 1941 года 20-летний связист был направлен на фронт. На московском направлении их дивизия сражалась под г.Можайск. Об этих трагических днях Петр Михайлович оставил воспоминания, которые поместил в небольшой рукописной книжке «История моей жизни». «У нас было вооружение, которое привезли с Востока, в основном винтовки. Минометов мало, мелкого калибра четыре зенитки на полк и три тяжелых танка. Самолетов наших вообще не было. Зато немцы в воздухе висели ежедневно». По прибытии на рубеж бойцы окопались – вспоминает ветеран – и он пошел за маскировкой. И в это время услышал нарастающий гул: появилось семь троек «мессеров». Началась бомбежка. «Летит все кверху: дым, земля, а вместе с ней, наверное и люди. Жутко смотреть. Никто не показывается из окопов. Самолеты прошли по всей «оборонке» и, повернув влево по направлению на запад, ушли за сосновый бор. Прошли какие-то минуты, я снова вижу, что они летят и так же по три. И снова летит все кверху. Я посчитал, что все – больше им делать нечего, когда второй раз пробомбили. Кто-то на вспаханной земле шевелился, или мне так показалось. Зачем они зашли в третий раз, сам Бог не знает. И вот пыль осела, что-то дымило или парило, людей там видно не было».

После пополнения снова были бои, потери. В очередной схватке немцы отступили, командование решило успех развить: захватить село, куда отошли немцы. Разведали, что в селе пусто. Первая колонна дошла до края села и встретила неожиданно огонь в упор. «Нас расстреливали из пулеметов. По отступающим вели минометный огонь. Из 14 связистов нас осталось трое. Вот так прекратил свое существование третий батальон 117 стрелкового полка 32 Краснознаменной дивизии. Петра перевели в пехоту. Питание привозили ночью, иногда и не бывало. «...Мы все грязные, ползаем по земле и по грязи – жизнь дороже, обросли и обовшивели. Какой-то лейтенант поздравил нас с праздником 7 ноября. Сразу все задумались, вспомнив дом, родителей, друзей. Все задумались и о своем положении».

Через несколько дней собрали солдат всех полков 32 дивизии – 91 человек. Число Петр Михайлович запомнил, так как стоял крайним. Стало известно, что будут наступать. Разбились на три взвода и пошли через заснеженное поле на немецкие окопы. И почти все погибли. Назавтра собралось двадцать человек, но тоже попали под обстрел. А на следующий

день, помогая раненым радистам, Петр Михайлович попал в плен. Пешком их погнали в Смоленск. Через несколько дней Петру удалось бежать, и до января 1942 года он жил в деревне, его никто не выдал. Росту он был небольшого, казался 17-летним. И как юноша, вместе со многими был отправлен на работу в Германию. Там работал в Дрездене на паровозоремонтном заводе и снова бежал. Плен воспринимался им как продолжение борьбы. Поймали с собаками, но не били, так как он ушел довольно далеко и был задержан другими. Отсидел в тюрьме 98 дней и был отправлен на границу Чехии и Германии на тяжелые земляные работы. В мае 1945 года появились русские танки, их встречали со слезами радости. Снова Петр Михайлович оказался в армии. Вспоминает как 68 дней шли из Германии в Белоруссию. Под Слуцком отслужил еще год и в 1946 году вернулся домой. Вот так в повседневной стороне войны, в тяжелом солдатском труде, в стойкости и смекалке проявилась «невидимая крепость души народной» в жизни нашего земляка Пермякова Петра Михайловича.

Много испытаний выпало на его долю и в мирное время. Об этом и написал ветеран в своей книге «История моей жизни».

С.Климусов, А.Маркова
Панорама округа.-2005.-22 апр.

РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙСТАГЕ

*Николай Аввакумович Просекин,
артиллерист, участник Орловско-Курской битвы,
уроженец ул.В.Кукут Эхирит-Булагатского района*

Николай Аввакумович Просекин живет со своей супругой в селе Свердлово Эхирит-Булагатского района. Это его вторая родина, с которой он породнился почти 20 лет назад.

...Весенний ветер тихо колышет разноцветные флаги у кинотеатра «Эрдэм». К обелиску погибшим комсомольцам в Великой Отечественной и гражданской войнах возлагают цветы, венки, каждый приходит сюда в этот день — День Великой Победы — почтить память погибших родных, знакомых и просто советского солдата. Чуть поодаль от толпы долго стоял с непокрытой головой молодой человек. Перед его взором проходили не события дня: празднично одетые люди, приветствия в адрес фронтовиков, клятвы молодых. Он мысленно был далеко отсюда, в самом логове фашистов у рейхстага.

Было так же тепло и солнечно. Победные залпы артиллерийского салюта, автоматные выстрелы, усиленные многократным солдатским «Ура!» заглушили все. В этой победной кутерьме боевые друзья Николая Просекина

из минометного расчета не забыли поздравить его с днем рождения. И в память об этом незабываемом дне Николай и его однополчане оставили свои подписи на рейхстаге.

Путь к Победе 26-летнего воина был длинным. 12 сентября 1941 года молодой тракторист прибыл на ст. Мальта, где его зачислили курсантом для подготовки младшего командного состава. В начале 1943 года в составе сформированного в г. Нерчинске 294 минометного полка, затем в составе 588 артиллерийского полка молодой командир прибыл на Воронежский фронт. Полк с ходу вступил в бои на Орловско-Курской дуге. Трудно было Николаю и его друзьям, еще необстрелянным бойцам. Но не о трудностях войны думали, когда враг рвался к Москве, топтал родную землю, уничтожал деревни, поселки, города. И уже через четыре месяца молодого воина за отвагу и мужество, проявленные в боях за освобождение городов Белгород, Харьков, наградили первой боевой медалью — «За боевые заслуги». Еще через год на груди солдата засверкал орден Красной Звезды за бой на подступах к легендарному Бресту и за освобождение Белоруссии.

Особенно памятными были бои за освобождение Варшавы — столицы Польши. В ночь на 1 января 1945 года бойцы его минометного расчета заняли оборону под Варшавой, огневая позиция была невыгодной для наших: стояли в болоте, окопы заливало водой, и до 17 января в таком положении держали оборону. На рассвете семнадцатого солдаты открыли двухчасовую артиллерийскую канонаду и под прикрытием самолетов выбили фрицев из польской столицы.

Несмотря на усиленное сопротивление противника, солдаты форсировали Вислу, затем Одер. Здесь фашисты, перед последним вдохом, сильно сопротивлялись. В течение короткого времени наши бойцы нанесли сокрушительный удар и продвинулись вглубь страны. В конце апреля были на подступах к Берлину и 2 мая в самом логове фашистов — у рейхстага.

...Давно война закончилась, но еще долго отважный воин стоял на страже Родины, только в мае сорок шестого приехал в родной «Сибирский таежник» — так назывался колхоз в Верхнем Кукуте. Конечно, земля оскудела без крепких умелых рук трактористов. Н.А.Просекин до войны трудился на тракторах Т-2Г и СГ-60, которые работали на древесном топливе. Свой трактор он передал сестре Ксении. Она заменила брата, берегла трактор и вернула его в полной сохранности.

Руки тракториста за долгие годы войны соскучились по мирной работе. Да и время требовало от недавних солдат — защитников Родины работать с удвоенной энергией. В Верхнем Кукуте, где он родился, жил и работал до войны, сразу его избрали бригадиром. В течение 17 лет руководил бригадой, затем его направили управляющим Наумовским отделением совхоза «Ользоновский». На этой работе особенно ярко

раскрылись черты характера Николая Аввакумовича, как умелого руководителя, принципиального человека. Умение разбираться в людях в технике, любовь к земле помогли ему вывести отделение в передовики в совхозе и районе. Под его руководством здесь выросли замечательные мастера животноводов и полеводов.

Николай Аввакумович Просекин в свои неполных 73 года по-прежнему полон энергии, ведет домашнее хозяйство. Одним словом, живет, как все селяне, заботами о доме, хозяйстве. Только все чаще и чаще вспоминает грозные события прошедшей Великой Отечественной войны, «видит» он боевых друзей-однополчан, что полегли на поле боя. И не может мириться с тем, что заслуги ветеранов войны кое-где предаются забвению. Ветеран прав. Люди, прошедшие через огонь Великой войны и победившие врага достойны высоких почестей, внимания. В числе их — Н.А.Просекин, расписавшийся на рейхстаге в честь Победы и в честь своего дня рождения.

Ф. Мезенцева
Знамя Ленина.-1993.-27 нояб.

РОДИЧЕВЫ – ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

*Николай Данилович Родичев,
сержант, артиллерист,
уроженец Нукутского района*

В семье Николая Даниловича и Варвары Федоровны Родичевых было девять детей: пятеро довоенных, а четверо родились после Победы. Первого послевоенного сына Николай Данилович назвал в честь старшего брата Михаила Даниловича — генерала, командира дивизии, прошедшего боевой путь до Берлина. Хотелось, наверное, чтобы Михаил-младший был похож на своего знаменитого дядю.

Да так, вообще-то и получилось. После окончания девятилетки в Нукутах поступил Михаил Николаевич в Саратовское общевоинское военное училище. Окончив его, сделал военную карьеру от взводного до командира отдельной воинской части. Теперь он полковник и, даст Бог, точно станет генералом.

Еще один из сыновей Николая Даниловича был кадровым военным. Виктор родился в Малобаяновске в 1932 году и, когда пришла пора выбирать профессию, выбрал воинскую стезю. Закончил высшее военное авиатехническое училище. Служил в Приморье, дослужился до капитана. При выполнении воинского долга погиб под Владивостоком...

Быть защитником Отечества довелось и самому Николаю Даниловичу, которого с должности председателя Малобаяновского колхоза «Путь к

жизни» призвали на войну 7 июля 1941 года.

В Мальте, что под Усолье-Сибирским, окончил он полковую школу. Стал сержантом-артиллеристом. В конце сорок второго попал на передовую. Под Смоленском дали ему расчет 45-миллиметрового противотанкового орудия. Тот, кто хоть мало-мальски знаком с «сорокопяткой», поймет, что по своему предназначению она всегда должна быть на переднем крае, на танкоопасном направлении. Не сладко приходилось «богам войны».

Вспоминая фронтовые годы, Николай Данилович рассказал о двух эпизодах, за что он дважды был награжден медалями «За отвагу» (у фронтовиков эта медаль ценилась особо, как верный признак солдатской доблести).

Первую свою «Отвагу» он получил за бой под деревней Полики в Белоруссии. Здесь, в сорок третьем, немец предпринял танковый прорыв. Трудный был бой. Вражеским пулеметным огнем скопилось заряжающего и наводчика орудия. Из пяти человек в расчете осталось трое. Командир орудия старший сержант Родичев становится к панораме прицела, заменяет заряжающего и с двумя своими товарищами за день отбил три танковые атаки.

Потом было ранение, госпиталь в Вятке, батальон выздоравливающих в Коломне.

Здесь формировался 551-й истребительный противотанковый полк под командованием полковника Казакова. Старшего сержанта Родичева назначили командиром расчета 76-миллиметрового орудия. В составе этого полка брал Витебск, Оршу, форсировал Березину и Неман. В конце 1944 года вошли в Восточную Пруссию. Здесь при подавлении вражеских дзотов Николай Данилович отличился.

— А дело было так, — рассказывает он. — В Восточной Пруссии немец закрепился особо прочно. Доты, дзоты были на каждом шагу. Нашей пехоте пулеметы и головы не давали поднять. Однажды ранним утром получили приказ: подавить очередной дзот.

При выборе наиболее выгодной огневой позиции катили орудие на руках, прикрываясь лощинами и бугорками, и не заметили в сумерках, что прикатились к немецким окопам. Почудилось мне, что в пожухлой траве будто «косач» пробегает. Пригляделся, а это фриц в каске по окопу мелькнул. Бросаю туда гранату и, когда чуть осела пыль, вижу — дверь в дзот распахнулась. С автоматом—туда. Полоснул очередью в зев. Тихо. Отвечать уже было некому. Так и подавили этот зловерный дзот. Чуть позже мне вторую «Отвагу» за это вручили.

И еще очень примечательное событие случилось в конце сорок четвертого. По переписке с братом Михаилом знал Николай, что воюют они где-то рядом: письма всего за два дня доходили. К тому времени приказом

Главнокомандующего разрешалось воевать близким родным в одной части. Вот и обратился комдив Родичев к комполка Казакову с просьбой откомандировать братишку в его подчинение. Не стал полковник перечить генералу и просьбу удовлетворил. Встретились братья 7 января 1945 года в Польше, в местечке Свибус.

— Итак, братишка, — молвил Михаил после памятной встречи, — хватит тебе по передовым мотаться: четвертый год жизнью рискуешь. Отправляйся-ка ты в мою дивизионную разведку, все хоть на глазах моих будешь...

Так «удружил» брат-генерал, сделав из бравого артиллериста разведчика. Под началом брата освобождал старший сержант Родичев Варшаву, брал Берлин.

Вот такие они, Родичевы — защитники Отечества.

Ю. Тыхешкин
Нукутский район
Панорама округа.-1998.-9 мая (№35)

«КУРС НА БЕРЛИН»

*Андрей Хабудаевич Саввинов,
авиатор,
уроженец ул.Шетхулун Баяндаевского района*

Фронтовая жизнь для Андрея Саввинова началась под Орлом. Отгремело ожесточенное сражение на огненной Курской дуге. Навсегда запомнилось: в небе — карусель своих и фашистских самолетов, скоротечные бои на малых и больших высотах, и не разобрать порой с земли, чей же это оставляет за собой зловещий дымный шлейф и потом вдруг вспыхивает ярко-рыжей свечой, камнем падает отвесно вниз...

Служил он в 16-й воздушной армии, в третьем истребительном корпусе генерала Е.Я.Савицкого (ныне маршал авиации дважды Герой Советского Союза). Правда, был Андрей не пилотом, а «технарем». Так коротко и емко, без малейшего оттенка пренебрежительности называют в авиации тех, кто обслуживает самолеты на земле, готовит их к очередному подъему на крыло.

От полевого аэродрома до передовой — рукой подать, достаточно сыпалось сюда бомб и снарядов, сполна познал «технарь» Саввинов фронтовое солдатское лихо. Под огнем вражеской артиллерии и вой пикировщиков с ненавистными крестами на фюзеляжах выполняла свою нелегкую боевую работу наземная служба авиаполка.

Из-под Орла полк перебазировался в Бобруйск. Стремительно

развивалось наступление Советской Армии. Не давая опомниться врагу, наши войска рвались на запад, к границам Восточной Пруссии. Полк едва успевал менять аэродромы. И лишь только развертывался на новом месте, взмывали в высь самолеты - продолжалась напряженная боевая работа.

Особенно сильные бои завязались на Немане. Помнится Андрею, что спать в те дни приходилось урывками, иногда полтора-два часа в сутки. Садись на аэродром, едва дотянув до него, израненные в воздушных поединках наши «ястребки», их в кратчайший срок требовалось отремонтировать, обеспечить полным комплектом боезапаса и вновь отправить в небо.

— Ничего, ребята, отоспимся за все после войны, — подбадривал замполит полка майор Темный—Победа-то не за горами.

В сентябре осень еще не добралась до Прибалтики. Солнце немилосердно палило землю, куда-то пропали дожди. От жары и пыли можно было спрятаться только на берегу Немана. Прибегали сюда, если выпадал свободный час, и Андрей со своим дружком-земляком Мишей Зверевым. Купались, ловили раков, которых в реке было множество.

Как-то увлеклись и не заметили, что на берег пришел и остановился, с интересом наблюдая за азартной ловлей, генерал. Узнали—командир корпуса, его позывной, когда Савицкий был в небе, в воздушном бою, знали все, в том числе и фашистские летчики: «Дракон».

— Как добыча, подходящая? — с интересом спросил генерал.

Дружки, смущенно прикрываясь, враз ответили:

- Подходящая, товарищ генерал...

Тот помолчал и просто, с сожалением произнес:

— Половил бы я с вами, да недосуг. В небе ведь тоже жарко. Видите? — и показал рукой за Неман.

Там, над недалекой переправой, появилась четверка вражеских истребителей. Андрей сразу узнал в них «фокке-вульф-190»: тупые носы, длинные фюзеляжи, обрезанные почти под прямым углом концы крыльев. Вспомнил: «Вооружение у «фоккера» - четыре пушки, два пулемета, скорость — шестьсот километров в час». Сверху на них свалились наши «яки». Завязался воздушный бой.

Видите? — повторил генерал. — Купаться, ребята, скоро уже будем в Одере. И раки там есть... Курс наш — на Берлин!

За отличия в боях на этой реке 291-й авиаполк, в составе которого воевал Андрей, получил почетное наименование — «Неманский». Через несколько дней он перелетел на новый фронт, войска которого были нацелены в самое сердце фашистской Германии.

...2 мая 1945 года Берлин пал. Защищавшая его миллионная группировка гитлеровских войск капитулировала. Считанные часы

оставались до окончательной победы над ненавистным врагом. Андрей уже мечтал, как поезд помчит его на восток, в далекую Сибирь. Зримо вставал перед глазами родной улус Шетхулун, маленькая речушка Куданца, бурятским кушаком обвившая зеленый луг за крайними домами, уходящие вдаль таежные хребты. Скоро домой!

Стоял полк в это время западнее фашистской столицы, на аэродроме Дальгов. То был первоклассный испытательный аэродром особой важности, где базировались первые реактивные самолеты пресловутой «Люфтваффе» — гитлеровских военно-воздушных сил. Захватили его внезапно, так что фашисты даже не успели уничтожить стоявшие в ангарах самолеты.

Герой Советского Союза летчик Калашников, когда они с Андреем осмотрели один из трофейных реактивных самолетов, сказал:

- Не это ли хваленое новое оружие Гитлера? Жидковатое! Слышал ведь, как наш генерал Савицкий со своим ведомым сбил такой реактивный? То-то! — И без всякого перехода вдруг спросил: — Интересно, где сейчас Гитлер? Или брехун Геббельс?

Тут же припомнили, что однажды рассказывал Илья Эренбург, приехавший в корпус в качестве корреспондента «Правды». Пожалуй, никто из публицистов в годы войны не пользовался на фронте таким высоким авторитетом, как он. На вопрос: «Вы не знаете, как реагируют фашисты на ваши выступления в газетах?» — Эренбург ответил: «Злобно. Геббельс даже про меня книжонку написал. Наврал с три короба. Этот стервец договорился до того, что будто у меня есть незаконнорожденный ребенок от бразильской королевы»...

Андрей еще потолковал немного с летчиком, и они разошлись. А на рассвете разгорелся внезапный и жестокий бой. Из Берлина вырвалась трехтысячная группировка вражеских войск. Любой ценой на запад — к американцам или англичанам! Аэродром Дальгов, рядом с которым проходило шоссе, оказался в центре удара. Когда прозвучал сигнал тревоги, наши самолеты поднялись в воздух, чтобы не быть смятыми танками противника. На летное поле набегали плотные ряды эсэсовцев.

Попав под шквальный огонь зенитчиков, охранявших аэродром, фашисты остановились и выслали парламентеров. Те заявили: «У вас пятьсот солдат, у нас — три тысячи. Пропустите нас на запад, и мы вас не тронем».

Было же на аэродроме не пятьсот наших солдат и офицеров, а меньше сотни. Понятно, гитлеровцев оставили в заблуждении, предложили сдаться в плен. В ответ загрохотали орудия и пулеметы, двинулись вперед бронетранспортеры.

Андрей лежал в траншее, бил длинными очередями из автомата. Летчик Калашников — накануне он сбил два «юнкерса», но сбили и его — спаренным пулеметом останавливал одну вражескую цепь за другой.

Пробежал по траншее замполит полка Темный, возглавивший оборону, отдал приказ: «Ни шагу назад!». А эсэсовцы все лезли, пренебрегая смертью, они знали меру своих злодеяний, терять им было нечего.

Пулей у Андрея расщепило приклад автомата. Он, как и другие бойцы, взялся за трофейные фауст-патроны...

К ночи бой закончился. Со стороны Олимпишесдорфа подошли наши танки и решили его исход. Колонна эсэсовцев не прорвалась. У Андрея обгорела гимнастерка, и друзья смеялись: «Домой в одном вороте поедешь...».

Так за пять дней до Великой Победы принял свой последний бой авиатор Андрей Хабудаевич Саввинов.

Ныне он, кавалер многих боевых наград, живет и работает в окружном центре. Окончив после фронта институт, стал юристом и уже отдал этой профессии ветеран Великой Отечественной двадцать два мирных года.

Г. Николаев
р. п. Усть-Ордынский
Знамя Ленина.-1975.- 28 июня (№78)

СЕМЬ КРУГОВ АДА

*Константин Акимович Садовников,
командир взвода пехотно-стрелковой дивизии*

Имя Константина Акимовича Садовникова хорошо известно в округе. Он руководил совхозом «Целинный» Аларского района, возглавлял совхоз «Александровский» — в Боханском районе. Был председателем Нукутского райисполкома, заместителем председателя окрисполкома. Уйдя на пенсию, работал начальником штаба по гражданской обороне, много лет возглавлял окружной совет ветеранов.

Но немногие в округе знают о том, какая трудная военная судьба выпала на его долю. Может быть, она, его судьба, сложилась бы совсем иначе — не рвись он добровольцем на фронт.

Ему было шестнадцать лет, когда началась война. Эта страшная весть застала голубоглазого, веселого паренька Костю в поле, где он работал. Он тогда возглавлял единственную в Иркутской области женскую тракторную бригаду.

В числе первых подал заявление об отправке на фронт, но его просьбу отклонили: «А кто же будет работать здесь, сеять и растить хлеб?» Решение уйти в армию его не покидало. При встречах с политруком МТС всякий раз он заводил разговор о фронте.

Аргументы Костя приводил весомые: мол, хорошо знаю военное дело, имею значки ГСО и ГТО. А что еще надо, чтобы служить в армии? У политрука был ответ один: «Кому же ты передашь свою бригаду? Ты здесь нужнее».

Через месяц после начала войны вышел указ о призыве в армию комсомольских вожаков, а он тогда и был таковым в своей деревеньке Хомутово. И снова на стол легло заявление от Садовникова все с той же просьбой – отправить на фронт.

- Ладно, - пообещал политрук, - поговорю с директором совхоза, с военкомом. Если что, поедешь.

И действительно, уже в августе, он ехал в числе 80 новобранцев от Иркутской области в Москву. Через пять суток они были в столице. Их построили. Пять человек, в том числе и Садовникова, попросили выйти из строя, объявив, что они направляются в город Киров на курсы сержантов. Через три месяца в звании сержанта и с надеждой, что наконец-то он отправится на передовую, Константин Садовников вышел из стен военного училища. Но вместо передовой его направили в Кировское военное училище на курсы по подготовке младшего офицерского состава. И снова три месяца учебы. Только в январе 1942-го в звании младшего лейтенанта его направили в Волоколамск, назначив командиром взвода при заградотряде. Что это был за заградотряд, военные знают не понаслышке. В его функции входило останавливать тех, кто бежал с поля боя. Впереди немецкие дула автоматов, сзади – свои. Но Садовников никогда не стрелял в своих, бежавших от страха солдат. А вот в него стреляли, но пуля, просвистев над головой, прошла пилотку. Ему же было суждено жить, чтобы пройти через семь кругов ада.

Наши войска, не выдерживая натиска врага, отступали. Заградотряду, куда входил взвод Садовникова, дан приказ остановить отступающую часть и занять оборону. Вместе с остатками полуразбитой части их набралось человек восемьдесят. Враг наступал, сжимая их в кольцо. И вот они в окружении, из которого нужно выйти любой ценой. И они вышли. За что и оказались в Гороховецких лагерях под городом Горький. Два месяца их допрашивали, упрекали в том, что они остались в живых, за то, что уничтожили военную технику.

После проверки их направили на передовую. Свою 256-ю стрелково-пехотную дивизию младший лейтенант нашел на Калининском фронте, где шли ожесточенные бои. И снова такое же задание: остановить отступающих и занять оборону. И снова попали в окружение. Прорвав его, двадцать человек укрылись в картофелехранилище. Деревенька была занята немцами. Бой длился недолго. И все же им удалось уложить не один десяток фашистов, пока три танка не обстреляли их место укрытия.

Сколько пролежал без сознания Садовников – не помнит. Очнулся от вылитой на него холодной воды и от удара прикладом. «Поднимайся!» - прозвучало рядом с прибалтийским акцентом, - или я тебя убью».

Двое суток их гнали в сторону Ржева, затем до Вязьмы – до лагеря для военнопленных, где поместили их в помещение без крыши. По ночам холод пробирал до костей, мучили голод и усталость. Но самое трудное ожидало впереди, когда перевезли в Эстонию на сланцевые шахты. Работали от темна до темна. Под дулами автоматов пленные возили на ручных тележках руду, качаясь от голода. Кровоточили мозоли на руках, болели сбитые в кровь ноги.

Затем была Германия, потом Австрия, город Грац, где пробыл Садовников в лагере для военнопленных два месяца. И откуда ему посчастливилось сбежать, спрятавшись в уголь на корабле, отправлявшемся в Югославию. Был декабрь 43-го, когда он отыскивал партизанский югославский отряд.

Партизаны встретили его настороженно, но все же в отряд взяли. Таких, как он, русских бойцов, там было немало, общаться с которыми запрещалось. А вот задания им давали самые сложные, откуда живым вернуться шансов было немного, но он возвращался, обезвреживая минные заграждения, взрывая и обстреливая вражеские поезда. Может быть и встретил бы младший лейтенант Садовников победу с югославскими партизанами, если бы в 1944-м не пришла из Белграда бумага с заявлением направить всех советских подданных в столицу Югославии. Оттуда их перебросили в Кишинев – на проверку. Добровольно сдавшихся в плен отправили по этапу в Воркуту и Магадан. Садовников с группой офицеров попал в Башкирию до выяснения. А через два месяца из Москвы пришло распоряжение восстановить его в звании и направить в действующую армию. Домой Константин Акимович вернулся в начале 1947-го. Казалось бы на этом его военная биография закончилась, но увы, она еще долгие годы будет настойчиво о себе напоминать. Трижды представляли Константина Акимовича за трудовые успехи к награде и трижды ему было отказано в получении орденов «Знак Почета», «Трудового Красного Знамени», и медали «За освоение целинных и залежных земель». Мотив отказа заключался в его военной биографии, а именно в пребывании в плену. Дважды его отказывались принять в коммунисты по той же причине. И сегодня тот психологический прессинг, который ему пришлось испытывать на себе все эти годы, продолжает на него давить. «Да что обо мне рассказывать? – воспротивился Константин Акимович моей просьбе. – Люди не так поймут».

А вправе ли мы судить тех, кто действительно прошел через семь кругов ада, испытал на себе унижения, побои, холод и голод. Но за это

наград не давали. И те, кто прошел через плен, заслуживают такого же уважения и преклонения, как и все воевавшие на фронтах Великой Отечественной.

Л.Горбунова.
Панорама округа.-1999.-24 февр.

ЗАЩИТНИК СТОЛИЦЫ

*Дорж Петрович Сперанский,
моряк-тихоокеанец, участник битвы за Москву,
уроженец с.Бурят-Янгуты Осинского района*

Все больше времени отделяет нас от событий Великой Отечественной войны. Однако подвиг нашего народа ратный и трудовой не меркнет. Он всегда остается в памяти народной как символ беспримерного героизма и стойкости, верности нашей социалистической Родине. И мы все пристальнее всматриваемся в тех, кто когда-то прошел через испытания огненных военных дорог. Один из таких солдат Великой Отечественной войны - наш земляк, уроженец села Бурят-Янгуты Дорж Петрович Сперанский.

За девятнадцать лет до войны в семье Бурятского крестьянина из улуса Бурят-Янгуты Петра Сперанского родился сын, которого назвали Доржем. Сын рос, учился, помогая отцу в нелегком хлеборобском труде. А в 1940 году, когда в воздухе Родины уже явственно ощущались «грозовые разряды», он был призван в рабоче-крестьянскую армию. Сибирский парень попал на Тихоокеанский флот, где начал службу в береговой охране. Грянула война. Дорж Сперанский попал в зенитно-артиллерийскую часть. Кто из мальчиков не мечтает ходить в безкозырке, брюках «клеш» и тельняшке? Но парня в тот момент это сильно не интересовало, его душа рвалась на западные рубежи, где шла жестокая битва. Не раз писал рапорты, где просил об отправке на фронт.

Наконец его просьбу удовлетворили. Наш земляк попал в 4-ю отдельную морскую стрелковую бригаду, которая формировалась с 20 октября по 18 ноября 1941 года на Урале и состояла из моряков-тихоокеанцев, а затем пополнилась моряками-балтийцами.

Перед посадкой в эшелоны состоялся митинг. Все выступающие выражали готовность отдать все для того, чтобы отстоять столицу Родины - Москву. Поезд тронулся. И в пути продолжалась учеба. Командиры отрабатывали вопросы организации боя, бойцы изучали оружие. Активно проводилась партийно-политическая работа.

26 ноября эшелон прибыл к месту назначения. Бригада вошла в

состав созданной 20-й Армии, занявшей позиции на правом крыле Западного фронта. Идут же бригада получила боевое задание: уничтожить вражеский парашютный десант, сброшенный у Дмитровского шоссе, в районе сел Кузьево, Гришино. Тихоокеанцы, а среди них был и наш земляк, оцепили район высадки фашистских парашютистов, частично их уничтожили, а остальных взяли в плен. Несколько дней моряки-тихоокеанцы, балтийцы, в том числе и наш земляк сдерживали непрерывный, отчаянный штурм фашистов. Затем бригада повела тяжелые оборонительные бои на правом фланге обороны города Москвы, находящегося лишь в 30 километрах от столицы. Близость родной столицы придавала решимость, все понимали, что надо во что бы то ни стало отстоять священные рубежи. Несколько дней тихоокеанцы, в том числе и наш земляк, сдерживали непрерывный отчаянный штурм фашистов. Выстояли! Не раз над полем звучало «Полундра!»- призыв к контратаке, так страшивший врага. В этих боях Дорж Петрович был тяжело ранен. Госпиталь, лечение, снова фронт. Опять бои, лишения, потери и радость победы.

Наш земляк был награжден солдатским орденом Славы III степени, Отечественной войны I степени, медалями, самая памятная из которых - «За оборону Москвы».

Когда окончилась война, недавний фронтовик засел за учебники, стал учиться в сельхозинституте г.Улан-Удэ. Прошли полугодные студенческие годы. Д.Сперанский стал работать колхозным ветврачом. Потом долгое время возглавлял ветеринарную службу в Боханском районе, не раз высоко отмечался его труд.

«Четыре с половиной десятилетия прошло с тех пор, - говорит Дорж Петрович, - а все стоят перед глазами моряки-тихоокеанцы. Разные они были. Но всех объединяла любовь к Отчизне. Наша победа стала возможной прежде всего потому, что великое интернациональное братство сближало всех нас - русских, украинцев, белорусов, казахов, татар, бурят и т.д. Это огромное завоевание Советской власти и его надо беречь и приумножать...»

И. Степанов

с. Бохан

Знамя Ленина.- 1992.-26 февр.

ОН НЕ РАЗ СМОТРЕЛ СМЕРТИ В ЛИЦО

*Анатолий Петрович Тарбеев,
командир пулеметного расчета,
уроженец с.Еловка Эхирит-Булагатского района*

Анатолию Тарбееву было 17 лет, когда его призвали в армию. Шел второй год кровопролитной и жестокой войны. Военную службу рядовой Тарбеев начал в городе Нижнеудинск Иркутской области в ноябре 1943 года в 25 стрелковой школе. Здесь же молодой, еще не обстрелянный паренек из села Еловка Эхирит-Булагатского района принимает присягу на верность Родине. На дворе стоял декабрь 1943 года. А в апреле 1944-го курсанты школы снайперов были погружены в эшелоны и отправлены на Ленинградский фронт.

- Нас встретил тогда сам командующий фронтом генерал Говоров. Полк наш выстроился на перроне, и мы, юнцы, еще не нюхавшие пороха, с робостью и вниманием слушали выступление командующего, - вспоминает то далекое время Анатолий Петрович.- Помню, как генерал тогда сказал: «Кто боится воевать, три шага вперед!», но ни один из нас, стоящих тогда в строю, не шелохнулся и не сказал, что он боится врага. После напутствия генерала нас расформировали по частям, и началась моя фронтовая жизнь.

Как говорит ветеран, ему, совсем еще мальчишке, в редкие минуты передышек вспоминалась его малая родина, затерявшаяся в бескрайних сибирских лесах. А что было особенно ему вспоминать, ведь он практически еще и не успел пожить. Трудовую жизнь деревенскому сорванцу пришлось начинать в колхозе «Верный путь» после шестого класса. Несмотря на столь юный возраст, он хорошо показал себя на полевых работах, будь то сенокос или уборочная. Довелось ему заниматься заготовкой дров и работать на ферме. Сноровка, выработанная им, пригодилась ему и на поле брани. Юный боец был на редкость сметливым и ловким.

До победного конца сражался сибиряк на разных фронтах, пока в конце февраля победного 45-го не получил тяжелое ранение в бедро осколком немецкой мины. Первое боевое крещение Анатолий Тарбеев получил на Ленинградском фронте в Финляндии. После заключения перемирия между этой страной и СССР части советских войск перебросили на Прибалтийский фронт, где главнокомандующим был генерал Баграмян. В 190-м гвардейском полку гвардии ефрейтор Тарбеев воевал в должности заместителя командира отделения ручного пулемета.

- Как-то мы заняли немецкую траншею и вели оттуда бой. При нас был станковый пулемет «Максим», - продолжает свои воспоминания ветеран. – Так вот наш командир взвода лейтенант Бугайцов дает команду вытащить этот пулемет из траншеи, чтобы из него бить по немецким танкам. Из траншеи-то стрелять из пулемета вроде как и несподручно – то перелет, то недолет. Я ему говорю: «Мол, не стоит вытаскивать его наверх, немецкий танк может и его разбить, и весь наш расчет». Но командир наш не стал отменять приказ, пулемет все же вытащили, но вскоре – прямое попадание из немецкого танка и конец – нет ни пулемета, ни пулеметного расчета. У меня

был ручной пулемет Дегтярева, так вот я, когда уже вытащили «Максима» из траншеи, говорю своему подручному: «Давай отойдем чуть подальше». А траншея-то ведь кривая и только потому нас тогда не зацепило осколком. И таких нелепых случаев, когда из-за одного промаха командира гибли солдаты, на войне было немало. А как страшно терять своих товарищей, с которыми ты только что делился куском хлеба и укрывался одной шинелью. К таким потерям невозможно привыкнуть. От того боя у меня как память остался бумажник нашего командира Бугайцова. Я до сих пор ношу его возле самого сердца.

За счастье будущих потомков с боями дошел до Восточной Пруссии, по пути освобождая Таллин, Тарту, Ригу и другие прибалтийские города. Коварное ранение он получил при освобождении островов в Балтийском море: Дага, Эйзель, Узедум и порта Либаво. Это было за два месяца до Дня Победы. Из-за того злополучного осколка немецкой мины солдат долго лечился в госпиталях городов Шауляй и Омутнинска, что в Кировской области. 14 ноября 1945 года Анатолий Тарбеев был уволен в запас.

И как свидетельство славного боевого пути ветерана блещет сегодня на его парадном пиджаке боевые награды. Среди них медали «За отвагу», «За победу над Германией» и другие.

Л.Босколова
Панорама округа.-2008.-18 апр.

НАВОДЧИК

*Сергей Егорович Томилов,
артиллерист, участник Сталинградской битвы,
уроженец с.Кударейка Эхирит-Булагатского района*

Грозные «катюши» на врага наводили ужас в годы Великой Отчужденной войны. Казалось, земля горела, когда начинали бить «катюши», а небо мешалось с землей.

Прошли годы после окончания той страшной войны, но легендарные «катюши», а особенно те, кто воевал на них, и сегодня вызывают чувство благодарности. А воевало на «катюше» обычно семь человек: водитель, командир, наводчик, второй номер и три заряжающих. Сергей Егорович Томилов был наводчиком.

...Детство его прошло в живописной деревеньке Кударейка, а юность, не успевшая толком расцвести, была прервана войной. Только-только ему исполнилось восемнадцать, как пришла повестка с призывом в армию, а точнее на фронт. Был апрель 1942 года.

Недолгие сборы, слезы матери, прощание с любимой девушкой, а

рано утром в путь. До Усть-Орды шли пешком. Ласково пригревало апрельское солнце и не верилось, что где-то идет война.

Только к вечеру добрались до Усть-Орды. Переночевали, а утром новобранцев отправили в Иркутск на формировочный пункт. Затем посадка в эшелоны и отправка в Москву. До столицы добрались лишь через пятнадцать суток, где их снова расформировали. Сергей Егорович в числе других сибиряков был зачислен в артиллерийское училище гвардейских минометов.

- Проучились мы три месяца, - вспоминает Сергей Егорович, - кормили нас довольно-таки скудно, точнее чуть-чуть поддерживали, чтобы не умерли с голода.

В декабре 1942-го учеба подошла к концу, и новоиспеченных артиллеристов зачислили во вновь сформированный 313 гвардейский минометный полк, который отбыл в самое пекло войны – под Сталинград. Здесь, под Сталинградом, решался исход войны. Советская армия перешла в наступление, взяв в тесное кольцо немецкую группировку. Кольцо все больше сжималось, но немцы дрались ожесточенно, удерживая каждую пядь земли. Здесь, в этом пекле, вчерашние курсанты и приняли первый бой.

- Наша артиллерия находилась на расстоянии двух-трех километров от передовой. Замаскированные «катюши» стояли в лощинах, а мы ждали команды «к бою». Ждали, когда разведчики передадут по телефону, где особенно трудно нашим войскам, и куда нужно будет направить удар. В основном «катюши» били по большому скоплению врага и вражеской техники, - рассказывает ветеран. –Только под Сталинградом наша армия уничтожила свыше ста тысяч вражеских солдат. Жаркая получилась схватка...

Хоть молоды были минометчики, но первый, и, наверное, самый трудный экзамен в их жизни, выдержали. Ведь награды за просто так на войне не дают. Медаль «За оборону Сталинграда» для Сергея Егоровича первая боевая награда – самая памятная и дорогая. Хотя, как шутит он: «Нас, артиллеристов, сильно не баловали наградами. Мы свое «отбахали» и ушли».

Закончилась успешно битва за Сталинград. А его полку снова предстоял путь и снова в Москву. Необходимо было отремонтировать технику, пополнить поредевшие ряды минометчиков. Через полмесяца отправление – теперь в Орловско-Курском направлении.

- Мы тогда в обороне Орла стояли, - продолжает свои воспоминания Томилов, - немцы хотели взять наши войска в кольцо, а затем уничтожить. 5 июля 1943 года был дан приказ: «На позиции». А я и еще двое солдат ушли за щавелем. Слышим грохот стоит, мы обратно. Приходим, а наших нет. Давай останавливать первую попавшуюся машину и догонять своих. Догнали. И сразу в бой, на огневые позиции.

Бои были не менее жаркими, чем и под Сталинградом. Помнит Сергей

Егорович как яростно дрались наши. Были большие потери, но к счастью судьба его хранила. За все годы войны - ни одного ранения. Хотя после Орловско-Курского сражения воевал на Центральном фронте. После уничтожения Бобруйской группировки немцев в Белоруссии их полку было присвоено звание Бобруйский Гвардейский Краснознаменный 313 минометный полк. За боевые заслуги полк награжден тремя орденами: Суворова, Кутузова, Александра Невского. Сергею Егоровичу была вручена вторая награда – орден «Красной Звезды». Затем будут и другие – две медали «За отвагу», медаль «За освобождение Варшавы».

Война продолжалась. Наши войска, освобождая города, шли в западном направлении. Белоруссия, Польша, Восточная Пруссия, Восточная Померания – география военных сражений Томилова. Встретил Победу Сергей Егорович в Германии в звании сержанта. Домой вернулся лишь в феврале 1947 года, где его ждала любимая девушка Аннушка. Вскоре сыграли свадьбу. И потекла мирная жизнь.

Л.Горбунова
Панорама округа.-1995.-15 апр.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

*Тарас Башелханович Тухалов,
стрелок, уроженец ул.Тараса Боханского района
Федосья Арефьевна Тухалова,
участница войны с Японией*

Каждый день приближает нас к великой дате- 50-летию Победы. И мы все чаще и чаще вспоминаем те грозные годы и рассказываем о ветеранах войны и тыла. Вот и сегодня наш рассказ о них. Живет в Усть-Орде супружеская чета Тухаловых. Он воевал на Западе, она служила на Востоке. Как в песне известной поется: “Дан приказ ему на запад, ей - в другую сторону...”

Это замечательные люди, сердечные, отзывчивые к чужой беде и радости. В жизни много испытали, вырастили замечательных детей. Итак, наш рассказ о Тарасе Башелхановиче и Федосье Арефьевне.

Тарас Башелханович

Эшелоны шли на запад... С танками и артиллерией, крытыми зеленым брезентом грузовиками, тракторами и лошадьми, с войсками и обозом. Эшелон, где ехал Тарас Тухалов, идет особенно быстро. Фронт ждет, фронт торопит, фронту позарез нужны сибирские полки. Шли бои под Москвой. На каком-то небольшом полустанке у двуногого телеграфного столба с громкоговорителем поезд на минуту остановился. Вести невеселые: наши войска с переменным успехом ведут тяжелые бои «на всех направлениях».

Да, большая беда свалилась на плечи советских людей. И эта беда гонит эшелоны вперед все быстрее и быстрее. Прибыли на станцию назначения под Москвой. Прифронтовая полоса притихла. Ворота, калитки у домов закрыты наглухо. На улице ни души...

Вот так наш земляк зимой 42-го попал в пятую ударную армию, где воевал в 338-й стрелковой дивизии, в третьем батальоне 1136-го стрелкового полка. Здесь, под Москвой, Тухалов, как и все новобранцы, впервые в жизни увидел войну такой, какая она есть. Видел, как воздушные разбойники Гитлера расстреливали совершенно беззащитных жителей деревень. От такой жестокости сжималось в ярости сердце. А ведь ненависти бывший коммунар, а потом колхозник в мирное время за собой не наблюдал. В их улусе Сагараге люди доброжелательны, приветливы, гостеприимны. Без нужды никто обидного слова даже не скажет. Так и работали мирно: убирали хлеб, выращивали мясо, молоко. Мать, Аграфена Шадаровна, на ферме трудилась, в колхозе работал и отец Башелхан Дуранович, находилось дело и Тарасу. Но военное лихолетье простого бурятского парня из усть-ордынских степей забросило далеко на запад, под Москву. Отсюда и началась военная судьба Тухалова.

Трудно рассказывает Тарас Башенхаевич о войне: голос дрожит, на глаза, нет-нет, наворачиваются слезы. Ведь горестный час и минуты радости - все измерено войной, ее мерой, пережитым в то трудное время.

Приходилось Тарасу ходить и в разведку за «языком». Это было под Витебском. Срочно нужен был «язык». Отобрали самых смелых и находчивых. Бойцы долго наблюдали за укреплением противника, надеясь схватить неосторожного врага. Но пришлось принять неравный бой, вступить в рукопашную. Многие погибли, а Тарас получил тяжелую контузию. И все-таки «языка» доставили. После этого грудь отважного солдата украсил орден Славы третьей степени. Та контузия, полученная под Витебском в рукопашном бою, дает знать и сейчас.

За любовь и верность Родине приходилось платить кровью, и Тухалов ни на минуту не сомневался, что может быть иначе. Взять хотя бы тяжелейшие бои за освобождение Минска, в Бобруйском направлении и множество других. Только фронтовик, наверное, поймет, какие мучительные, тревожные дни переживали тогда. Нельзя выбраться из окопа, не знаешь, где подкарауливает тебя смерть. В эти трудные минуты вставала родная степь, колосающееся пшеничное поле, а ветер ласкает колосья. И в эту минуту перед боем казалось Тарасу, что слышит песню колосьев. О, нет. Это уже команда командира. В бой.

Бой под Крюковым начался тяжелый изнурительный. Казалось исчерпаны все силы, испробовано все, а враг по-прежнему напирает, старается выбить их, вытеснить с занятых позиций. Но солдаты вновь и

вновь поднимались в атаку. По пути попадались весенние промоины, высеченные снарядами каменные глыбы. Но Тарас и его однополчане не обращали на это внимания. Думали об одном: ближе подойти к противнику, уничтожить и не дать занять деревню. В этом бою погиб его земляк Михаил Сафьянов. Вместе ушли на фронт, воевали в одном батальоне. Так, в январе 1944-го Михаил и Петр Хамнуев из Алужино погибли, защищая Крюково. Горько оплакивал Тухалов своих товарищей. Война же для него продолжалась. Были бои, новые рейды в тыл врага за «языком». Уже в Польше, заняв деревню Скляна, Тарас Башелханович в числе тринадцати вновь идет в разведку. Командованию нужны были сведения о частях противника, их расположении. «Немцев было около ста человек, а нас всего тринадцать, - вспоминает ветеран - но мы не поддались, перебили фрицев, но и нам досталось. Вернулись в батальон всего трое, с пленным немцем». За доставленные ценные сведения Тухалов был награжден орденом Красной Звезды.

Освобождал наш земляк Польшу, Чехословакию. Войну закончил в Берлине. «С американцами встречался в г. Пархеме. Мне очень они понравились. Такие простые ребята, как и мы. Относились к нам очень хорошо» - говорит он. Домой солдат вернулся в 1947-м. Только одна сестра Татьяна была дома. А мать не дождалась сына, умерла. Долго сидеть дома не пришлось. Надо было поднимать хозяйство. Сразу пошел в колхоз. Мужские руки ценились на вес золота. Где бы ни работал Тарас Башелханович - в колхозе ли, райпотребсоюзе, леспромхозе - всегда к делу относился с душой. Потому и уважали его в коллективе. Теперь ветеран на заслуженном отдыхе.

Федосья Арефьевна

В 1942-м, когда Тарас Тухалов воевал под Москвой, Федосья Ильина поступила в гидрометеорологическую школу. Через полгода тринадцать девушек из 26 по их просьбе направили на военную метеостанцию, что находилась у озера Тасей. Так началась военная служба Федосьи, дочери репрессированного Арефия Иннокентьевича.

До организации колхозов трудолюбивый Арефий с трудом больших усилий выбился из бедняков. Рано вставал, поздно ложился. Не давал покоя домашним. Так в его хозяйстве завелось десять коров, четыре лошади. Расторопный хозяин завел мельницу и молотилку, построил два добротных дома. К организации колхоза он считался кулаком, «мироедом». Нажитое с таким трудом свое добро отдал колхозу, а сам пошел в чабаны. Но в 1938 году по доносу был арестован, как враг народа. И началась для семьи тяжелая жизнь. Жена и дети «врага народа» уважением не пользовались. «Придет бригадир, - вспоминает Федосья Арефьевна - отхлестает мать и скажет: «жена врага народа». Но младший брат отца - Петр Иннокентьевич

работал учителем в Голуметском районе. Он пригласил меня с мамой к себе жить. Младшую сестру Неллю взял другой дядя - Семен и удочерил».

А дочь «врага народа» в трудное для Родины время стала бойцом. С озера Тасей батальон, где служила Ильина, перебросили в Джиду. Здесь обслуживали аэродром. За исключительную аккуратность, четкость в работе Ильину перевели в 247-ю авиационную дивизию. «Полк возглавлял полковник Авдонин, а гидрометеостанцию - капитан Ермаков - вспоминает ветеран. - Помню, когда закончилась война на западе, очень обрадовались. Плясали, пели. Полковник же сказал: «Рано радуетесь. Самураи рядом. Действительно, скоро объявили войну Японии. Я была в то время на метеостанции».

С войсками бурятская девушка дошла до города Цыцыкар. Бои были жестокими и молниеносными. По окончании образцового работника метеослужбы Ильину наградили медалью «За боевые заслуги».

После вернулась Федосья в Голуметь, где жила мать. Возмужавшая, повзрослевшая дочь предложила матери перебраться на родину, в Боханский район. Еще в детстве Федосья мечтала стать учителем.

Очень хотелось учить ребятшек, а тут как раз в Казачинской средней школе учительница ушла в декретный отпуск. Так стала педагогом без специального образования,- продолжает моя собеседница.

Но учиться молодой девушке очень хотелось. С этой целью и перебралась в Усть-Орду. Здесь и встретила своего будущего мужа Тараса Тухалова. Тоже работала в школе, училась заочно в Иркутском педучилище. Только в 1953 году зарегистрировали свой брак. «Свадьбы не было, потому что были бедны» - вздыхает Федосья Арефьевна.

В последние годы Ильина работала в окроно по делам несовершеннолетних. Оттуда ушла на пенсию.

Вот и подошел мой рассказ к концу. Скажу, что супруги воспитали пятерых замечательных детей. Всем дали высшее образование. У Федосьи Арефьевны и Тараса Башелхановича двенадцать внуков. Живут в добротном собственном доме, который построили сами. Несмотря на преклонный возраст (супругам почти по семьдесят), держат корову, куриц, откармливают свинью. Летом выращивают овощи. Тухаловы полны сил, энергии.

Я с волнением слушала их рассказ о войне, их жизни, семье, думала о другой славе - солдатской.

Поклонимся же низко этим замечательным людям. Они украшают нашу жизнь, от общения с ними становимся богаче душой. И пожелаем им, бывшим солдатам, большого счастья, крепкого здоровья.

Ф.Белованова

Панорама округа.-1994.-17 нояб. (№ 83)

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

*Елена Александровна Халматова,
участница Ленинградского сражения,
уроженка с.Хокта Осинского района*

А жизнь складывалась у Елены счастливо. После семилетки — по тем временам с таким образованием были открыты возможности выбора профессии или продолжения учебы — будущее грезилось без единого темного облачка. Тогда сельская молодежь бредила техникой, многие и не помышляли о городских благах, о великих стройках социализма, как ДнепроГЭС или Магнитка. Просто торопились попасть на соответствующие курсы. Так же поступила Елена Халматова, в семнадцать лет впервые покинувшая родной улус, чтобы в неблизком, в ее понятии, Кимильтее, что под Зимой, обучиться профессии комбайнера. Успела получить соответствующую бумажку, которой цены тогда не было, как раз к началу очередной жатвы. Поставили девочку штурвальным к опытному комбайнеру, что творилось в душе юной колхозницы!..

И вдруг в мирную жизнь ворвалось страшное слава «война». За какие-то считанные месяцы ополовинился родной улус, и повседневные заботы легли на плечи женщин, подростков, стариков. Они жили надеждами о скором исходе беды, рассчитывая на победные вести, к чему их исподволь готовили уверения Правительства в предвоенные годы. Так прошла памятная зима, и ближе к теплу с фронта по тяжелому ранению на излечение вернулся бывавший колхозный бригадир Олзой Болотов. Он-то с большими предосторожностями поведал страшную правду о войне (забегая вперед замечу: Олзой Болотов сложил голову при освобождении латышского городка Тукумс, и я побывал на братской могиле, которая в те времена была ухожена и почитаема местными жителями).

Однажды душным июньским вечером на дальнюю заимку прискакал на коне мальчишка с повесткой в военкомат. А поутру ее вдвоем с Анастасией Хамнуевой уже вез на ходке тот же выздоравливающий фронтовик. Он всю дорогу неумело шутил, успокаивал девчонок, а тем невдомек, наоборот, составляли розовые планы, мечтая попасть на войну. Подъехали к Бохану к концу дня, когда в военкомате сворачивали работу медкомиссии, их торопливо осмотрели и привычно спросили, где и что болит... За считанные минуты оформили документы, и две «полторки» с одними лишь пассажирками подались в Иркутск. Недолго продержали их на призывном пункте, и через две недели девушки уже выгружались с воинского эшелона в районе Владивостока. Здесь прошли карантин и опять же комиссию, где к каждой из них обращались коротко: «ВВС или

Морфлот?». Со многими произошел курьез, так как сразу не могли расшифровать, что ВВС - это военно-воздушные силы. Почти три месяца девушки занимались строевой подготовкой, готовились по военным специальностям, а Елену Халматову зачислили в шофера, по-видимому, сыграло роль механизаторское прошлое. Здесь она подружилась с Ксенией Богдановой из Скорохода, что рядом с Боханом. Вдвоем было полегче выдерживать невиданные нагрузки, и в скором времени они уже уверенно почувствовали себя за рулем «полторки». Тем временем состоялась еще одна встреча — с Варварой Москвитиной из Осы, будущей связисткой.

И опять, военная судьба круто переменилась: после срочной погрузки военный эшелон через всю Сибирь пробирается на Запад. Позади остались родные просторы, а вагонные колеса все постукивают безумолчную мелодию, пока не выгрузились на узловой станции Рузаевка на территории Мордовии, где окончательно сформировалась их часть.

Зима застала их на берегу Ладожского озера, через которое осуществлялась кое-какая связь с блокадным Ленинградом. Долго ждали, пока окрепнет лед, но единицы смельчаков, соорудив наподобие санок, изредка прорывались к городским окраинам, иногда возвращались, везя изможденных детей. Круглосуточно слышалась канонада, гудели над головами самолеты противника, бросая над городом многотонные бомбы, что приводило в тихую ярость наших бойцов, которые не могли пока помочь ленинградцам.

В первый рейс боец Халматова отправлялась в составе группы из трех «полторок». Два других экипажа уже понескольку раз ходили по Ладоге и чувствовали себя поувереннее, потому поставили ее машину посередине, перед тем наказав сопровождающему бойцу беречь их сестричку. Вначале страх спрятался где-то близко, все внимание было приковано к передней машине, с трудом сохранялась нужная дистанция. Исподволь, как-то незаметно лед ожил, начал извиваться, издавая скрипящие вздохи. Передняя машина завилыла, открылась дверка и показалась ушанка шофера, теперь действовали по инструкции: «одна рука на открытой дверке, одна нога на подножке»... Это чтобы успеть в случае чего выскочить из машины и остаться в живых. На блестящей поверхности льда были расставлены вешки, чтобы не заблудиться, и стали попадаться девушки-регулирущицы, обдуваемые всеми ветрами. Изредка виднелись палатки с ярким медицинским крестом.—Им-то каково приходится! — посочувствовала боец Халматова, до боли в ладони сжимая баранку «полторки», забывая об онемевших пальцах левой руки, придерживающих на обжигающем ветру дверцу кабины.

Вдруг в душу заполз холодный страх, одновременно боковым зрением заметила, как регулировщицы резче замахали флажками, с ближайшей па-

латки выбежали женщины в белых халатах. Послышался глухой шум, низко над ними пролетели самолеты с крестом, не пожелавшие тратить бомбы на редкие машины с грузом.

До места назначения добрались благополучно. В глухой темени хорошо не рассмотрели встречающих людей, так как их позвали греться в какое-то полуразвалившееся здание. Когда вернулись, погрузка уже заканчивалась. Что за груз — им было неизвестно, лишь заметили, как бережно складывают на кузове замотанные продолговатые узлы. Тот же молчаливый сопровождающий сел в кабину — и опять дорога по льду, свет фар лишь выхватывает борт передней машины, да были заметны нескончаемые огоньки встречного транспорта. Обратная дорога показалась совсем близкой, и вместе с мутным рассветом они достигли расположения своей части. Боец Халматова, поставив «полторку» под разгрузку, хотела уже идти спать, но какое-то чувство удержало ее на несколько минут, и тут с ужасом увидела, что везла обмороженных блокадных детей, не способных даже пошевелиться.

За ту долгую зиму 1943 года помногу раз приходилось бойцу Халматовой и ее землячке бойцу Богдановой пересекать Ладогу по дороге жизни. Почти все пальцы левой руки была обморожены, но эта боль была ничтожна с болью души, которая разрывалась от жалости к жителям блокадного города. Теперь за рейс вывозили их большегрузные ЗИСы, а «полторки» девушек старались больше использовать в расположении части. Постоянные же потери личного состава заставляли командиров отправлять их опять на ледяную трассу, где фашистские самолеты не пропускали без обстрела даже одинокие машины. Давно потеряв счет кошмарным дням, редко забывались лишь коротким отдыхом. Если случалось быть вместе с единственной подругой Аней Путиловой, у которой от красивого цыганского лица остались одни глазища, обрамленные густыми ресницами, то разговор заходил обычно о доме, и они загадывали о конце войны. Часто украдкой ревели по поводу вестей от родных или гибели близких им людей, иногда плакали без всякого, казалось, повода. И едва ли бойцы в юбках считали себя и своих однополчан героями. Просто в силу своих возможностей тянули тяжелую лямку войны, больше переживая за тех, кому приходилось, по их понятиям, еще тяжелее.

Всему приходит конец, как и блокаде Ленинграда, но война продолжается. Их часть последовала на западном направлении, а бойца Халматову с подругой перевели в район Кронштадта, где пришлось охранять военный аэродром, расположившийся на большом кладбище. Боевые действия шли все дальше и дальше, но еще долго доносился гул дальнобойных орудий, - так же в любое время поднимались в воздух наши самолеты и многие не возвращались обратно на аэродром. Случались и

радости. Кто бы предположил, что фронтовые дороги приведут к встрече в Кронштадте землячек Елены Халматовой, военного шофера Ксении Богдановой и радиста Варвары Москвитиной, путь которых пролегал с Владивостока до Ленинграда.

Победный май встретили в том же Кронштадте, где пришлось служить еще несколько месяцев, пока их с недельным пайком и небольшой суммой денег не отправили на проходящем «товарняке» на Восток. Демобилизованные бойцы несколько суток добирались до Кирова, где навсегда простились с Аней Путиловой, и вдвоем с Ксенией Богдановой почти полтора месяца ехали до станции Черемхово, чтобы через Ангару быстрее попасть домой. Эйфория от победы помаленьку проходила, стали замечать, что как-то не к лучшему, изменились отношения к женщинам-фронтовичкам: молва причислила их чуть ли не к баловням судьбы, словно люди не видели, что многие из них искалечены физически, опустошены духовно, потеряли семьи и близких людей.

...И все же жизнь у Елены Халматовой, как она сама считает, сложилась счастливо: выжить в такой войне не каждому удастся. До выхода на пенсию трудилась в родном колхозе, снискав большое уважение и почет. Сейчас верховодит большой семьей из детей и внуков. Все такая же красивая и статная, неподвластная прожитым годам. В этом году произошли два памятных события в её неугомонной жизни. Вместе с участником войны из Осинского района поправила здоровье на курорте Аршан. Сколько было воспоминаний и встреч, словами не передать! Не забыть и встречу у районной администрации, посвященной 50-летию освобождения Ленинграда, где повидались в очередной раз с Варварой Тимофеевой, долгие годы носящей фамилию Коршунова.

Уходя от Елены Александровны, я мысленно поблагодарил судьбу за встречу с такой удивительной женщиной.

Л.Павлов

с.Хокта Осинский район
Панорама округа.-1994.-23 авг. (№56)

НЕЛЕГКА ТЫ, СЛУЖБА СОЛДАТСКАЯ...

*Дмитрий Хамаганов,
пехотинец стрелковой дивизии,
уроженец с.Ново-Ленино Осинского района*

Свои воспоминания о фронтовых путях-дорогах прислал в редакцию ветеран войны и труда из Ново-Ленино Осинского района Дмитрий

Хамаганов.

- Наша 49-я армия участвовала в наступательной Восточно-Прусской операции по взятию Кенигсберга. Это была последняя цитадель Гитлера перед штурмом Берлина. Восточная Пруссия была укреплена еще до начала Великой Отечественной войны. А после поражения под Сталинградом ставка вермахта решила модернизировать ее полевыми сооружениями и противотанковыми заграждениями. К тому же мощному укреплению крепости способствовал рельеф местности. Труднопроходимые болота, озера, реки, холмы, особенно в районе Мазурских озер, представляли собой естественную преграду для наших войск.

Здесь были задействованы 1-й и 2-й Белорусские, 1-й Прибалтийский фронты и Балтийский флот, по численности значительно превосходившие операцию под Берлином, поскольку глубина обороны доходила до 80 километров.

И вот настал день, час наступления. Чуть забрезжил рассвет, по всему фронту ударила наша артиллерия, сотни тяжелых бомбардировщиков пролетали со смертоносным грузом над нашими головами. Минуты не проходит, чтобы не гудела и не дрожала земля от взрывов. Казалось, что наступил конец света.

Вслед за артиллерийской подготовкой на штурм ринулись танки с автоматчиками, стрелковые дивизии.

Перед штурмом Кенигсберга командующий 2-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский собрал всех командующих танковыми армиями из всех родов войск и поставил задачу - сходу овладеть городом.

Согласно приказу, в 2 часа ночи все войска, кроме пехоты, были сосредоточены для взятия Кенигсберга. Этот немецкий городок с высокими домами, узкими темными улицами оказал яростное сопротивление. Мы, оказавшись без поддержки пехоты, в эту ночь должны были отступить, понеся большие потери.

На другой день нам удалось все же сломить сопротивление противника и ворваться в город. И вот мы, автоматчики, ночью идем по поверженному Кенигсбергу и встречаемся со своими экипажами. Возле одного танка лежат четыре героя-танкиста. Жутко было смотреть на их останки, тела их настолько обгорели, что трудно было представить, что недавно это были живые люди. Идем дальше - видим сгоревший танк командира полка Афанасия Алексеевича Пивоварова.

Неприступная хваленая крепость горела, улицы и площади непроходимы, везде воронки от авиабомб, кругом одни развалины, разбитая техника, останки животных и людей.

Сколько здесь погибло наших бойцов, молодых, отважных и бесконечно преданных воинскому долгу и отечеству? Тут сложили головы

замечательные патриоты нашей Родины: рядовые и командиры стрелковых рот, в том числе и наш командир десантного взвода автоматчиков тяжелого танкового полка гвардии лейтенант Юрий Пахомов.

Пахомов был одним из моих боевых товарищей. Все мы жили дружно. И в атаки не раз ходили вместе, и табак да хлеб-соль делили, и под одной шинелью спали на снегу в мерзлых окопах. Служил я у него в посыльных, он по нации якут, а я - бурят. И эта весть о гибели командира оглушила меня. Некоторое время я не понимал, где нахожусь, и что со мной происходит. Ведь только что мы стояли рядом, только что он пожимал мне руку. Может, думал я, как и ранее под Нарвой оглушен, контужен. Не может быть, чтобы погиб. Но тут подбежал еще один автоматчик и подтвердил, что лейтенант убит.

Что делать? Война есть война. Наш 7-й гвардейский механизированный танковый Ломжинский полк получил приказ в срочном порядке передислоцироваться. И так мы оказались за Вислой, в красивейших местах Восточной Пруссии, где немного отдохнули и двинулись дальше, на Одер, соединившись с другими частями наших войск.

За беспримерное мужество и отвагу, проявленные в боях при штурме Кенигсберга, многие мои однополчане отмечены боевыми наградами, около двухсот человек удостоены звания Героя Советского Союза, а сам лично награжден медалью «За взятие Кенигсберга». Сейчас этот город переименован в Калининград, там установлен прекрасный обелиск в честь советских воинов - освободителей.

Панорама округа.- 2004.-20 февр. (№ 34-35)

ДВЕНАДЦАТЬ ПОВЕРЖЕННЫХ «МЕССЕРОВ»

*Федор Хадеевич Хамнаев,
командир зенитного орудия,
уроженец Эхирит-Булагатского района*

Мессеры (мессер-по немецки нож) шли с юга штормовыми валами. За ними «Юнкерсы», «Хейнкели», «Фокке-Вульфь». Хищные плоскости мрачно чертили лазурь апреля. Люфтваффе рвались к беззащитным позициям пехотинцев.

Два дня свирепствовали гитлеровские летчики на этом участке подступов к Перекопу. Случилось так, что мотострелковые части, заняв передовую, оказались без зенитного прикрытия. И вот наступило третье тревожное утро.

Первая эскадрилья самолетов черными клинками сверкнула над окопами. Фашисты даже не сделали круга для захода на цель — так здорово

пристрелялись. Следом завывли в пике «Юнкерсы-87». Первый атакующий эшелон полностью включился в привычную смертоносную работу.

Очередной «Юнкерс» вошел в крутое пике. Густыми каплями сорвались с него бомбы. Их ужасающий свист гнет к земле все живое, леденит душу. Ничто, кажется, не может устоять перед летящими тоннами смерти. Стервятник торжествует победу!

И вдруг — пехота глазам не поверила! — «Юнкерс» врезался в землю. Столб грязного дыма взвился в небо. Боевой порядок фашистских самолетов от неожиданности смешался. В минуту растерянности и затишья отчетливо слышалась лающая скорострель зениток.

Словно нехотя, чрез правое крыло, отвалил, дымясь, к земле первый «Мессершмитт». За ним — второй. Немцы опомнились. Часть их пошла в атаку на зенитки, укрытые в чахлах кустарнике. Бой завязался с новой силой.

...Всю ночь перед боем зенитки провели на марше. Приказ был жесткий: к рассвету прибыть на передовые позиции. Слякоть и темень усложняли задачу. Курить запрещалось. Прибытие зенитных батарей должно быть для врага неожиданным. Советское командование стремительно стягивало силы для штурма Перекопа.

Маленькой частицей этой силы был и Федор Хамнаев. Он, гвардии рядовой, командовал 37-миллиметровым зенитным орудием. Никогда паренек из-под Усть-Ордынского не думал стать командиром-артиллеристом. Судьба, казалось, с самого начала уготовила ему другую участь.

Родился он за год до Октября. Но военную форму надел лишь в грозном сорок первом. На него распространялась бронь: работал на ПВРЗ в Улан-Удэ строгальщиком высшего разряда. Федор отлично разбирался в механике, природно определял нужную точность в обработке деталей. В дальнейшем, в зенитном деле, это интуитивное чувство точности ему очень пригодилось.

В артиллерию Хамнаев попал сразу, но... шофером. Первый бой принял у деревни Валуйки (ныне города) на Харьковщине.

Старый солдат открыл комод, достал наградные удостоверения. Достал и свой партийный билет. В нем, в графе «Время вступления», записано: «Июль, 1944». Федор Хадеевич задумчиво взгляделся в запись, и мне показалось, стекла его очков странно блеснули.

- После Перекопа приняли, — обронил он. — От Сталинграда до Берлина комсоргом был, — И опять надолго замолчал.

Да, вот она, память солдатская. Редко фронтовик тревожит ее. Но уж коль коснется — не скоро схлынут воспоминания. Двенадцать вражеских самолетов. Вроде не так и много, а сколько жизней это стоило. Счастливая

звезда вела всю войну Федора - ни одного ранения. Но душевные раны порой не легче физических.

Уже в этом, первом бою, чуть дважды не погиб. Он отошел поднести снаряды к «сорокапяткам», когда его «Виллис» разнесло прямым попаданием. Разбитая батарея отступила под натиском врага, оставив на поле боя обе уцелевшие пушки. И тут Федор впервые проявил личную отвагу.

Комбат Иванов 1243-го истребительного противотанкового артиллерийского полка в бинокль все отчетливо видел. Юркий «Виллис» (его позаимствовал Федор у раненого шофера) осторожно пробирался ложиной. Густой кустарник надежно скрывал его. В этой же чаще прятались и «сорокапятки». Хамнаеву оставалось до них метров пятьдесят, когда появился вражеский танк.

«Все погибло!» — комбат на секунду опустил руки. А когда вновь поймал в бинокль цель, то ахнул. Немецкий танкист деловито стучал по броне молотком и зубилом. Рядом остановился второй танк. А в полусотне метров сгорбленный от напряжения советский солдат цеплял за крюк «Виллиса» пушку. Их разделял гнувшийся на легком ветру кустарник.

Рядовой Хамнаев благополучно увел из-под носа немцев пушку. Затем, уже с товарищами, отправился за второй. Вывез и ее. Так он был посвящен в воины.

Посвящение в артиллеристы состоялось в Сталинграде. Там, в этой смертельной битве, каждый человек сражался за двоих, троих — за себя и за павших. Водитель Федор Хамнаев крутил баранку, подносил снаряды, заряжал пушку. Из Сталинградской битвы он вышел четвертым номером 37-миллиметрового зенитного орудия 270-го гвардейского зенитного артполка.

К Перекопу Федор пришел командиром орудия. Прежнего командира убило в одном из ожесточенных боев. Федор на ходу заменил его, и полковое начальство посчитало, что сделал он это умело.

Советское командование стремительно стягивало силы для штурма Перекопа. В задачу 270-го зенитного входило обеспечить прикрытие с воздуха наземным частям.

И вот он бой — с озверевшей фашистской армадой. Немцы находились в более выгодном положении. Чахлая растительность Перекопа не служила для пушек надежной маскировкой. Летчики отчетливо различали нервные хоботки зениток, ловкие фигурки расчетов.

Гитлеровцы ринулись в атаку с истинно немецкой скрупулезностью. «Юнкерсы-87» взяли на себя массированную бомбардировку из пике, «Мессершмитты» — истребительные бреющие полеты.

На долю орудия Федора Хамнаева достался, видимо, настоящий ас. Зная, что зенитка не может бить настильным огнем, он мастерски прижимал самолет к самой земле, уходил из зоны обстрела и прицельно бил из

пулемета.

После двух заходов осталось из восьми человек расчета трое: сам Хамнаев — командир, второй номер Булувинец Андрей, третий номер Опалей Павел. Эти трое воевали вместе уже год и понимали друг друга с полуслова.

Федор ясно представлял, что больше двух следующих заходов они наверно не продержатся. Но и обычным путем немца не взять. Единственный шанс — сбить машину на вираже. Это - порядка километра. Дальность боя зенитки — полтора. Поэтому снять немца можно только снайперским выстрелом. Спасет только высокое мастерство.

«Мессер» пулей несся на цель. В лучах взошедшего солнца он почти не фиксировался глазом. Бойцы приникли к земле.

Очередь!

Вторая.

Третья.

Мимо!

Фашист уходил на вираж. Бойцы повскакали с мест. Бешено заплесал ствол зенитки, лоя цель. На миг застыл, словно жало, — раздалась короткая очередь. Кажется, мимо. Скорей. Враг уходит из зоны обстрела. Еще очередь!

Видели вы, как неумелый лыжник врезается носом в снег с крутизны? Вот также врезался и тот «мессер». Отлетелся хваленый ас.

Три самолета сбила в том бою зенитка Федора Хамнаева. Сам он был удостоен ордена Красной Звезды.

Взят Перекоп, за ним — Сапун-гора, освобожден Севастополь. И еще много прошел фронтовых верст гвардии рядовой Хамнаев, прежде чем встретил победный май на Одере. Вместе с ним встретили победу и два друга — Булувинец из Ворошиловграда и Опалей из Благовещенска. На груди каждого — ордена Красной Звезды, медали.

Ныне еще бодр Федор Хадеевич. Сейчас он — старший чабан. Не так давно освоил эту профессию, но уже получал по 113 ягнят на 100 овцематок. Нынче у него первоярки — 514 голов. Столько же и ягнят будет.

— Это мой подарок съезду, - говорит он.

С фронтовых лет привык отчитываться перед партией.

П.Шабрихин.

ул.Егоровщина Эхирит-Булагатского района

Знамя Ленина.-1971.-11 марта (№30)

СОЛДАТ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

(Из воспоминаний Ефрема Ханарова, бывшего бронбойщика)

отдельной роты ПТР 854 стрелкового полка 277 стрелковой дивизии)
Ефрем Ханаров,
бронбойщик стрелковой дивизии,
уроженец ул.Шетхулун Баяндаевского района

854-й стрелковый полк после освобождения Спас-Деменска 13 августа 1943 г. с боями шел на запад, освобождая от немецко-фашистских войск белорусские села и деревни. 28 сентября 1943 г. был освобожден г. Мстиславль. Враг упорно сопротивлялся. Преследуя его, отдельная рота ПТР под командованием капитана Осипова уже двое суток непрерывно вела бои с противником, прикрывая отход основных сил, и получила боевую задачу - перерезать железную дорогу Кричев - Орша.

Противник встретил наш взвод бронбойщиков шквальным огнем на 87 разъезде. Это между станциями Ходос и Темный лес, в 35 километрах от города Мстиславля.

Разразился жестокий бой за безымянную высоту, находящуюся по ту сторону дороги. Мы выбили немцев с этой высоты и заняли разъезд полностью. Очистили от врага большое, кирпичное красное здание стоявшее чуть дальше высоты, по правую сторону дороги.

Начались контратаки, во второй половине дня противник начал расстреливать нашу сопку разрывными пулями из крупнокалиберного пулемета ДШК. Одна из пуль попала в голову моего боевого товарища - Геннадия Горячева, русского парня, 1924 года рождения, из города Улан-Удэ.

Траншея нам досталась неглубокая, но на самой высоте была землянка, которая иногда служила нам укрытием.

Я, - сидя в траншее, заряжал винтовку, в это время Геннадий из-за моей спины прошел вперед. Я успел крикнуть ему: «Геннадий, пригнись!», как в то же мгновение он сел ко мне на колени.

Сколько же до этого и потом пало моих боевых друзей — трудно пересчитать.

Бой шёл весь день. В этом бою отличился Иннокентий Михайлович Соскинов, бурят из Удэ-Удэ. Он был ранен в руку, но не покинул поля боя, сражался вместе с нами до последней минуты, когда на этой высоте оставались всего три человека. Вечером, когда немец поджег деревянный дом на высоте рядом с нами, в траншее стало светло как днем.

В это время прибежал солдат Ефимов со стороны горящего дома и скомандовал, чтобы мы покинули траншею.

Спускаясь вниз к железной дороге, я потерял остальных и тут же заметил в темноте шедшую на меня группу немцев в количестве 7-10 человек. Не было у меня ни гранаты, ни автомата. Сколько было патронов в

винтовке — не помню. Я юркнул в будку стрелочника, и немцы прошли в одном шаге от меня. В будке лежал еще теплый труп нашего воина.

Кончались третьи сутки, как мы не ели, так как тылы отстали от наших передовых отрядов преследования, а к разъезду, очевидно, никто даже не мог подойти. Голод и усталость после трехдневного боя взяли свое. И я не помню, как заснул в этой будке стрелочника. Когда проснулся, было уже светло, и на разъезде не было никого: ни наших, ни врагов. Взяв оружие убитого в будке солдата, я с двумя винтовками направился в деревню около разъезда, где в лесу нашел свой полк и свою роту. К этому времени я уже был исключен из списков роты, как убитый во вчерашнем бою и снят с котлового довольствия.

Солдаты главные люди войны. Солдат привыкает ко многому: свисту пуль, вою снарядов и мин, грохоту разрывов. Бывалый солдат знает, куда летит снаряд: на него или дальше. Я не помню, чтобы кто-нибудь сказал: «Я мерзну». Мы никогда не имели крыши над собой и не просили валенок. До чего же был никудышный немецкий солдат, если выражение «русская зима» Гитлер, называл «психологически опасным» и подлежащим изъятию из употребления. Под Новый 1944 год, майор А.Р.Базарный вел 854-й стрелковый полк к Витебску, была ночь, и шел густой снег. Он остановил полк в лесу на привал. Не прошло и минуты, как мы уже спали на снегу. Когда двинулись вперед, я с трудом встал на ноги: немало снега навалило на нас. Не просыхали по несколько суток подряд и в период дождей.

Как это «спать на ходу?» А спали. Значит, уставали. Однажды чуть не слетел с обрыва. Уже в полупадении проснулся. И спали на ходу часто по несколько сот метров.

Кто сейчас поверит тому, что я однажды в походе действительно выбросил свою иголку. Стало легче. А что такое маленькая солдатская иголка во сравнении с моим противотанковым ружьем (16 кг), боевыми патронами к нему, противотанковой гранатой, противогазом, малой саперной лопатой, скаткой шинели, плащ-палаткой, вещевым мешком, с котелком и ложкой и другими предметами?

Да кто сейчас поверит тому, что после 3 месяцев непрерывного пребывания на передовой линии меня 10 апреля 1944 года послали на фронтовые курсы младших лейтенантов. Тогда они находились в лесу, у шоссе на дороге под городом Ярцево Смоленской области. Человек больше года не видел подушки. А тут, в Ярцево, в землянках и подушки, и белоснежные простыни под тобой и над тобой. Так вот, в первую ночь не мог заснуть, пока не встал и тайком не пронес мимо дневального два больших полена, заменив которыми подушку, заснул крепким солдатским сном.

Однажды вод Оршей мы пошли в атаку на одну большую высоту.

Немец хорошо сидел там и встретил нас сильным и дружным пулеметным огнем. Нас было мало, мы не дошли до немцев и залегли. Через две-три минуты шинель моя промокла насквозь и белье прилипло к телу. Я пытался повернуться на бок, немецкий пулемет в ту же секунду прострочил по мне. Назад двигаться было бессмысленно, ибо до кустарников было приличное расстояние, враг все равно расстрелял бы нас. А идти вперед, в атаку, у нас не было людей и никто к нам на подкрепление не шел, и даже артиллерия почти не вела огня по позициям немцев на высоте. Так мы и продолжали лежать в слякоти,

Остались лежать с утра до вечерних сумерек, и когда вечером из кустарников раздалась команда: «Кто есть живой — назад, ко мне!» то я не мог встать на ноги. И, вставая, опять падал, до тех пор, пока не смог сначала удержаться на ногах, а потом уже идти. Через сотню-двести метров, как ни в чем ни бывало, пришли в расположение роты.

Через два года после войны, когда в конце 1947 года разрешили первые отпуска офицерам из Калининградской области, я приехал на родину, в родной Шетхулун Баяндаевского района.

В.Бартуев

Панорама округа.-2000.-29 апр. (№ 52-54)

СТАЛИНГРАД, ТЫ ВСЕГДА В МОЕЙ ПАМЯТИ

*Иннокентий Никитович Хандархаев,
участник Сталинградской битвы,
уроженец с.Идыга Эхирит-Булагатского района*

Когда человеку под восемьдесят, он становится сентиментальным и предается воспоминаниям. А память услужливо высвечивает те особенно яркие моменты из жизненной книги, которые прошли через душу и сердце.

Иннокентию Никитовичу Хандархаеву нынче исполняется семьдесят девять. Его, совсем молодого, со школьной скамьи вместе с другими одноклассниками из Усть-Ордынской ШТМ (школы трудовой молодежи) призвали на военную службу. Это случилось в начале 1942 года.

И как тут водится, судьба его военная привела в Забайкальское пулеметно-минометное военное училище, которое тогда находилось на станции Дивизионная, возле Улан-Удэ. Здесь рядом с ним военную подготовку проходили земляки-сверстники из Кукунута, Идыги, Усть-Орды. Проучившись шесть месяцев и получив звание сержанта, Иннокентий направляется в Свердловск, где формировалась 308-я сибирская стрелковая дивизия.

И вот отсюда можно вести отсчет его фронтовой биографии. Вооруженные противогазом и саперной лопаткой, молодые солдаты эшелонами прибывают в Саратов. Тут их довооружили противотанковыми ружьями, дали необходимый боекомплект, определили конкретно по ротам и в срочном порядке отправили в Сталинград.

Молодые, безусые бойцы, еще ни разу не нюхавшие пороха, воодушевленные победой под Москвой, рвались в бой. Враг тогда еще был силен и во что бы то ни стало хотел овладеть Сталинградом. Поэтому все подступы к городу жестко охранялись и контролировались. Особенно зорко следили с воздуха. И случилось так, что эшелон Иннокентия, не доезжая до Сталинграда, где на середине пути попал под бомбежку.

«Что тут творилось! - вспоминает Иннокентий Никитович — вагоны горят, спрятаться негде, кругом стоит грохот от разрыва бомб, дым, огонь. А сверху тучи самолетов спускаются почти до земли и в упор из пулеметов расстреливают беззащитных бойцов. Мы успели сделать несколько выстрелов из своих ПТР-ов, но ничего не добились...»

Вот таким образом противотанковый дивизион, где теперь служил Иннокентий, получил первое боевое крещение. Но надо было двигаться дальше, к Сталинграду. Командиры, кое-как собрав бойцов и распределив поротно, дали команду в пешем строю двигаться вперед. И что самое мучительное - продвигаться ночью, так как днем было невозможно.

Но как бы трудно ни было, бойцы добрались до города. А тут сразу поступил приказ: переправиться на правый берег Волги. И бойцы с ходу на плотках, лодках и подручных средствах стали переплывать на ту сторону. Немцы обнаружили переправу и вновь стали бомбить. Многих тогда приняла великая русская река на вечный покой.

Но, несмотря на непрерывную бомбежку противника, сибиряки и моряки-дальневосточники, которых придали дивизии для подкрепления, зацепились за берег и вышли к намеченным оборонительным позициям. Недолго пришлось сидеть бойцам в обороне. Вскоре был определен день наступления. И по сигналу трех желтых ракет сибиряки пошли в атаку. А перед этим велась двухчасовая артподготовка. Вот где пришлось Иннокентию воочию убедиться в страшной силе наших прославленных «Катюш».

«Такого я еще не видел, - рассказывает Иннокентий Никитович — земля дрожит, впереди все охвачено огнем, стоит сплошной гул». Конечно, после такой огневой подготовки в атаку идти было заметно легче. Однако гитлеровцы яростно защищались. Поэтому сибирякам и дальневосточникам несколько раз приходилось подниматься в атаку. И на третьем порыве Иннокентия ранило осколком снаряда. Когда бой закончился, в его роте осталось всего четверо бойцов.

На этом, можно сказать, сталинградская эпопея Иннокентия была закончена. Три с лишним месяца пролежал он в госпитале. За это время была окружена и взята в плен армия фельдмаршала Паулюса. Гитлеровцы несли большие потери и в живой силе, и в технике, вооружении, откатившись далеко на запад.

После излечения Иннокентий вновь вернулся в строй, но уже в другую часть. В селе, где он находился в это время, формировался 91-й Краснознаменный полк войск МВД по охране железной дороги. Из этого полку Иннокентий снова возвращается в Сталинград, но не надолго, проездом.

Дальше его фронтовой путь проходит через Северный Кавказ, Калмыкию, город Армавир Краснодарского края и Ростов-на-Дону. В последнем Иннокентия переводят в особый отдел полка, и победные залпы он встречает в Румынии.

Вернувшись с фронта домой в 1946 году, Иннокентий Никитович, несмотря на инвалидность, трудится в родном колхозе. Более пятидесяти лет он проработал в хозяйстве, женился, вырастил вместе с супругой троих детей.

Сейчас Иннокентий Никитович живет и здравствует в родной Идыге, нянчится с внуками и правнуками и с нетерпением ждет своего большого праздника — Дня Победы.

Земной поклон тебе, старый солдат, здоровья и долгих лет жизни!

В.Бартуев

Панорама округа.- 2000.-8 апр. (№ 40-41)

СТАЛИНГРАДЕЦ НА КУРСКОЙ

*Николай Ефимович Ханхаров,
командир стрелковой роты,
участник Сталинградской, Орловско-Курской битв,
уроженец ул.Тараса Боханского района*

Николай Федорович Ханхаров 1920 года рождения, уроженец улуса Тараса, старший сержант, командир отделения 1-й роты 700 стрелкового полка 204 стрелковой дивизии. В Отечественной войне участвовал с 19 октября 1942 года в составе Сталинградского фронта, дважды ранен: 23.11.43 и 6.07.44 года-тяжело.

Летом 1942 года Ханхарову Н.Ф., бывшему сталинградцу, пришлось участвовать в сражении на Курской дуге, которая состояла из шести фронтов: Западный, Брянский, Центральный, Воронежский, Степной и Юго-Западный.

Николай Ханхаров был командиром отделения 1-й роты. Здесь, на Курскую дугу, он пришел бывалым, хорошо обстрелянным бойцом. Молодое поколение стрелковой роты, гордилось, что с ними рядом сталинградцы, и с особым интересом слушали их рассказы.

Н.Ф.Ханхаров, как и многие другие командиры и солдаты, прошедшие на берегах Волги, среди развалин Сталинграда, охотно делился опытом, умело обучал молодых.

С Орловско-Курского направления фашистское командование решило повести наступление, окружать и уничтожать войска Центрального и Воронежского фронтов. Они рассчитывали на внезапность, применение новых танков «Тигр», «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд». Операции было присвоено новое кодовое название «Цитадель».

Но из этой затеи у них ничего не вышло, ибо советские войска, подкрепленные тоже новыми самолетами, танками и знаменитой «Катюшей», дали мощный отпор противнику, и пошли в наступление.

Орловско-Курская битва началась с 4 по 5 июля 1943 года,- рассказывает Н.Ф.Ханхаров — Ровно в 2.30 ночи наши артиллеристы из всех орудий открыли ураганный огонь по позициям немцев. Земля дрожала, стоял сплошной гул. Мы, находясь в окопах, думали, что немцы бомбят нас, но оказалось наоборот. Наши опередили наступление противника и провели мощную огневую подготовку. В результате наступательный порыв врага был значительно ослаблен. И, тем не менее, после этого началось ожесточенное сражение. Сколько самолетов в воздухе, сколько танков на земле, сколько солдат с обеих сторон приняло участие, сколько людей погибло — просто вспомнить страшно.

В этот страшный момент, командир отделения Николай Федорович находился со своей ротой на первой линии обороны. И по сигналу красной ракеты его рота поднялась в контратаку. Земля дрожала от взрывов. Слева и справа шли танки и самоходки, бомбила авиация, гремела артиллерия, строчили автоматчики старшего сержанта Ханхарова. Почти больше половины полегли в этом сражении, но никто в этих тяжелейших условиях не дрогнул. Сила духа и вера в победу у наших бойцов были поразительными. И поэтому, наверное, эта историческая битва на огненной дуге была выиграна. После тридцати одного боя наши войска по всему фронту перешли в наступление. Победа под Курском явилась плодом воинского подвига и самоотверженного труда советского народа, в честь которого прогремел 5 августа 1943 года первый салют!

В дальнейшем Н.Ф.Ханхаров участвует в операции «Багратион» в Белоруссии. Здесь Николай Федорович был вторично тяжело ранен. Эти раны до сих пор не дают покоя ветерану.

За мужество и храбрость, проявленные в боях, он награжден орденами

Славы 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и другими юбилейными медалями.

Вернувшись с фронта домой, Н.Ф. Ханхаров заканчивает педагогический институт и более 40 лет работает учителем в школе. Сегодня, являясь пенсионером и находясь в преклонном возрасте, ему 83 года, Николай Федорович по возможности старается быть полезным обществу.

Н.Александров,
ветеран войны
Панорама округа.-2003.-116 июля (№98)

ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД

*Спас Васильевич Ханхатов,
пулеметчик,
уроженец у.Ирхидей Осинского района*

В стороне от больших дорог, на двух холмах, которые чем-то напоминают причудливо изогнутый лук, лежит улус Ирхидей. Приземистые, добротные дома издали похожи на колчаны, из которых телевизорные антенны, как наконечники стрел, вспарывают бездонную синь весеннего неба.

В этом улусе родился и вырос Спас Васильевич Ханхатов. Рано кончилось его детство. Шестнадцатилетним подростком пришел Спас в скотоводческий совхоз «Адуша-Ажал», что в переводе означает жизнь скотовода. Около четырех лет проработал на лошадях, а когда в 1937 году появились первые тракторы, Ханхатов стал одним из первых трактористов Ирхидея.

Но над миром уже скапливались черные тучи. Коричневая чума уже начинала бродить по Европе. Муссолини оккупировал Абиссинию, франксистские фашисты подняли путч против свободной Испании. Японские империалисты готовились проверить мощь Красной Армии на Дальнем Востоке. И в октябре 1937 года Спас Ханхатов призван в армию Боханским РВК. Спас попал в 11-й Бурквполк.

Немногословному Спасу служба пришлась по душе. Он даже подал рапорт о зачислении его в школу младшего комсостава на имя своего комэска старшего лейтенанта Фомина Ивана Ивановича. Рапорт был подписан, но строгий медицинской комиссии Спас не прошел, подвело зрение.

А через восемь месяцев полк был переведен в город Псков. А Спас, в связи с ухудшившимся зрением был демобилизован. Проводив воинский эшелон, Спас стал собираться домой. Недолги сборы солдата. Получив проездные документы, накинув на плечи походный вещмешок, он возвращался в родной улус. Здесь его ждали мать, братья и его «стальной конь». Руки уже тосковали по работе.

Недолго проработал в родном колхозе Ханхатов. Японцы, обломав зубы о твердость советских укреплений у озера Хасан, развязали в конце мая 1939 года в районе Халхин-Гол новый вооруженный конфликт. Верные своему интернациональному долгу, советские войска пришли на помощь Монгольской народной армии.

В июне Спас Ханхатов снова одел погоны. На крутых перевалах Монголии подвозил к передовой боеприпасы. Неоднократно его машину атаковали японские летчики. Но каким-то шестым чувством он разгадывал маневры врага.

После разгрома японцев в конце сентября Ханхатова снова демобилизовали, а через четыре месяца в январе 1940 года третий раз, уже окончательно, он был зачислен в 311-й стрелковый полк, который дислоцировался на станции Мациевская Забайкальской железной дороги.

Здесь, вечером 22 июня, он услышал голос Москвы, возвестивший о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. На имя командира части посыпались докладные офицеров, солдат и сержантов с просьбой послать их на фронт, туда, где лилась кровь советских людей. Но только 22 октября 1941 года полк в составе стрелковой дивизии был брошен под город Тихвин Северного фронта, которым командовал тогда Климент Ефремович Ворошилов. Части Северного фронта, во что бы то ни стало, должны были взять Тихвин, освободить Октябрьскую железную дорогу, для эвакуации детей и женщин Ленинграда, который оказался в кольце. Полку, где служил пулеметчик Ханхатов, была поставлена задача: дойти до станции Чудово и отрезать фашистам пути отступления. Но за линией фронта эта часть сама попала в окружение. 6 суток пробивались к своим стрелки. И когда казалось, что опасность уже позади, Спас был ранен. Вражеская пуля перебила ключицу, попал в бок осколок тяжелого снаряда. А всего в Костромском госпитале из тела Ханхатова извлекли 15 маленьких осколков.

Через полтора месяца он снова на передовой. Теперь солдатская судьба бросила его под Старую Руссу, в 121-ю ударную стрелковую бригаду. Неоднократно ходил Спас в тыл врага, в разведку, для уточнения вражеских огневых точек. У многих разведчиков была привычка прихватывать с собой вещественные доказательства. Приносили что попадет под руку. Хлеб, консервы, автоматы, а однажды Спас умудрился принести на своих сильных плечах карбюратор от вражеской автомашины. Впервые под Старой Руссой

увидел и испытал на себе он психическую атаку пьяных эсэсовцев. Они шли лавиной, какими-то приливами. Падала одна волна, за ней надвигалась другая, норовя все сокрушить на своем пути.

- Врешь — шептал рядовой Ханхатов, еще крепче сжимая ручку «Дегтярева». И мысленно вспоминал зачем-то рассказы отца о том, что дед Спаса с ножом и рогатиной ходил (один на один) на медведя.

И когда нервы отрезвевших от потерь гитлеровцев не выдержали, он, помкомвзвода, видя, что командир роты тяжело ранен, увлек роту за собой. Вперед! А вскоре, 15 апреля 1942 года, Ханхатов в деревне Ромашево, при артподготовке врага, был ранен вторично.

В Москве ему ампутировали ногу.

Только через семь лет орден Ленина нашел своего владельца, отважного пулеметчика. Дело в том, что в Указе Президиума Верховного Совета СССР ошибочно Спас Ханхатов был назван Степаном.

Жить на пенсии Спас Васильевич не смог. Одиннадцать лет проработал он бригадиром тракторной бригады. А в 1958 году сел за комбайн. Ежегодно он убирал не менее 350 гектаров пшеницы. Его считают одним из лучших комбайнеров совхоза «Бильчирский». И, несмотря на то, что у него уже двое внучат, об уходе на отдых не хочет и думать.

- У старика есть еще порох в пороховницах, - бодро парирует он такие советы.

Г.Кольцов
Совхоз «Бильчирский», Боханский район
Знамя Ленина.-1968.-21 апр. (№48)

ОН БЫЛ РАЗВЕДЧИКОМ

*Даниил Трофимович Хахаев,
разведчик, участник битвы под Москвой,
уроженец ул.Каха Боханского района*

Д.Т.Хахаев — уроженец улуса Каха Боханского района. Улус таежный, поэтому многие его жители - охотники, опытные следопыты, которые «читают» тайгу как книгу. С детства пристрастился к охотничьему делу и Даниил Трофимович, научился неслышно ходить по звериным тропам, безошибочно, не плутая, добираться кратчайшим путем до какого-нибудь затерянного в глуши безымянного хребта, метко стрелять.

Вот почему, когда началась Великая Отечественная война и он ушел на фронт, командование части зачислило его в разведку. Было это под Москвой, в невероятно трудный 41-й год. Гитлеровцы, не считаясь с

огромными потерями в живой силе и технике, рвались к столице. Ее защитники напрягали все силы, чтобы выстоять, измотать врага в тяжелых боях, а потом нанести ему сокрушительное поражение.

Есть в Подмосковье деревня Дорохово. Бои у этой малоприметной деревеньки шли жестокие. Взводу, в составе которого находился Хахаев, было приказано провести разведку боем с задачей взять «языка». Как и было условлено, глухой полночью взвод выдвинулся к нейтральной полосе и по сигналу зеленой ракеты рванулся к передовой вражеской траншее.

В сумятице скоротечной схватки Хахаев успел заметить, как совсем рядом из подорванного связкой гранат дзота выскочил уцелевший гитлеровец и ошалело заметался в свете беспрерывно взлетающих в небо желтых и красных ракет.

Он и стал языком. Хахаев в два прыжка настиг долгоязыкого немца, подмял его под себя. Тот визжал, кусался, силясь вырваться, но тут подоспели на помощь наши бойцы, и гитлеровец, уже с кляпом во рту, быстро успокоился.

Немалых трудов стоило ползком волочить его на себе, когда последовала команда отходить. Хахаев вполголоса ругался по-бурятски и по-русски и больше всего потому, что по отходившему разведвзводу гитлеровцы открыли жестокий пулеметный и минометный огонь.

От пленного унтер-офицера были получены ценные сведения о расположении и намерениях противника.

Много было потом на боевом пути нашего земляка Д.Т.Хахаева испытаний. Войну он закончил под Берлином. А как воевал, лучше всего говорят его награды, среди них два ордена Славы третьей и второй степеней.

А. Силантьев
ул. Каха Боханского района.
Знамя Ленина.-1975.-5 июня (№68)

НЕУСПОКОЕННОСТЬ

*Давид Данилович Хилтухин,
командир пулеметной роты,
участник Курско-Орловского сражения,
уроженец ул.Заглик Боханского района*

Немало времени прошло с окончания войны, но многие вспоминая о ней ветеранов войны ярки, устойчивы. И это не только воспоминания о каких-то личных переживаниях, эпизодах, в которых участвовал, а прежде всего о друзьях-товарищах, многих из которых уже нет в живых. В те нелегкие годы от того и прибавлялось сил, что каждый соизмерял свою

судьбу с судьбой общенародной.

Наш земляк Давид Данилович Хилтухин родился в деревне Заглик. В 1934 году паренек поступает в Боханский педтехникум и после его окончания по комсомольской путевке был направлен в Тамбовское кавалерийское училище имени Первой Конной Армии. В училище он учился вместе с землякам - Павлом Дадуевым и Батором Бардамовым. Оба они погибли на полях Отечественной... В 1938 году Хилтухин с отличием заканчивает училище. Год 1939-й... Наш земляк участвует в освободительном походе Красной Армии в Западную Украину. С радостью встречали трудящиеся городов и сел освободителей, выходя с цветами, хлебом-солью. Здесь Давид Данилович Хилтухин получил первое боевое крещение, он был командиром головной походной заставы (до прихода пограничников). Затем молодой командир участвовал в возвращении стране земель Бессарабии и Северной Буковины. И здесь он стал свидетелем народной признательности Красной Армии за свое освобождение. Начало войны наш земляк встретил в составе 2-го разведполка 8-го мехкорпуса у самой границы и выдерживал вместе с товарищами бесконечный натиск сил врага. Эти дни запомнились навсегда Хилтухину, как горящие, грохочущие, горькие. Но именно тогда и закладывался фундамент будущих побед. Крепла решимость бойцов отстоять родные, священные рубежи. Сибиряк сполна испил горькую чашу первых месяцев войны, их неимоверную тяжесть. В конце сентября наш земляк, командовавший тогда стрелковой ротой, получил тяжелое ранение. И только лишь в феврале 1942 года его выписывают из госпиталя г. Омска. Некоторое время был там инструктором, готовил молодых призывников, и в ноябре был направлен на Западный фронт, где сразу назначается командиром пулеметной роты.

Давид Данилович был участником легендарного Курско-Орловского сражения. Он командовал в тот момент стрелковым батальоном. То были дни наивысшего напряжения всех сил - душевных и физических. После кровопролитных боев батальон Хилтухина вышел поредевшим.

23 августа, он снова получил тяжелое ранение... Санбат, эвакуация в далекий среднеазиатский госпиталь города Сталинибада. Только в феврале 1944 года выписали его. Определили на Забайкальский фронт, в учебный полк. Участвовал в разгроме Квантунской армии. Наш земляк прошел длинный боевой путь от границы 1941 года через Курскую дугу до большого Хингана осенью 1945 года. Награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1 степени и многими боевыми медалями. В 1946 году Давид Данилович по состоянию здоровья ушел в запас. И с того времени, то есть сорок с лишним лет трудился он в Верхне-Идинской средней школе. Из них 30 лет преподавал физкультуру, а с 1971-го года начальную военную подготовку. Почему физкультуру? Дело в том, что до

войны Хилтухин был спортсменом и довольно высокого класса, выступал на многих Всесоюзных соревнованиях. И эта закалка спортсмена не раз помогала, выручала его на фронтовых дорогах. Лет пятнадцать назад лидер иркутского конькобежного спорта Валентина Говорушкина в беседе со спортивным журналистом сказала: «Мне и всем другим, кто учился в нашей школе, повезло. Потому, что к спорту нас приобщил замечательный педагог- Давид Данилович Хилтухин. Ему я обязана своими спортивными достижениями. За долгие годы работы педагога, около двадцати его учеников стали впоследствии мастерами и кандидатами в мастера спорта. А главное в том, что его воспитанники росли людьми сильными, мужественными, способными преодолевать трудности».

Когда Д.Д. Хилтухин в 1946 году прощался со своим однополчанином, тоже капитаном, Сергеем Капустиным, тот сказал ему: «Давид, можно остаться в армии... Ты опытный командир, оставайся...»

-Нет, поеду домой, буду учить детей. Война открыла мне на многое глаза,- ответил он.

В этом году Давиду Даниловичу пошел 74-й год. Ныне ветеран войны и труда живет в селе Тихоновка Боханского района. Д.Д.Хилтухин ведет военно-патриотическую работу по воспитанию подрастающей молодежи.

П. Степанов

Боханский район.

Знамя Ленина.-1990.-9 мая (№ 72)

ПОГИБ, ВЫРУЧАЯ ТОВАРИЦА

Владимир Яковлевич Хилтуханов,

кавалерист, разведчик,

уроженец Эхирит-Булагатского района

Морозный январь 1942-го. Смоленская область. 58-й стрелковый полк вырывается из окружения. Еще неделю назад он сам преследовал отступающего противника, преследовал яростно, без оглядки на тылы и фланги, и свежая часть фашистской танковой дивизии отсекала его от своих. Отбиваясь от врага, полк втянулся в леса. На исходе были снаряды и патроны, кончались продукты. Прямое попадание бомбы разбило штабной автомобиль с полковой рацией.

Мглистый предутренний час. Взвод конной разведки получает личный приказ командира полка: выйти из леса и проверить, есть ли в близлежащей деревне немцы. Взвод приступает к исполнению. Кавалеристы на рысях следуют до оврага, здесь спешиваются. Два друга, два Владимира

— Хинтуханов и Воскобойников, крадучись огородами, пробираются к сельской околице. Скрипит под ногами снег и этот скрип его кажется пугающе громким в предрассветной тишине.

- Что тут повымерли все? Даже собака не взлетает, — прерывисто шепчет Воскобойников.

- Здесь немцы недавно были, — отвечает Хинтуханов. - Чуешь, бензином воняет. А вот и след... — И рукавицей сметает свежий снежок с тракового отпечатка.

- А почему были? Может они и сейчас здесь.

- Проверим — и Хинтуханов, снимая с предохранителя затвор автомата, направляется к крайней избе.

- Давай. — Воскобойников пристраивается рядом.

Друзья - бывалые бойцы. В разных случаях, переделках, дважды выходили из окружения, участвовали в наступательных боях под Москвой. Оба проявили себя, оба удостоены редкой по тем временам награды — медали «За отвагу».

Бесшумной тенью Хинтуханов проскальзывает к окну, прислушивается. «Похоже, чужих тут нет», — решает он и осторожно стучит по стеклу, разрисованному морозом. Чуткое ухо улавливает слабый стук, шорох.

- Кто? — спрашивает испуганный женский голос.

- Свои.

Щелкает щеколда, приоткрывается дверь.

- Немцы в деревне есть? — Хинтуханов говорит спокойно и стоит открыто, чтобы женщина смогла разглядеть его.

- Вчера были. Под вечер ушли. Да, вы в хату зайдите, замерзли ведь.

Выстуженная за ночь изба кажется теплой. Друзья распахивают полушубки, присаживаются на скамью. В скудном свете чадающей в углу лучины угадывается стоящая посреди избы печь, за нею полузанавешанная кровать, незатейливые предметы домашнего обихода. И еще подвешенная к потолку люлька. Женщина, покачивая ее, говорит:

- По дороге на Никольское ушли.

- А где оно Никольское?— спрашивает Хинтуханов.

- А там за рощей. — И она рукой показывает на восток.

- Володя давай к взводному. Доложишь, так мол и так. А я пока здесь побуду.

- Ну да, в хате ведь теплей, чем в овраге. - Воскобойников вроде бы обижается.

- Чудак. Я ведь за дорогой приглядывать буду. А хочешь я сам пойду.

- Да, ладно, сиди уж.— И Воскобойников направляется к двери.

- Погодите. Чего вы так. Я вам картошки дам. — Женщина суетится

возле печи, сует друзьям холодные картофелины.

Воскобойников выходит. Хинтуханов провожает его. Потом он некоторое время стоит во дворе, всматривается вдаль улицы на дорогу, вытягивающуюся из деревни. Пусто на ней, нет никого. Тогда Хинтуханов возвращается в избу. Снова садится на скамью, нащупывает в кармане картофелины, достает и аккуратно разламывает одну. Холодная, без соли она кажется необыкновенно вкусной. Но Хинтуханов не жадничает, остальные картофелины оставляет для своего Серка.

Все также чадит лучина. Покачивая люльку, женщина говорит:

- Мой вот так же где- то воюет. А я с дочкой. Не знаю, что и думать...

- Ждать надо. Когда очень ждут, тогда возвращаются.

- А сколько ждать-то?

- А сколько придется столько и ждать. Я вот знаю, что меня ждут и потому погибать не собираюсь.

- Странный ты какой-то. Уверенный. Ты кто сам-то, калмык?

- Бурят я.

- Бурят? - женщина пожимает плечами. - Дом где твой, далеко?

- Далеко, - кивает Хинтуханов, а сам думает, что уже начал забывать дом. А что удивительного — с 1939-го не был в родных краях. Как явился в Эхирит-Булагатский райвоенкомат, так с тех пор и в армии. Сначала — служба, потом — война. А ведь как хочется побывать дома, хоть краешком глаза взглянуть на зеленую в тучных травах Кудинскую степь, на зубчатый лесной частокол, с которого, собственно и начинается, тайга. Но все это — только мечты.

Хинтуханов снова выходит во двор оглядывается. Едут свои. И впереди Владимир Воскобойников, за ним бежит на поводу Серко.

-Так и не обогреемся сегодня, — говорит Воскобойников и чертыхается.

- Приказ: разведать дорогу на Никольское. Поехали.

- Сейчас.— Хинтуханов достает картофелины, вскармливает коню. Серко благодарно тычется мордой в щеку.

Едут легкой рысью, чтобы лишний раз не томить и без того усталых коней, дорога поднимается на увал и за ним открывается глазам роща, а перед нею поле с заснеженными скирдами соломы. Подозрительными кажутся эти скирды. Хинтуханов внимательно оглядывается, и уже видит, что от рощи тянутся к ним следы танковых гусениц.

- Командир, танки за соломой! — кричит он.

Поздно. Орудийные вспышки, треск пулеметных очередей. Снаряды рвутся на дороге и рядом с нею. Взвод разбрасывает по сторонам, всадники несутся обратно. «Ну, Серко, выручай», — думает Хинтуханов, пригибаясь к конской шее.

Вздымая снег, мерзлую землю, рвутся снаряды, визжит раненая лошадь. Разве спасешься тут. Но верный конь выносит Хинтуханова из-под огня.

За увалом Владимир оглядывается. Рядом скачут трое или четверо — остаток разведвзвода. И нет Воскобойникова. Хинтуханов не верит, что друг убит. «Ранен, конечно, ранен», — думает он и поворачивает обратно спасать друга. А там уже оборвалась стрельба, но зато слышатся другие грозные звуки — рокочут танки. Друга Хинтуханов узнает сразу — распластав руки, тот лежит на дорожной обочине. На полном скаку Владимир подхватывает его, вскидывает на конскую спину. Он не знает: жив или мертв Воскобойников. Он охвачен одной мыслью спасти друга. Но на этот раз счастье отворачивается от него. Очередная вспышка огня — снарядный разрыв накрывает лихого кавалериста.

Эта история не выдумана. Она записана со слов сослуживца Хинтуханова — Анатолия Ивановича Хабдаева, - который живет ныне в Ангарске. Есть и официальный документ, подтверждающий обстоятельства смерти Владимира Яковлевича Хинтуханова. Есть и медаль “За отвагу”- ее бережно хранит сестра Хинтуханова- Агрофена Яковлевна.

“Сам погибай, а товарища выручай”- так воевали они, солдаты Отчизны и среди них – наш земляк.

Послесловие: В.Я.Хинтуханов похоронен в селе Никольское Дзержинского района Смоленской области.

В.Горохов
Знамя Ленина.-1989.-2 дек. (№ 146)

И «ТИГРЫ» ГОРЕЛИ

*Прокопий Олзоевич Хогоев,
артиллерист, уроженец Нукутского района*

Война застала командира расчета 45- миллиметрового противотанкового орудия Прокопия Хогоева в Приморье. Здесь в составе вновь сформированной 112-й танковой дивизии он проходил срочную армейскую службу. Парень из Унги призванный в октябре 1940 года в ряды РККА, за короткое время прошел напряженную выучку в полковой школе, затем в артиллерийском противотанковом дивизионе.

В ожидании близкой войны войска усиленно учились в условиях, приближенных к боевым. И когда в середине сентября 1941года дивизию спешно погрузили в эшелоны и направили на запад. Бойцы и командиры не чувствовали себя новичками в военном деле. Прибыв под Можайск, где как

известно, осенью памятного 41-го проходила одна из важных линии обороны столицы. 112-я танковая дивизия показала себя блестяще. Неплохо себя проявил комсомолец Прокопий Хогоев. При первом ранении отказался покинуть свою часть, продолжал воевать, лишь при втором, серьезном, был вынужден распрощаться с родным дивизионом, земляками-сибиряками.

Не оробел в первых боях батареец, свидетельством его ратной стойкости служит медаль «За оборону Москвы».

Вторую награду — медаль «За отвагу» - Прокопий Олзоевич заслужил в 1943 году под Смоленском за поимку немецкого шпиона.

Я предельно коротко расскажу о тех боях, в которых он заслужил ордена.

Первый его орден — орден Красной Звезды. Получил его командир огневого взвода Хогоев за форсирование Немана.

Шел 1944 год. За плечами остались госпитальная койка, бои и сражения за Витебск и Оршу, освобождение Вильнюса и Каунаса. Уже близка была госграница и потому высок наступательный дух советских войск, но и небывало ожесточенное сопротивление оказывал враг.

П.О.Хогоев отлично помнит, как его и еще одного офицера в последний день июля вызвал командир полка и приказал: «К 4-м часам утра обеспечить на подручных средствах переброску трех батарей на противоположный берег Немана. Батареи должны выйти на плацдарм и прикрыть огнем переправу основных наших сил».

Артиллеристы разобрали крестьянские строения, сколотили большой плот и не взирая на огонь противника, стали переправлять пушки и автомашины. К 4-м часам утра, как было приказано, Хогоев переправил все три батареи, которые сразу же вступили в бой. Вот тогда и получил он орден Красной звезды.

Фашисты наседали. Во что бы то ни стало они хотели опрокинуть наших, сбросить с плацдарма. Бой кипел днем и ночью. Хогоев назначается командиром 5-й батареи и получает приказ перебросить пушки на танкоопасное направление. На утро артиллеристы в полной готовности встречали врага. В том бою батарейцы уничтожили семь немецких танков. Затем состоялся второй поединок с фашистами. Было подбито еще 12 танков.

Командование высоко оценило подвиг артиллеристов. Сержант Ванин из состава 5-й батареи был удостоен звания Героя Советского Союза, младший лейтенант Кауров — ордена Красной Звезды, лейтенанты Кунавин и Землянский посмертно награждены орденами Отечественной войны, командир батареи Хогоев получил орден Александра Невского.

Об этих боях в армейской газете был помещен подробный материал.

Статье была предпослана такая красноречивая фраза: «Батарея Хогоева - гроза для немецких танков. В двух боях она сожгла и подбила 19 вражеских танков».

Через несколько дней батарея подбила еще один танк. В приказе по истребительно-противотанковому Неманскому артиллерийскому полку командир полка Антипов объявил всему личному составу 5-й батареи благодарность. В приказе содержался такой пункт: «Лейтенанта Хогоева лично награждаю часами с правом следующей выгравировки на них: «7-16.08.44г. Грозе немецких танков - лейтенанту Хогоеву за уничтожение 20 (двадцати) танков противника».

Советские войска в стремительном наступательном порыве вступили в Восточную Пруссию. Бои стали еще более яростными. Но 5-я армия упорно продвигалась вперед, захватывая с боями каждый городок, каждый фольварк. В авангарде, как всегда, шел 696-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

В пути, 9 мая, бойцы узнали о долгожданной победе. По этому поводу эшелон на какой-то станции поставили на запасной путь и личному составу устроили небольшую передышку.

Перед дальнейшей отправкой на восток состоялся торжественный митинг, вручение наград. Хогоев получил медаль «За взятие Кенисберга» и орден Отечественной войны I-й степени.

Прокопий Олзевич проехал вдоль станции Залари, мимо своих родных мест. Встречать его было некому. Родители умерли совсем рано, рос он с братом - сиротой. Поддерживали ребят одноулусники из Унги, помог встать на ноги колхоз.

Геройски сражалась его батарея в боях против Квантунской армии. Она шла в передних порядках полка, преодолевая немыслимые трудности в горнолесистой местности, прокладывая путь наступающим войскам. За отвагу и мужество личный состав батареи снова удостоен боевых наград. На груди Хогоева засверкал второй орден Отечественной войны.

Окончилась война. В 1946 году Прокопий Олзевич приехал домой. Как коммуниста, боевого офицера, Нукутский райком партии направил его председателем отстающего колхоза.

Распашка целины, строительство жилья, коровников, мастерских, работа с людьми. При правильном руководстве огромные возможности, заложенные в коллективных хозяйствах, сказывались быстро. Поднимались урожайность полей, росли удои молока. И вместе с ними повышалась весомость труда.

Колхоз был утвержден участником ВДНХ, премирован грузовой автомашиной, а его председатель награжден Большой Золотой медалью Выставки, медалью «За освоение целинных и залежных земель»,

премирован ценным подарком.

Теперь Прокопию Олзевичу за 60. Годы берут свое. Но еще бодр и деятелен старый солдат. Недавно он ездил в Москву на встречу ветеранов полка.

П. Натаев
Знамя Ленина.- 1984.-18 сент.

НАМ ЕСТЬ ЧЕМ ГОРДИТЬСЯ

*Алексей Багдучевич Хунтеев,
командир пулеметного отделения,
участник боев по разгрому Японской армии,
уроженец с.Каха Осинского района*

Ветеран Забайкальского фронта Хунтеев Алексей Багдучевич уроженец села Каха Осинского района, ныне проживает в р. п. Бохан. Его рассказ — о том, как будучи командиром пулеметного отделения участвовал в боях по разгрому Японской Квантунской армии.

Лето 1945 года в Забайкалье выдалось погожим и теплым. Размеренно шла боевая учеба. В середине июля в части объявили боевую тревогу. Полк под командованием подполковника К. Асилова посажен на «студебеккеры» и убыл из степного гарнизона. Мы не знали, куда нас везут. Позже стало известно, что наша дивизия передана из 36-й в 17-ю армию генерал-лейтенанта Данилова, которая дислоцировалась в братской Монголии. Прибыли в район Баин-Тумень, разместились в палатках. Привели себя в порядок. Возобновились полевые занятия. Вдруг — тревога, и мы двинулись в поход по бескрайней монгольской степи. Солнце палило нещадно. Шли строем с полной солдатской выкладкой. В сутки проходили по 50-70 километров. Не каждый выдерживал такое напряжение, бывали случаи, когда солдаты падали от усталости, но шли, этого требовала обстановка и приказ Родины.

Меня, тогда молодого командира пулеметного отделения, восхищали выдержка, терпение сослуживцев, их способность преодолеть и перенести невероятные трудности похода. Видел своими глазами, на что способен наш советский человек. А ведь это были молодые парни 1926-27 гг. рождения. Несколько часов отдыха ночью — и снова вперед. Бывало, командир полка подполковник Асилов выйдет утром из палатки скажет: «Видите впереди сопку? Махнем до нее?»

— Махнем, - дружно отвечаем. Идем весь день, а она маячит перед нашими глазами и только...

Шли по пустыне Гоби. Было очень тяжело. Одолели и её. Поход продолжался. Наконец, достигли исходного рубежа для наступления. Оказались на границе МНР и марионеточного государства Маньчжоу-Го. Бывает до обидного больно, когда слышишь: «Что за война на Востоке, через три недели после начала — Победа, конец, там и настоящих боев не было. Так легкомысленно могут рассуждать только те, кто не видел и не знает войны, не участвовал в боевых походах, не страдал от жажды, не падал от усталости, не терял товарищей.

Правдиво о том рассказывают фильмы: «Приказ огонь не открывать» и «Приказ: перейти границу». Объективные кинофильмы. Они — о нашей боевой молодости в суровой службе Забайкалья. Хорошо помню ночь 9 августа 1945, когда во всех подразделениях нашей стрелковой дивизии прошли митинги. Патриотизм воинов был исключительно высок, готовность сражаться — неудержима.

Наконец, генерал-лейтенант А.И.Данилов побывал в нашей части, пожелал боевых успехов. В 4 часа утра 9 августа мы перешли государственную границу МНР Маньчжоу-Го. В северной и западной частях Китая наше соединение совместно с соседней конно-механизированной группой генерал-полковника И.Плиева участвовало в освобождении Чифыни, Линси, Уданчэня, Калгана, крепости Жэхэ и других городов. Китайский народ встречал нас радостно, как своих освободителей. Особенно приветливой была встреча в Чифыне. Чистые мощеные улицы заполнил народ. Полк прошел по городу торжественным маршем с оркестром.

Партийно-политическая работа велась целеустремленно. В боевом походе проводили заседания партийцы и комсомольцы. Регулярно выпускались боевые листки, проводились беседы. Читали армейскую газету. Словом, держали личный состав в курсе боевых и политических событий. В нашем стрелковом полку был создан головной усиленный батальон с приданными ему пулеметной и минометной ротами, артиллерийской батареей. Батальон шел впереди нас, как бы расчищая дорогу. Основные силы следовали за ним.

День окончания боевых действий застал нас на берегу быстрой реки Ляохэ, с красивыми зелеными берегами.

«Войска Забайкальского фронта правили операцию против японской Квантунской армии в максимально высоких темпах, показали мощную пробивную силу и маневренность, способность успешно преодолевать обширное пространство гор и пустынь» — так писала пресса того времени о наших действиях.

Так что тем, кто теперь служит в Забайкальском военном округе, нашим преемникам, небесполезно изучать опыт своих предшественников. Наш батальон, например, пешком преодолел Большой Хинган. Поднимались

трое суток. На руках перенесли всю военную технику. Вспоминается случай, когда рано утром, мы оказались на вершине Хингана, как в сказке, снизу из-под туч поднимаются воины, и туман перерезает колонну надвое.

Все незнакомо, летают хищные орлы. Мы были там, куда не ступала нога человека. Сами протапывали тропы и шли по ним, скользили, падали (были трагические случаи — срывались в пропасть), но шли вверх и только вперед. На четвертый или пятый день боевых действий комсомолец ефрейтор В.Колесник, украинец из Харьковской области, вторым на Дальнем Востоке повторил подвиг А. Матросова (первым был наш земляк И.Н.Баторов, автоматчик, парторг роты 205-й танковой бригады 36-ой армии). Мужественных, героических поступков однополчан было немало. Сражались они беззаветно. Прошло более 45 лет, немудрено, что часть фактов забыта. Ведь никто из нас дневников и других записей не вел, да и не знали, что они когда-нибудь пригодятся.

Беседу записал И. Степанов.
Боханский район.
Знамя Ленина.-1990.-8 сент. (№142)

ПОДВИГ ЗЕМЛЯКА

*Ермак Иннокентьевич Хунхенов,
командир кавалерийского эскадрона,
уроженец ул.Заглик Боханского района*

Во многих сражениях за Родину участвовал наш земляк, гвардии старший лейтенант запаса Ермак Иннокентьевич Хунхенов. Родился он в бедной семье, в улусе Заглик Боханского района.

Ему пришлось пройти через многие испытания. Участвовал в освобождении Западной Белоруссии в 1939 году, в 1940 году командира взвода Хунхенова направили на Финский фронт в составе батальона лыжников. Там он был ранен.

А потом началась Великая Отечественная война. Свое первое боевое крещение Хунхенов получил в Белоруссии при обороне города Минска в июне 1941 года.

Затем кавсоединение перебросили на оборону городов Новочеркасск, Ростов-на-Дону. Кавалерийский эскадрон под командованием гвардии старшего лейтенанта Хунхенова пытался продвинуться на новые рубежи в районе завода “Ростсельмаш”. Сделать этого не удалось. Шквальный огонь из дзотов преградил путь кавалеристам. Чтобы сохранить личный состав, наступление было приостановлено.

Командование кавполка разработало новый тактический маневр, а

спешенные конники сидели в окопах, глядя на запад, где угасали последние краски заката. Они знали, что завтра оттуда на них снова пойдет враг. “На рассвете опять будет горячая схватка, — сказал командир эскадрона Ермак Хунхенов, — эх, знать бы, где находятся их волчьи норы, да выпустить несколько мин”.

...Ночь. Взлетают ракеты. Где-то гудят ночные бомбардировщики. Небо то и дело прошивают строчки трассирующих пуль. Тихо, незаметно пробирается горстка смелых разведчиков.

Конники эскадрона Хунхенова дошли до высокого тополя, остановились.

— Здесь, — тихо сказал гвардии старший лейтенант, - сбор здесь и в часть пойдем вместе.

Разведчики разошлись по своим маршрутам. Трудно передать чувства людей, когда они идут по пути, где на каждом метре предостерегает смерть.

Шли чутко, настороженно. Группа командира взвода В. Николаева, собрав данные для артиллеристов, вышла к высокому тополю и стала поджидать товарищей.

Вдруг сильный, оглушительный взрыв, на землю рухнули солдаты. Трое из них были мертвы, трое обливались кровью.

— Быстро к гвардии лейтенанту Хунхенову. Он ранен.

...Ермак Хунхенов открыл глаза, простонал:

— Николаев помоги. Посмотри живот...

Ползком разведчики конники перешли линию фронта, прибыли в свою часть и доложили о расположении огневых средств врага, Хунхенов был отправлен в полевой госпиталь.

После выздоровления Ермак Хунхенов снова прибыл на фронт в состав 10-й кавдивизии на Северном Кавказе, где снова командовал эскадронам.

Комэска Хунхенов со знаменитой 10-й кавдивизией участвовал в боях на Южной Украине, освобождал Румынию, Венгрию, Австрию. День Победы отметил с боевыми друзьями-конниками в Австрии в городе Вене.

Он вернулся с войны гвардии старшим лейтенантом, награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги” и другими. Имеет ряд благодарностей от Верховного Главнокомандования.

Н. Александров, ветеран войны и труда
Боханский район.

Панорама округа.-1995.-1 апр. (№36)

ДОЛГИЕ ВЕРСТЫ ВОЙНЫ

*Михаил Кириллович Чудопалов,
боец мотопонтонного батальона,
уроженец с.Васильевск Баяндаевского района*

Живет в селе Васильевск Михаил Кириллович Чудопалов, один из участников войны. Здесь он родился и здесь прожил всю свою жизнь — кроме военных лет. Ему давно уже перевалило за семь десятков, но он по-прежнему в трудовом строю, работает дробильщиком зернофуража.

Михаилу Кирилловичу в жизни досталось многое. Детство, как и всех его сверстников, прошло в трудное время. Это был период тоже переходный, характерный бедностью, нищетой и полуголодной жизнью крестьян, хотя и не испытывали они такой голодовки, как в Поволжье и в других местах России в начале 30-х годов. Был участником становления новой жизни на селе, коллективного хозяйствования здешних жителей.

В 30-е годы стали появляться первые трактора, создаваться машинно-тракторные мастерские. Маломощные «колесники» того времени, не идущие ни в какое сравнение с нынешними мощными тракторами, гораздо быстрее, чем на лошадях, позволяли крестьянам управляться с полевыми работами, значительно облегчили их труд. Исполнительного и любознательного паренька направили на курсы трактористов. Так он за два года до начала войны стал механизатором и ни разу, за исключением вынужденных перерывов, не изменил своей специальности. До сих пор верен механизмам, работа с ними стала делом всей жизни,

Поздней осенью 1940 года, когда заканчивалась уборка урожая, Михаила Кирилловича, уже работавшего комбайнером, призвали в армию. Служить он попал на Дальний Восток, на реку Амур в мотопонтонные войска. Специальность военного понтонера освоил быстро, ну а работа на моторах была ему знакома. Ежедневная физическая подготовка, занятия в учебных классах и на строевом плацу, стрельба из боевых орудий на полигоне, обеспечение на учениях переправы техники и живой силы через Амур, несение караульной службы... Всем этим была заполнена солдатская служба. Время тревожное, чувствовалось приближение войны и надо быть в боевой готовности,

В начале войны их часть оставались на месте. Но когда немцы подошли близко к Москве, поступил приказ грузиться в эшелоны. Прибыл эшелон в конце декабря 1941 года в Тульскую область, прямо на передовую, и сразу части пришлось вступить в боевые действия.

Многие тысячи километров прошел фронтовыми дорогами Михаил Кириллович с боями: начиная почти от стен нашей столицы дошел до Берлина. Видел смерть, кровь, получил ранение. Приходилось идти в атаку,

выполнять задания под непрерывным обстрелом, бомбежкой, когда земля и небо смешивались в единый крошечный ад. В составе 23-го отдельного мотопонтонного батальона в первую половину войны участвовал в выполнении важнейших стратегических задач командования, обеспечивал переправу войск через водные преграды, через такие крупные реки, как Дон, Днепр. После переправы на правобережную Украину Михаил Кириллович попал в госпиталь, где было так же страшно, как и в самом пекле войны: немцы день и ночь не давали покоя, от разрывов бомб качалась земля, разрушались здания. Выписавшись из госпиталя, снова оказался на передовой, но в свою часть не попал, а стал командиром отделения разведки 814 артиллерийского полка. И в этой роли закончил войну в восточном районе Берлина.

Память Михаила Кирилловича сохраняет многие эпизоды, когда он бывал в шаге от смерти. По истечении времени многое позабылось, но никак не забывается жестокое сражение за переправу через Днепр, непосредственным участником которого он был. В конце 1943 года их подразделение подошло к Днепру выше Киева, на Букринскую излучину. Стояла задача: с ходу организовать переправу войск и техники 40-й армии. Понтоны были спущены в воду, расчет занял свои места, началась переправа десанта. Первый рейс под покровом ночи прошел удачно, и небольшая группа автоматчиков заняла крохотный участок на «чужом» берегу. Во время второго были замечены немцами. Противник открыл сильный огонь. Но несмотря на это, понтоны продолжали работать. Вскоре завязался бой, наши автоматчики, подавив два лобовых пулемета немцев, выбили их из первой траншеи, создав таким образом, небольшой плацдарм для дальнейших атак. В ответ на это противник подключил минометы, артиллерию. Были большие потери техники, живой силы. Расчеты понтонов убывали ежеминутно. И все же батальон к утру смог перебросить на другой берег часть орудий и минометное подразделение. С наступлением рассвета над переправой появились немецкие «онкеры» и «мессершмидты». Сбросив смертоносный груз, разворачивались и обстреливали участок из пушек и пулеметов. И повторяли это раз за разом, с небольшими интервалами. Одновременно переправа обстреливалась минометами противника. Для отражения его удара и защиты занятых позиций в воздух была поднята наша авиация, пущены зенитные установки и артиллерийские орудия. Стояла сплошная канонада, грохот на земле и в небе, от разрывов бомб и снарядов кипел Днепр, поднимались пыльно-водяные столбы. Казалось, горели небо, земля и вода. Стоны, крики...

Днем бой немного поутих. С наступлением темноты переправа возобновилась. Были переправлены все подразделения, танки, артиллерийские и другие орудия. Занятый плацдарм все расширялся, и

наступление наших войск успешно развивалось. Так, с Букринского пятачка, началось освобождение правобережной Украины. Многие, очень многие наши солдаты сложили головы на приднепровской земле. Михаил Кириллович чудом остался в живых.

Демобилизовался Михаил Кириллович через год после победы. Молодого солдата звали работать в районный отдел милиции. А.Д. Дарданов, тогдашний председатель райисполкома, уговаривал его на должность уполномоченного по мобилизации трудовых резервов. Согласился, как-никак, можно было получать ежемесячно заработную плату, чего почти не было или было в мизерных размерах в колхозах в виде натуроплаты в конце года. Проработал Чудопалов в этом качестве один год. Понял, что не его это дело, да к тому же чувствовал, что не хватает грамоты. Вернулся он к себе домой в деревню. Сел опять на трактор. Пахал, сеял, убирал, выполнял разные другие работы.

Живет в Васильевске ветеран, скромный труженик, старый солдат, за свои боевые подвиги и трудовые достижения отмеченный многими правительственными наградами и знаками отличия. Его грудь украшают орден боевого Красного Знамени, два ордена Отечественной войны II степени, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», юбилейная ленинская и многие другие. Читатель, наверное, согласится, что таких наград без подвигов и героизма никак не удостоишься.

А.Петров

Баяндаевский район

Наше время.-Знамя Ленина.-1994.-4-10 янв.

ОТВАЖНЫЙ СОКОЛ

Александр Сахалтарович Шапхаев,

летчик-истребитель,

уроженец с.Кутанка Боханского района

24 апреля 1965 года в газете «Восточно-Сибирская правда» появилась статья майора авиации А.Журавлева под названием «Бесстрашный сокол». Вот что писал о нашем земляке, летчике-испытателе А.С.Шапхаеве однополчанин и его боевой товарищ: «...Я смотрю на фотокарточку своего друга Саши, и думаю: какое было большое сердце у этого человека, бесстрашного сокола, воина-коммуниста, отдавшего свою жизнь во имя мира, который должен быть сохранен навсегда...»

Александр Сахалтарович Шапхаев родился в 1919 году в семье крестьянина в улусе Кутанка Боханского района. В 1931 году успешно

заканчивает Бильчирскую школу крестьянской молодежи, и в 1939 году обком комсомола по комсомольской путевке направляет его в Батайскую военную школу пилотов, по окончании которой он становится военным летчиком-истребителем.

Свое первое боевое крещение Александр получил в небе Закавказья в декабре 1941 года и потом участвовал в нескольких боевых операциях на Южном фронте. В июне 1942 года враг предпринял крупное наступление на юге нашей страны. Саша Шапхаев оказался в гуще жестоких боев.

26 мая 1943 года, прикрывая штурмовиков в районе станицы Киевская, два самолета «ЛАГ-3» под управлением командира звена старшего лейтенанта Николая Еремина и Александра Шапхаева встретили большую группу немецких истребителей. Схватка с врагом заняла всего три минуты, но за это короткое время наши летчики сбили три вражеских самолета, не потеряв своих. Через час лейтенант Шапхаев вылетел на прикрытие штурмовиков с командиром эскадрильи старшим лейтенантом Василием Шумовым. День был теплым и безоблачным. Когда четыре наших самолета подошли к станции Крымская, их встретили 12 истребителей противника. Шумов меткой очередью отогнал их от штурмовиков, но в это время ударила зенитная батарея врага. В.Шумов и А.Шапхаев заставили замолчать батарею противника. Бой в воздухе продолжался. В одной из атак фашистов В.Шумов сбил один истребитель, но и его самолет был поврежден. Командиру эскадрильи грозила гибель. Самолет терял высоту. Враги, увидев израненный самолет, пытались его атаковать, но все их попытки были отбиты Шапхаевым. Он не дал погибнуть своему командиру. За этот подвиг А.Шапхаев был награжден орденом Красной Звезды. «Очистим Кубань, поеду в отпуск, - говорил Александр товарищам, - давно не был в своих родных местах».

Но осуществить эту мечту не удалось. 5 июня 1943 года А.Шапхаев погиб смертью храбрых. Вот как пишет об этом А.Журавлев: «...Шестерка наших самолетов под командованием командира звена старшего лейтенанта Николая Еремина вылетела на сопровождение штурмовиков. В районе станций Крымская — Молдаванская — Курчанская встретились с шестью вражескими истребителями. Они сразу же пошли в атаку на наших летчиков. Еремин сбил один самолет. А когда развернулся для помощи своему напарнику, увидел, что самолет Саши Шапхаева загорелся и круто пошел к земле... Еремин видел, как из горящего самолета на высоте 100 метров Саша выпрыгнул, но парашют не успел раскрыться. Он упал в районе хутора Шаповалов, который был занят противником...»

Короткая, но славная была жизнь у комсомольца А.С.Шапхаева. Высокий, стройный, подтянутый, он всегда выделялся среди товарищей, вороненые волосы аккуратно окаймляли его крупную голову, - так закончил

свое воспоминание Александр Журавлев, его фронтовой друг и однополчанин.

Велика сила заповеди: «Никто не забыт, ничто не забыто». Весной 1968 года на берегу Крымского полуострова собрались пионеры и школьники вместе со взрослыми на открытие памятника-обелиска летчику-истребителю Александру Сахалтаровичу Шапхаеву. Дорога память о тех, кто остался навсегда на поле брани.

Н.Сашин
Знамя Ленина.-1988.-28 мая (№64)

ПОЛКОВОЙ СВЯЗИСТ ЮШМАНОВ

*Николай Михайлович Юшманов,
связист, уроженец с.Головинка Аларского района*

Почти пятьдесят лет спустя о делах давно минувших, но памятных для каждого гражданина некогда Великого Союза вспоминает ветеран Великой Отечественной Николай Михайлович Юшманов – уроженец станицы Головинка, сын потомственного казака.

До сих пор, даже спустя пятьдесят лет, не дают покоя Николаю Михайловичу отзвуки той прошедшей войны. Раненая немецкой миной нога возвращает его по ночам в тот злополучный вечер 1943 года, под Новосокольниками.

Когда началась немецкая оккупация, еще молодой Коля Юшманов уже служил. Только в июне 1942 года он попал в действующую армию и было тогда ему двадцать четыре года – самый порог, когда молодой парень становится зрелым мужчиной. Военская специальность – связист, звание рядовой.

Юшманов поддерживал связь между полком и передовой. Положение было очень тяжелым, отбивали в основном атаки немцев на маленькие населенные пункты. Как вспоминает сам Николай Михайлович, для них работы хватало. Обычно связисты вдвоем ходили на обрыв, но он как-то один привык справляться с заданием: легче одному укрыться от пуль и мин. На линию выходили ночью, днем боялись снайперов, которые залегли на всем протяжении фронта. Но при экстренных случаях, когда сверху был дан приказ «устранить обрыв», связистов не жалели, умри, но восстанови связь. Иногда цена одного, даже в данное время не нужного приказа, стоила нескольких солдатских жизней. Сначала было очень трудно идти на задание, не хватало опыта, но со временем все-таки, научились определять, где порвана линия взрывом мин. Была и еще одна хитрость – дергали за кабель,

если поддавался тяжело, значит разрыв ищи подальше, или наоборот.

Командир роты малый был не из храбрых, окончил два класса и путем расписываться не умел, вдобавок прикладывался частенько к горькой. Сидел и не высовывал носа из окопа. В его обязанности входило обеспечение своих бойцов солдатским пайком, но и этого он почему-то не делал.

Зимой и летом, в дождь и непогоду, связисты по вине нерадивого командира вынуждены были сутками находиться на линии. Николай Михайлович рассказывал, что шинель он получил только в декабре. Спасибо комбату, чей батальон они обслуживали.

Ранение Юшманов получил под Великими Луками. Мина пробила ногу, малая и большая берцовая кости были раздроблены, поврежден сустав правой голени. В госпитале пролежал почти полгода.

За время пребывания Николая в этом полку, рота меняла состав два раза. Погиб или ранен – третьего не дано. Тогда еще вышел знаменитый приказ Сталина «Ни шагу назад». Когда уходили в бой, политрук постоянно напоминал «шаг назад – расстрел, помните об этом».

Был случай, когда под Новосельском отбивали одну маленькую деревеньку под названием Торчилово. Немцы огнем уничтожили почти всю нашу роту, в живых остались только ее командир и ординарец. Потом, когда с двумя танками взяли злополучный населенный пункт, там оборонялись только семнадцать немецких солдат.

Сейчас известно, что оккупанты были отличными вояками, взаимодействие фашистских частей было поставлено на высшем уровне. А у наших лишь был приказ, трехлинейная винтовка (в начале войны) и Родина за спиной.

После ранения Н.М.Юшманов попал на Украину под Ровно и Ковель. Повысили в звании, теперь он стал старшиной в резервном полку, потом направили в газету «Фронтовик». А через год попал в штаб 74-й армии, с ним дошел до Берлина. Об этом отрезке своей фронтовой эпопеи Николай Михайлович рассказывает с особым энтузиазмом. Тогда еще наше командование выработало план генеральных наступлений, завоевывались плацдармы для будущих переломных битв. В этом рассказе есть и горькие нотки, обратная сторона медали. Например, когда наши отбили у немцев один маленький городок, не было ни цветов, ни радостных возгласов «Ура». Жители закрывали свои дома и уходили в лес.

Еще один случай из боевой биографии. В каком-то хуторе решили ротой переночевать. Распределились по нескольким полуразрушенным избам. Юшманов со своими людьми остановился у одного старика. Решили перекусить – баланда, кусочек хлеба – вот и весь ужин. Предложили старику, но тот наотрез отказался, что, мол, наши доблестные освободители кушают. Я, говорит, впервые в жизни попробовал шоколад и шампанское, угощали

немцы.

На Западной Украине наших не так-то и жаловали, хотя фашисты там особенно позверствовали. В составе этой армии Николай Михайлович и дошел до Берлина, пересек Польшу. Непосредственное участие принимал в штурме Берлина. В 1946 году вернулся домой с медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», орденом «Отечественной войны».

Из пяти братьев Юшмановых живыми вернулись трое – Коля, Василий и Иван. Пали смертью храбрых Леонид и Александр.

После войны Н.М.Юшманов приехал жить в Кутулик. Всю жизнь проработал финансистом. Его жена Мария Федоровна, труженик тыла награждена орденом «За доблестный труд».

Б.Цыбиков
Панорама округа.-1994.-16 авг.

ГЕРОИ ОГНЕННЫХ ЛЕТ (Круглый стол «Знамени Ленина»)

На днях состоялась встреча «за круглым столом» с участниками Великой Отечественной в редакции «Знамени Ленина». К нам в гости пришли: Герой Советского Союза В.Х.Хантаев – инженер Усть-Ордынского ПМК 196, кавалеры многих боевых орденов и медалей: И.И.Борхонов – мастер Усть-Ордынского леспромхоза, В.М.Коченков – пенсионер, И.М.Модонов – комбайнер колхоза имени Ленина, А.И.Печерский – председатель окружного общества охраны природы, М.Д.Доржиева – экономист Эхирит-Булагатского районного управления сельского хозяйства, О.О.Онхонов – зав. Хатар-Хадайской сельской библиотекой, П.П.Труфанов – преподаватель Усть-Ордынской средней школы им.В.Б.Борсоева, А.Х.Саввинов – председатель окружного суда, М.М.Артемов – шофер колхоза имени Ленина, Д.Т.Хахаев – колхозник колхоза имени Карла Маркса Боханского района, П.П.Труфанов – тракторист колхоза имени Ленина Эхирит-Булагатского района.

Корреспондент: Среди наших гостей есть представители почти всех родов войск. Даниил Трофимович Хахаев – пехотинец, разведчик. Войну начал, когда враг рвался к стенам священной столицы Родины – Москве. Пожалуйста, Даниил Трофимович, вспомните один из эпизодов Вашей боевой работы.

Д.Т.Хахаев: Под Москвой я принял боевое крещение. У деревни Дорохово наш взвод провел разведку боем и мне удалось взять в плен гитлеровца. Здесь под Москвой, я был ранен, долго лежал в госпитале. Затем воевал в частях многих фронтов и встретил День Победы под Берлином.

Награжден орденами Отчественной войны, Славы III степени и медалями.

В жизни каждого фронтовика можно вспомнить немало ярких эпизодов. Но хочу сказать о дружбе, взаимовыручке и нашем боевом братстве, которое всегда приходило на выручку в трудные времена. В отделении разведчиков, которым я командовал, воевали люди разных национальностей. Большинство из них были коммунистами и комсомольцами.

Всех нас объединяло одно: ненависть к врагу, огромное желание победить.

Александр Иванович Печерский:

- Моя фронтовая биография в общем-то обычная. Когда началась война, я, как другие комсомольцы Баяндаевского района, подал заявление в военкомат идти на фронт добровольцем. Нашу просьбу удовлетворили. Чтобы умело воевать, надо было учиться. И нас направили на учебу в военное училище в город Куйбышев. Окончив училище, был направлен на фронт.

Был командиром взвода, роты, а в тяжелейших боях у реки Ловать Ленинградской области стал командиром батальона. Осенью 1943 года за боевые успехи вверенного мне подразделения был награжден орденом Отчественной войны. Награду мне вручил один из прославленных военачальников генерал Родимцев.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями. Но я, как все фронтовики, считаю что нам дороже всех наград – Победа!

Корреспондент. Грозой для гитлеровцев были наши легендарные «Катюши», как вскоре после первого появления на боевых позициях назвали ее гвардейские бойцы. О сокрушительной силе их огненных залпов многое мог бы рассказать Михаил Михайлович Артемьев. Он воевал в составе 24-го гвардейского минометного полка. Вы были водителем боевой машины, Михаил Михайлович?

М.М.Артемьев: Да, почти с самого начала своего фронтового пути и вплоть до штурма Берлина. Очень памятен для меня такой случай. В одном из боев западнее города Витебска гитлеровцам удалось внезапным броском отрезать нашу часть от основных сил дивизии, которую мы поддерживали огнем. Создалась угроза окружения. Получили по радиции приказ: ни в коем случае не оставлять боевые машины врагу, в крайности – взорвать их. Самое худшее у нас было то, что боеприпасы у нас кончились.

От наседавшего противника отбивались автоматами и винтовками, дошло дело до гранат. Атаки отразили, а с наступлением темноты лесной дорогой повели «катюши» к своим. Сзади осталась группа бойцов, которая усиленной пальбой создавала видимость, что мы все еще на месте. Так и вырвались из вражеского полукольца. За этот бой меня наградили орденом

Красной Звезды.

Корреспондент. Плечом к плечу с мужчинами отважно сражались с гитлеровскими захватчиками женщины. Они водили боевые самолеты и танки, обеспечивали связь в штабах, ходили в тыл врага в разведку, были снайперами, работали в полевых госпиталях под ожесточенной бомбежкой самолетов противника. Они шли на поле боя в передовых цепях наступающих советских бойцов, спасая жизнь раненым. Сегодня мы предоставляем слово участнице Великой Отчественной войны Марии Доржиевне Доржиевой.

М.Д.Доржиева: Наш истребительный авиационный полк воевал в небе Варшавы, освобождал Румынию, Югославию, Австрию. Особенно запомнились мне, тогда младшему сержанту, бои за Вену, у озера Балатон.

Многих мы потеряли тогда наших соколов. Помню, в те дни погибли капитан Головачев из Москвы, старший лейтенант Трухавец. Какие это ребята были.

Доставалось нам всем тогда. Не успевали пулеметные ленты снаряжать. Не знали ни дня, ни ночи. И бомбы и снаряды испытывали на себе. Но готовить надо было самолеты к бою. Ведь без нас летчики тоже не летали.

В Иркутске и в округе нашем живут мои однополчане. Мы не забываем друг друга, не теряется фронтовая дружба. В дни празднования 30-летия победы мы соберемся на встречу в Иркутске.

Почти 40 лет механизаторского стажа у тракториста колхоза имени Ленина Эхирит-Булагатского района *Петра Павловича Труфанова*. А в войну был колхозный тракторист лихим танкистом. Молодым парнем ушел Петр на действительную, отслужил положенный срок, пора снова в поле, на трактор, а тут – война.

5 танков подбило у механика-водителя Труфанова, шестой взорвал сам, чтобы не достался врагу, четырежды ранен. Несколько раз обновлялся экипаж его танка...

- Вот заряжающий был у меня, мариец по национальности, жаль, забыл фамилию его, почти всю войну со мной прошел и буквально в последние дни погиб.

Семь с половиной лет отслужил я, вернулся после Победы домой и опять сел на трактор...

Руки болят, ноют раны фронтовые – бросить бы работу, ан нет, не может ветеран.

- Вот как-то отпуск взял, - продолжает свой рассказ Петр Павлович, - так спать не мог, тянет на работу.

Нынче старейшему механизатору колхоза дали новый Т-4. На нем он и выходит на посевную. До 700 гектаров на пахоте давал он раньше и, нынче

думает, не меньше. А зимой – незаменимый человек на ферме.

Вот таков ветеран войны и труда Петр Павлович Труфанов, хотя и добирает он уже шестой десяток.

Боевой комбат, кавалер многих орденов и медалей *Илья Иванович Борхоноев* необычно начал свой рассказ:

Человек я сугубо гражданский, порок сердца, и считался невоеннообязанным. Но нас призвали на второй день войны и отправили в Тюмень, в училище. Помнится, рвались мы на фронт, успеть хотели. Но нам хватило ее, войны...

В конце года выпустили нас, присвоив звания, и направили в Уфу, там формировалась 117-я отдельная бригада.

В боях с марта 1942 по март 1945 года, меня тяжело ранило. Так, что День Победы встречал я в Усть-Ордынском. Скуп на рассказы комбат. Пожалуй, красноречивее говорят о боевом пути ордена и медали ветерана. А этот путь пролегал от Пинских болот до Восточной Пруссии.

В славной плеяде Героев Советского Союза, получивших эту высшую степень отличия в жестоких боях с фашистскими захватчиками, - наш земляк *Василий Харинаевич Хантаев*.

На Курской земле принял он боевое крещение. Затем Киев – столица и другие города и села Украины, потом Западная Украина, дальше Краков, Ченстохов – это уже многострадальная братская Польша, - и, наконец, логово фашизма – Берлин. Вот такой боевой путь сержанта – артиллериста из танковой армии тогда еще генерала, а ныне Маршала Героя Советского Союза Рыбалко.

О своем легендарном бое в Берлине рассказал вкратце ветеран. За этот бой, где он потерял всех своих побратимов из расчета и один отражал фашистские танки, ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Четыре танка, три бронетранспортера, зенитное орудие, колонна автомашин с боеприпасами, 49 военнопленных, не считая уничтоженных фашистов, - таков итог двухдневных боев артиллериста Хантаева. А уже на другой день сержант со своей знаменитой пушкой был на пути к Праге. Живой и невредимый так и встретил он День Победы.

Но что крепко-накрепко запомнилось воину, о чем спустя 30 лет без содрогания не может он рассказывать – это зверства фашистов.

- И до этого приходилось видеть издевательства гитлеровцев, но такого – нет, никогда... освобождали мы Освенцим, было это 1 января 1945 года. До 180 тысяч узников здесь содержалось, а освободили мы 20 тысяч человек, остальных успели уничтожить изверги.

А на концлагерных складах! Тонны волос человеческих, тысячи ящиков порошка из костей. В одном из помещений от пола до потолка –

обувь, от детских пинеток до сапог самого последнего размера...

Наверное, это священная ненависть руководила сержантом Хантаевым в том, незабываемом бою, когда на одной площади Берлина он в упор расстреливал фашистские танки и бронетранспортеры.

Корреспондент. Отгремел праздничный победный салют. Шли на восток, на родину эшелоны с демобилизованными воинами. Солдаты, стосковавшиеся по мирному труду, опять в первых рядах созидательной работы.

И.М.Модонов: Да, это так. Старались трудиться так, как и воевали. Многие из нас стали ударниками труда послевоенных пятилеток.

Демобилизовавшись из армии в 1950 году, я вернулся в родные края и сразу – за работу. Профессия у меня – сельский механизатор. Работаю на тракторах, комбайнах. Награжден орденом Октябрьской революции, медалями. А весной этого года мне вручили высшую награду Родины – орден Ленина.

Знамя Ленина.-1975.-26 апр.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Людям старшего поколения досталась суровая доля войны. Четыре года они шли по дорогам крови и смерти, храня в сердце неистребимую веру в победу над фашистами, И прошли ее с честью. Много в жизни забывается, но одно не стирается в памяти — это война. Вот и нахлынули воспоминания...

Я видел поверженный Рейхстаг

В.И.Трусков, диспетчер АО «Тугутуйское»: — Это было 1 мая 1945 года. Наш бомбардировочный авиаполк стоял северо-западнее Берлина на захваченном у немцев аэродроме «Финов». До Берлина рукой подать — 17 км. Отсюда хорошо видны рваные контуры дымящегося города. Оставалось совсем немного, чтобы добить врага в собственном логове.

В это первомайское утро у всех были радостные, счастливые лица: с весенним праздником приближалась долгожданная Победа. С раннего утра мы, авиамеханики, как обычно, осмотрели самолеты, подготовили их к полетам.

Я тогда обслуживал самолет Героя Советского Союза В.Н.Бучавого. По приказу командира авиаполка на всех машинах фугасные бомбы мы заменили осколочными с целью большего поражения живой силы противника. До сих пор хорошо помню броские надписи на этих последних бомбах: «Гитлеру от сибиряков», «Мы победим!» и т.д.

Боевой задачей летчиков было разбомбить район Силезского вокзала.

В тот день самолет совершил по 3-4 боевых вылета, а всего весь авиаполк свыше 80 вылетов. Вечером летчики рассказывали, что каждый из них оставлял по одной бомбе для рейхстага и на обратном пути сбрасывал их в логово врага.

Через несколько дней мне пришлось облетать на самолете с летчиками поверженный, горящий, весь в дыму Рейхстаг. Позже я был там. На его выщербленных пулями, снарядами и осколками стенах мы читали надписи освободителей. Одна из них особенно запомнилась: «Здесь были сибиряки-иркутяне. Победа! Едем домой!».

Это было в мае сорок пятого. 50 лет прошло. Давно, и совсем недавно как вчера. Такое не забывается, память хранит войну.

Курская битва

В.И.Бардымов, участник Курской битвы и Берлинского сражения:

— Нашему командованию стало известно через немецкого пленного, что с 4 на 5 июля, через несколько часов начнется наступление немецких войск. Г.К.Жуков дал приказ командующим Воронежским и Центральным фронтами Ватулину и Рокоссовскому произвести упреждающий артиллерийский удар, который бы задержал наступление противника на несколько часов.

Рано утром 5 июня немцы пошли в атаку. Во главе немецких войск стояли опытные генералы Модель и Манштейн. На линии в 540 км. сражались 4 миллиона человек, свыше 13 тысяч танков, 60 тысяч орудий и минометов, до 12 тысяч самолетов. Немцы здесь пустили в бой новые танки «Тигр» и бронетранспортеры «Фердинанд».

Ярость наступления смешалась с яростью обороны. Противник методично в первые дни вгрызался в нашу оборону. Обе стороны несли тяжелые потери.

На участке Воронежского фронта фашистские войска подошли к деревне Прохоровка, где произошло крупнейшее танковое сражение второй мировой войны: с обеих сторон участвовали 1200 танков, самоходных и штурмовых орудий. Боевые порядки перемещались. Горят, взрываются машины. Дым, гарь, копоть превратили день в ночь. Противник был измотан. С 12 июля начали наступать наши войска. Противник перешел к обороне, но сдержать наше контрнаступление был не в силах. 5 августа были освобождены Орел и Белгород. Наша дивизия, успешно развивая наступление, дошла до Днепра. Беспримерный героизм проявили наши воины по форсированию Днепра. Победа на Днепре открыла дорогу на Киев, который был освобожден 6 ноября 1943 года. Нашей 17 дивизии было присвоено звание Киевской, затем она стала Киевско-Житомирской и Проскуровской ордена Александра Невского 17 артиллерийской дивизией

РГК. Дивизия за время боевых действий, получила 24 благодарности от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Сражение за Берлин

В начале апреля 1945 г. Красная Армия готовилась к штурму Берлина. Руководители СССР стремились скорее закончить войну, опередить англо-американские войска для вступления в Берлин, которые могли заключить сепаратный мир.

В Берлинской операции принимали участие войска 3-х фронтов: 2-го Белорусского под командованием К. К. Рокоссовского, 1-го Белорусского под командованием Г.К.Жукова, 1-го Украинского под командованием И.С. Конева.

Бои за Берлин были последними. 16 апреля 1945 г. сражение началось в 3 часа утра, при свете прожекторов велась массированная артиллерийская канонада из всех калибров пушек, минометов «Катюша». После артиллерийской обработки обороны, пошли в бой танки и пехота. Наша 17 артиллерийская дивизия, состоявшая из 8 танков и бригад, была на левом крыле наступления. Передняя линия обороны была смята довольно быстро. Бой продолжался весь день, и только ночью 18 апреля бои завязались на окраинах Берлина. 22 апреля войска Жукова и Конева сомкнули кольцо вокруг города. К 25 апреля шли ожесточенные бои в центре города. Нашим войскам приходилось почти каждый дом брать с боем. В операции за Берлин участвовали 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров более 100 млрд. свечей освещали поле боя. Это было огромной силы зрелище.

2 мая Берлин пал. Над рейхстагом было водружено знамя Победы Кантарием и Егоровым.

25 апреля в городе Торгау на Эльбе встретились передовые части 1-го Украинского фронта и подразделений американских войск, в их составе была наша 17 артиллерийская дивизия под командованием генерал-майора Волкенштейна. Наша дивизия 8 мая получила приказ из Берлина совершить бросок в Прагу, чтобы помочь Праге окончательно освободиться от фашистских войск. Отечественная война против гитлеровских захватчиков была завершена. 9 мая в Праге состоялся митинг, на который прибыл тогда Первый секретарь ЦК Украины Н.С.Хрущев, Президент Чехословакии Эд. Бенеш.

Мы не забываем о героической истории нашего государства и о тех, кто эту историю творил. Такие люди живут среди нас. Спасибо им за то, что они есть.

Ф. Мезенцева

Панорама округа.-1995.-27 мая (№56)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

Яцкова Т. На крыльях войны от Баренцева до Желтого моря (Н.Е.Александров)

Степанов П. Эти дни незабываемы (М.П.Алексеев)

Николаева Л. Везение (П.А.Алсаткин)

Тириков А. Дней и верст особый счет (М.М.Артемьев)

Бакланов Р.И. У Волжской твердыни (Р.И.Бакланов)

Босколова Л. За спиной у солдата – три войны... (А.У.Банаев)

Горбунова Л. Незабываемые уроки истории (А.Б.Бардаханов)

Борголов И. Политрук (М.М.Батаев)

Борькин П. Жизнь в бою и в труде (И.П.Батлаев)

Печерский П. От Байкала до Берлина (Б.Б.Буинов)

Белованова Ф. Танкист (С.М.Букин)

Мотороев Е. Две схватки на воде (В.Н.Велисевич)

Василий Гусев – русский солдат (В.А.Гусев)

Бортникова С. «Я был основной огневой точкой...» (Б.Я.Добосов)

Бартуев В. Это и есть подвиг (И.Л.Егоров)

Степанов П. Прошли через огонь и дым (П.А.Еремеев, В.М.Бадашкеев)

Скольжикова С. Снайпер (А.М.Етобаев)

Шопхоев К. Воин из Закулея (М.Б.Жербакханов)

Заболотский А. Я рвался в бой (А.Заболотский)

Кузьмин С. От Керчи до Будапешта (Я.А.Задорожный)

Ордынская М. Солдат из Закулея (К.А.Иванов)

Бартуев В. Судьба минометчика (М.И.Имеев)

Чегодаева В. Фронтовичка (С.Н.Ишигилова)

Орлов В. Т-34 идет в атаку (В.Т.Комшило)

Бунаев А. Старшина Коченков (В.М.Коченков)

Павлов Л. Полный кавалер Славы (Г.С.Левченко)

Петров А. Отважный защитник (И.И.Ленскинов)

Шерхунаев Р. Учитель. Воин. Гражданин (М.М.Манжиханов)

Семенова С. Полковник из улуса Хабаровск Байтогского сельсовета (П.М.Маханов)

Алексеев В. Память (М.М.Махутов)

Бартуев В. Две войны ветерана (А.С.Муруев)

Ордынская М. Дошел солдат до Берлина (Д.М.Недосекин)

Климусов С., Маркова А. О настоящем сибиряке и мужественном солдате (П.М.Пермяков)

Мезенцева Ф. Расписался на рейхстаге (Н.А.Просекин)

Тыхешкин Ю. Родичевы – защитники Отечества (Н.Д.Родичев)

Николаев Г. «Курс на Берлин» (А.Х.Саввинов)

Горбунова Л. Семь кругов ада (К.А.Садовников)

Степанов И. Защитник столицы (Д.П.Сперанский)

Босколова Л. Он не раз смотрел смерти в лицо (А.П.Тарбеев)

Горбунова Л. Наводчик (С.Е.Томилов)

Белованова Ф. Ради жизни на земле (Т.Б.Тухалов, Ф.А.Тухалова-Ильина)

Павлов Л. Долгая дорога домой (Е.А.Халматова)

Хамаганов Д. Нелегка ты, служба солдатская... (Д.Хамаганов)

Шабрихин П. Двенадцать поверженных «мессеров» (Ф.М.Хамнаев)

Бартуев В. Солдат переднего края (Е.Ханаров)

Бартуев В. Сталинград, ты всегда в моей памяти (И.Н.Хандархаев)

Александров Н. Сталинградец на Курской (Н.Е.Ханхаров)

Кольцов Г. Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд (С.В.Ханхатов)

Силантьев А. Он был разведчиком (Д.Т.Хахаев)

Степанов П. Неуспокоенность (Д.Д.Хилтухин)

Горохов В. Погиб, выручая товарища (В.Я.Хинтуханов)

Натаев П. И «Тигры» горели (П.О.Хогоев)

Степанов И. Нам есть чем гордиться (А.Б.Хунтеев)

Александров Н. Подвиг земляка (Е.И.Хунхенов)

Петров А. Долгие версты войны (М.К.Чудопалов)

Сашин Н. Отважный сокол (А.С.Шапхаев)

Цыбиков Б. Полковой связист Юшманов (Н.М.Юшманов)

Герои огненных лет (Круглый стол «Знамени Ленина». 1975г.)

Мезенцева Ф. Это было недавно, это было давно (1995г.)